Ваўкавышчына

Краязнаўчы часопіс

№ 2(7) 2007 г.

КАМУНІКАТ.org

Ад рэдактара

Рэдакцыя вырашыла зрабіць чарговы, № 7 «Ваўкавышчыны» тэматычным. Ён прысвячаецца невялікаму па працягласці, але важнейшаму перыяду нашай гісторыі: з 17 верасня 1939 г. па 22 чэрвеня 1941 г., або перыяду саветызацыі Заходняй Беларусі.

На працягу ўсяго пасляваеннага існавання СССР гэты перыяд гісторыі не падлягаў аніякаму крытычнаму аналізу з боку савецкіх гісторыкаў. Разам з тым усё тое станоўчае, што пісалася пра гэты кавалак жыцця ў афіцыйнай гісторыяграфіі, супярэчыла шматлікім сведкам, якія добра памяталі пра тыя часы. Калі аўтар працы «Першыя Саветы» пачаў запісваць успаміны тых сведкаў на пачатку 2000-х гадоў, то іх засталося ўжо вельмі мала. Але нешматлікія ўспаміны (25 чалавек) дапоўніў багаты архіўны матэр"ял з Дзяржаўнага архіва грамадзкіх арганізацый Гродзенскай вобласці. Гэта былы партыйны архіў, які ў 1939-1941 гадах знаходзіўся ў Беластоку, а пасля вайны, апынуўшыся ў Гродне, быў на многія гады зачынены для даследчыкаў. Пасля распаду СССР архіў адчыніўся. На жаль многія справы і асобныя старонкі іншых спраў і дагэтуль забаронены для карыстання даследчыкаў. Прычым нават забаронена тое, што і блізка не тычыцца дзяржаўнай таямніцы. Напрыклад, забаронена глядзець ведамасць заробкаў партыйных чыноўнікаў тых часоў або скаргі працоўных у абласны партыйны камітэт.

Тым не меньш, артыкул перад вамі, чытачамі. З самага пачатку, у 2005 г., ён быў напісаны на расійскай мове і друкаваўся ў Ваўкавыску ў «Местной газете». З таго часу артыкул значна папоўніўся новымі матэрыяламі.

Рэдактар Мікалай Быхаўцаў
Надрукавана на абсталяванні сяброў
Наклад 200 паасобнікаў

Распаўсюджваецца бясплатна на правах унутранай дакументацыі грамадскай арганізацыі, якая спрычынілася дзеля яго выдання: Ваўкавыскай раёнай арганізацыі ТБМ (Таварыства беларускай мовы) імя Ф. Скарыны.

Аўтары цалкам нясуць адказнасць за дакладнасць сваіх матэрыялаў. Пры перадруку артыкулаў або іх часткі спасылка на часопіс і аўтара артыкула абавязкова.

Адрас для кантактаў:
Ваўкавыск-231900, п/с № 38, Быхаўцаву Мікалаю
Электронны адрас: byhaucau@tut.by

Первые Советы

Николай Быховцев

«Первые Советы» – именно так жители западных областей Беларуси и Украины в послевоенное время стали называть небольшой период своей истории, длившийся неполные два года – с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Затем была немецкая оккупация, после которой снова вернулась советская власть или вторые Советы. До сих пор у старых людей в ходу поговорка: «Первые Советы были лучшие за вторые. Те пробыли всего два года и ушли, а вторые остались навсегда». В этой народной поговорке заключается самая суть, та соль, та истина, характеризующая отношение простого народа к советской власти.

Термин «освобождение», которым и по сей день советская идеология прикрывает агрессию Красной Армии 17 сентября 1939 г. против Польши, вызывает лишь иронию. Не мог Сталин со своими соратниками нести свободу в другие страны, когда в это время в СССР были истреблены десятки миллионов своих граждан, а другие десятки миллионов находились в лагерях уничтожения. Не мог Сталин с его головорезами в форме НКВД одновременно убивать свободу в своей стране и нести ее другим народам. Не мог «родной отец» одеть и накормить чужой народ, когда в своей стране не доедали, когда рабочие и крестьяне не могли свободно купить простого ситца на платье или рубашку. Однако с завидным упорством нам продолжают внушать про выдуманное «освобождение».

Об этом недолгом, но судьбоносном периоде нашей истории, наравне с воспоминаниями свидетелей тех времен, яркую картину дают сохранившиеся документы из бывшего Белостокского партийного архива, которые будут обширно цитироваться в данном исследовании. Документы до недавнего времени были засекречены. Теперь они заговорили во весь голос, с убийственной правдивостью разрушая фальшивый миф советской пропаганды о неком «освобождении». Надо отдать должное, что на партийных заседаниях Волковысского районного комитета того времени реально оценивали текущую ситуацию. Но добиться изменений в лучшую сторону, исправить недостатки удавалось далеко не всегда. Оно и понятно. Новая жизнь строилась по классовому подходу с ликвидацией частной собственности на землю и средства производства, что напрочь лишало бывших предпринимателей, старый управленческий аппарат, да и, вообще, зажиточных людей, добившихся своего материального благосостояния благодаря своей умной голове и своим незаурядным способностям, активно включиться в строительство нового государства. Таких граждан объявляли врагами народа и вместе с семьями отправляли в Сибирь. В этой главе автор не касается репрессий. Черной странице нашей истории посвящено отдельное исследование.

«Светлое будущее» насаждалось силою. Пришедшие с востока начальники, не считаясь с устоявшимися местными традициями, обычаями и укладом жизни, начали устанавливать свои законы, порядки и мировоззрение. И если «при поляках» также хватало несправедливости, то это были «цветочки» по сравнению с пришедшим режимом. Да, кому-то при новой власти зажилось «веселее», но далеко не всем. Тем не менее, все это время советская идеология внушала нам, что без 17 сентября 1939 г. мы, западные белорусы, до сих пор «ходили бы в лаптях» и все поголовно ополячились. История расставила все на свои места. Сейчас мы можем сравнить, кто из нас живет лучше – мы, или Западная Европа, где не ставили преступного эксперимента над людьми, в виде коммунизма. Сравнение оказалось не в нашу пользу. Что касается ополячивания, то на самом деле мы оказались русифицированными.

Советская агрессия против Польши

17 сентября 2007 г. исполнилось 68 лет, как в 1939 г. Красная Армия, без объявления войны и без всякого повода со стороны Польши, перешла границу, разъединяющую два соседних государства. Таким образом, она исполнила секретные договоренности о разделе Польши, заключенные Сталиным с фашистской Германией. Этим СССР не только нанес удар в спину польской армии, истекающей кровью в сражениях с превышающими силами вермахта и люфтваффе, но и порушил все мирные договоры, ранее заключенные с Польшей. Без малого два года спустя также вероломно и подло нападет на СССР сама Германия, вмиг превратившись из верного и лучшего друга Советского Союза в заклятого врага.

В этот же день утром 17 сентября немецкие войска получили приказ остановиться на заранее согласованной с Советами линии Сколе-Львов-Владимир Волынский-Белосток.

Главным аргументом предпринятой против Польши агрессии советское правительство выдвинуло необходимость взятия под свою защиту белорусское и украинское население восточных польских земель перед угрозой их немецкой оккупации. А ведь до сентября 1939 г. советское правительство никогда официально не ставило вопрос о возвращении западных областей Украины и Беларуси. Тем более, что в 1932 г. между Польшей и СССР был заключен Договор о ненападении, и с этого момента Советский Союз никогда не оспаривал законность и справедливость восточных границ Польши. 10 сентября 1939 г., через десять дней после начала войны, в Москве Молотов пригласил посла Германии Шуленбурга и сообщил ему следующее: «Советское правительство было застигнуто врасплох неожиданно быстрыми германскими военными успехами. Красная Армия рассчитывала, что у нее на подготовку есть несколько недель, которые сократились до нескольких дней».

Молотов откровенно предупредил немецкого посла о намерениях Москвы официально заявить миру в оправдание своей агрессии следующую версию. Мол, Польша разваливается на куски, и Советский Союз вынужден прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия: «Это даст Советскому Союзу благовидный предлог и возможность не выглядеть агрессором». Германское руководство не пришло в восторг от такого заявления, но было вынуждено согласиться.

14 сентября Молотов снова пригласил Шуленбурга и сказал о готовности Красной Армии перейти польско-советскую границу. Однако, учитывая политическую мотивировку советской операции (защита украинцев и белорусов), Москва не может начать действовать до того, как падет Варшава [1,с.263-264].

И все же не вытерпели, напав на Польшу до падения Варшавы. Акт о капитуляции Варшавы был подписан лишь 28 сентября.

Белорусский фронт Красной Армии состоял из четырех армий и насчитывал 201 тысячу солдат и офицеров. Им противостояло 45 тысяч польских войск, из которых примерно половина находилась на стадии формирования и фактически без оружия. Наступление Красной Армии усугубило и без того трагическую ситуацию Польши, отрицательно сказалось на морально-психологическом состоянии солдат и офицеров. Поляки продолжали сражаться с немцами, но вступление в войну против их Советского Союза лишило польский народ последней надежды. Маршал Эдвард Рыдз-Смигла, командовавший польской армией, в тот же день отдал в войска приказ: «С Советами не воевать, в бой не вступать, за исключением случаев, когда они будут атаковать или пробовать разоружить наши части… Войска, к которым подошли Советы, должны вступить с ними в переговоры с целью вывода гарнизонов в Румынию или Венгрию».

Почти десять дней сражался с немецкими войсками Львов, куда переехало польское правительство и Верховное командование армии. Но на следующий день после вступления Советского Союза в Польшу президент Игнацы Мосьцицкий и главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы бежали в Румынию. 21 сентября Львов взяли немцы.

Приказ Рыдз-Смиглы помог избежать крупных конфликтов. Согласно польским источникам, всего было зафиксировано 40 случаев сопротивления пограничных патрулей, к которым, по всей вероятности, приказ не дошел, а в полосе Белорусского фронта под Кобрином, Гродно, Вильнюсом и Сопотскином польские патриоты сражались с большевиками по собственной инициативе.Самые ожесточенные бои развернулись 20-21 сентября в Гродно, где советские войска потеряли 16 танков и 47 человек убитыми. Польские войска мужественно обороняли Брестскую крепость, захватить которую фашистам помогла советская артиллерия. Всего на Белорусском фронте Красная Армия потеряла 316 человек убитыми, 642 ранеными (по другим источникам убито и ранено 2599 красноармейцев). В советский плен попали 62 тысячи польских солдат и офицеров, которые, в нарушение международных конвенций, передались под юрисдикцию советской политической полиции – НКВД.

22 октября части 4-й Красной Армии вошли в Брест и Белосток. Брест уже был занят немецкими войсками генерала Гудериана. После совместного обеда, где прозвучали здравицы за Сталина и Гитлера, за вечную дружбу между гитлеровской Германией и Советским Союзом, высшее командование устроило совместный парад. В этот же день немцы покинули город, отходящий, согласно предыдущей договоренности, советской стороне. Совместный парад произошел и в городе Гродно. Здесь парад вместе с немецкими генералами принимал будущий советский маршал Василий Чуйков [1,с.270].

Самым удивительным образом в послевоенные годы об «освобождении» западных территорий Украины и Беларуси Красной Армией в 1939 г. старались не вспоминать. Как не выдумывай мифы про «освобождение», но факты говорят сами за себя – фашисты и коммунисты в разгроме Польши, а тем самым в развязывании Второй мировой войны, действовали по предварительному тайному сговору и сообща. В огромном 12-томном труде «История Второй мировой войны. 1939-1945 г.г.», изданном в СССР 1970-е годы, об агрессии Красной Армии против Польши стыдливо написано всего лишь 7 (семь!) строчек: «...Верное своему интернациональному долгу, правительство СССР отдало приказ Советской Армии 17 сентября 1939 г. перейти государственную границу и предотвратить дальнейшее продвижение гитлеровской агрессии на восток. Советские войска выполнили этот приказ» [2,с.29]. А ведь эта агрессия была крупнейшим событием в мировой истории того времени. Она коснулась обширных территорий, на которых проживали многие миллионы людей и чьи судьбы коренным образом после этого изменились.

Пропагандистская машина Советского Союза вступление в Польшу преподносила как объединение белорусских, а также украинских земель. И это действительно соответствовало исторической истине. Только объединенные белорусы и украинцы не стали после этого жить в самостоятельных и независимых государствах, а оказались под большевистским правлением, которое оказалось совсем не таким, как того ожидали белорусское и украинское население.

Большинство белорусов с радостью и надеждой встречали Красную Армию, ожидая перемен в лучшую сторону. В то же время большая часть патриотически настроенных поляков встречала новую власть настороженно, а то и враждебно. Рассказывает Вацлав Стах, бывший житель местечка Россь, находящегося недалеко Волковыска, ныне гражданин Польши, написавший неопубликованные воспоминания: «17 сентября 1939 г., ближе к полудню, со стороны Волковыска низко над железнодорожными путями в Россь влетел самолет с красными звездочками. Как оказалось, это был советский самолет, который разбросал листовки. Я и мои друзья бросились собирать их. Печатный текст на польском и русском языках извещал: «В связи с развалом польского государства и бегством польского правительства за границу советское правительство берет под свою опеку жизнь и имущество народа Западной Украины и Западной Беларуси. Красная Армия принесет вам освобождение от власти ясновельможных панов, от польской буржуазной армии, польских осадников…»

Народ отнесся к этим известиям по-разному. Поляки – с грустью и сожалением. Моя мама расстроилась не по поводу ясновельможных панов, а по поводу гибели Польши» [3].

Хотя Волковыск в военном отношении не представлял угрозы для Красной Армии, но для нагнетания страха и паники среди местных жителей, город подвергся бомбардировке краснозвездными самолетами в первый же день советской агрессии – 17 сентября. Об этом тоже советские идеологи никогда не вспоминали. Из дневника гимназистки Вероники Тресенберг: «17 сентября. Организации в городе не работают. В ожидании врага были вынуждены снять свои мундиры. В воскресное утро пошли в костел. Налетели самолеты, и люди начали прятаться. Я выбежала на улицу и спряталась под деревом. Раздался дьявольский свист от сбрасываемой бомбы, а вслед за тем страшный грохот взрыва. Смотрю на свой дом, покрывшийся дымом, из-за которого вскоре показалась дымовая труба, и я подумала, что дом остался цел. Бомбы начали сыпаться без конца, но я бросилась бежать домой. Когда прибежала, увидела лишь выбитые стекла да сильно поврежденный сад» [4].

В самом городе Волковыске больше всего ожидало прихода большевиков еврейское население. Вспоминает житель Волковыска Ян Карлович Былинский: «Когда из города на войну с немцами уехал квартировавший здесь 3-й полк конных стрелков и отмобилизовали полицию, 18 сентября евреи вышли с оружием на улицы и начали бить окна в государственных учреждениях. На почтовых ящиках и административных зданиях посбивали белых орлов с короной – польский герб» [5].

18 сентября в Волковыске еще находился 3-й эскадрон 2-го полка уланов майора Мариана Цынгота. После полудня эскадрон выехал из города в направлении деревни Гринки с целью присоединения к находящемуся там полку [6,с.31].

В это время «вооруженная группа диверсантов, в большинстве евреев, организовала нападение на казармы 3-го полка конных стрелков, охраняемых небольшим отделением. В результате нападения казармы частично сгорели, государственное имущество подверглось разграблению. Добытые карабины были розданы местным коммунистам, которые организовали отделы милиции. Скорее всего, этот погром стал причиной возврата одной из частей польской армии, движущейся на Гродно (майора Цынгота - Н.Б.). В Волковыске она учинила свой небольшой погром, в результате которого было убито несколько местных евреев.

На другой день по вступлению в город советских войск в торжественном пропагандистском оформлении прошли похороны погибших евреев, ставшие первым поводом для демонстрации ненависти к раздавленному государству «помещиков и капиталистов» [7,с.148].

А вот как преподносился этот эпизод истории Волковыска местным советскими пропагандистом и бывшим директором музея Алексеем Чернышем: «В страхе перед наступлением Красной Армии из города удрала полиция, в спешке отступили кавалерийские части. Передовые слои населения, члены КПЗБ начали вступать в милицию, создали отряд самообороны. Но не спали реакционные силы города.

Один кавалерийский эскадрон, который со страха удрал в лес от одного слуха, что идет Красная Армия, вернулся в город. Трусливые офицеры польской армии вернулись в город, чтобы поднять оружие против своего народа, отомстить народу, который и так терпел от ужасов войны, развязанной незадачливой польской военщиной. Проводники азоновцев, ярые антисемиты Тыминский, Кастеловский, Вежбовский, стали во главе черной банды разбойников. Под вечер стая бандитов начала погром. Вооруженные офицеры, осадники, полицейские решили уничтожить мирное население в тылу. Притих город Волковыск. Замерли его оживленные улицы. Страх смерти и убийств повис над ним. На улицах каждую минуту слышались выстрелы, слышны были причитания, плач, стоны, крики.

Вот озверелая банда подскочила к дому гражданина Александра Макова. Дом был закрыт. Бандиты топорами рассекли двери. Как стадо бешеных зверей, ворвались они в дом. Схватили хозяина. Начали избивать его. Жена Макова кинулась на колени просить их, чтобы не трогали. Один из бандитов выстрелил ей в плечи. Еле живая, упала она на землю...» – и так далее в подобном стиле описываются ужасы погрома [8].

После вступления в Волковыск Красной Армии некоторые из активных погромщиков

будут арестованы и расстреляны, в том числе и аптекарь Хугон Тыминский.

Но вот что интересно! В результате этого «ужасного погрома» было убито всего несколько человек. О том, чего стоит такое исследование, выдержка из которого только что приведена, можно судить лишь по следующему утверждению: «война, развязанная незадачливой польской военщиной». И это написал бывший директор Волковысского музея! А ведь он наверняка знал, что Польша в этой войне была жертвой, а агрессорами, развязавшими войну, были Германия и СССР. И то, что, по выражению Черныша, «трусливые офицеры вернулись в город» и начали подавлять организованный большевиками мятеж в тылу воюющей армии, называется исполнением военными своего долга. Вот так, с помощью официальных работников «идеологического фронта» нам выдавали белое за черное, или, как говорят в народе, «пудрили мозги».

Выступление евреев против польской власти было воспринято поляками как удар в спину. Красноречиво об этом свидетельствует запись в дневнике Вероники Тресенберг: «18 сентября. В этот день вечером в Волковыске господствовали голытьба и коммунисты. Когда наши войска были разоружены, евреи с нетерпением стали дожидаться с востока проклятых большевиков. В результате возникшей в городе анархии погибло несколько евреев. Поляки никогда не простят им измены. Настроение очень плохое, тем более все время ревели сирены. Еще больше настроение портилось от всевозможных неутешительных слухов и фактов. По деревням и городам банды мужиков разоружают польских солдат и убивают их» [4].

Вероятнее всего, беспорядки в Волковыске, которые пришлось усмирять польским военным, не возникли сами по себе, а были организованы присланными накануне советскими диверсантами из-за польско-советской границы. В распоряжении автора данного исследования имеются интереснейшие воспоминания Николая Васильевича Табакова – бывшего жителя нашего города [9]. Если бы не провозглашенная Михаилом Горбачевым перестройка и гласность, то он, скорее всего, унес бы свои воспоминания с собой в могилу. Ведь начал их писать в солидном возрасте – в 82 года.

Родился Табаков в 1904 г. в Слуцком уезде, в семье крестьянина-батрака, хотя не отрицает, что при царе семья жила неплохо. В 1929 г. вступил в большевистскую партию, а в 1932 г. уже служил уполномоченным 4-й комендатуры 17-го погранотряда ОГПУ на советско-польской границе. На разных участках границы прослужил до июня 1937 г., когда его арестовали по подозрению как врага народа. Отсидев в минской тюрьме полгода, в конце декабря со снятыми обвинениями вышел на свободу. Как известно, пограничники непосредственно подчинялись руководству ОГПУ-НКВД, т. е. проще говоря, Табаков являлся НКВДистом.

«Накануне 17 сентября 1939 г., – вспоминает Табаков, – меня срочно вызвали в ЦК КП(б)Б. Приняла секретарь ЦК – женщина, фамилии сейчас толком не помню, кажется, Грекова. Короче говоря, назначался я уполномоченным ЦК КП(б)Б по установлению Советской власти в западных областях Белоруссии. Получен обстоятельный инструктаж, указаны время и сектор перехода границы, место назначения – Волковыск. Здесь я встретил старого хорошего друга-сослуживца, бывшего коменданта 4-й Старобинской комендатуры Николая Ивановича Павловца. Вместе с ним до укомплектования укома – уездного комитета КП(б)Б, а затем райисполкома, мы, в основном, руководили всеми мероприятиями по организации местных властей» [9].

Как видим, оба чекиста, причем из командного состава, еще до начала вторжения войск Красной Армии, т. е. до 17 сентября, нелегально перешли границу. К сожалению Табаков, скромно умалчивает, в чем заключался инструктаж, чем они занимались с Павловцом в Волковыске до прихода Красной Армии и были ли еще с ними другие диверсанты. Да, именно диверсанты – так называются те, кто нелегально переходит границу и совершает антигосударственные действия в сопредельной стране. И если о своей чекистской службе и времени, проведенном в тюрьме, Табаков рассказывает в воспоминаниях довольно подробно, то о своей деятельности в Волковыске до 19 сентября

пишет в нескольких скупых строчках. Видимо, было что ему скрывать и по прошествии многих десятков лет. Можно только догадываться, что беспорядки в городе возникли не без прямого участия и руководства со стороны чекистских диверсантов.

Приход Красной Армии в Волковыск

В направлении Волковыска наступала 10-я армия Белорусского фронта. Овладеть городом командование приказало моторизованной группе 13-й стрелковой дивизии и 119-му стрелковому полку в срок до исхода дня 18 сентября. Однако поставленная задача выполнена не была. На рассвете 19 сентября, когда моторизованная группа еще формировалась в колонну в 7 километрах западнее города Новогрудка, в Волковыск вошли иные части, а именно – подразделения конно-моторизованной группы 6-го конно-механизированного корпуса 3-й армии [10,с.33-34]. Из донесения командира корпуса Андрея Ивановича Еременки, будущего маршала Советского Союза, в штаб главного командования: «В 7.00 19 сентября танковыми отделами 28-го и 35-го полков заняли Волковыск. Неприятель сопротивления не оказал. Танковый полк сосредоточен в лесу на северо-западе от Волковыска. Провожу разведку в заданном направлении. Выдан приказ по гарнизону о налаживании порядка в Волковыске, а также установлении власти» [10,с.58].

А вот как сам будущий маршал Андрей Еременко (1892-1970) в своих воспоминаниях описывает вступление Красной Армии в Волковыск: «В соответствии с общей задачей, поставленной корпусу, были объединены все наши танковые полки в одну подвижную группу, с тем, чтобы ускорить продвижение на запад и уже на следующий день овладеть городом Волковыском, а затем городами Гродно и Белостоком. Это решение командования корпуса утвердил командующий конно-механизированной группой Иван Васильевич Болдин.

Все шло в основном хорошо, однако, не без некоторых шероховатостей и неприятностей. Проверяя подготовку танков к дальнейшему походу, я обнаружил, что горючего остается мало, хватало только до Волковыска, если танки использовать только как средство передвижения. Но ведь они являются боевыми машинами, должны вести бой и в любую минуту быть готовы к движению. Служба тыла фронта медленно развертывала свою деятельность и не успела своевременно подвезти горючее к быстро ушедшим вперед частям.

Решено было из каждых трех машин одну оставить совершенно без горючего и передать двум остальным. Таким образом, две трети танков и бронемашин становились полностью боеспособными. Треть же машин оставалась на месте без горючего и должна была дождаться его подвоза, а затем двигаться вслед за передовыми частями. Само собой разумеется, что переливание горючего потребовало известного времени.

Кроме этого, обстановка усложнялась еще и тем, что в ночь с 18 на 19 сентября были обнаружены шесть колонн польских войск, двигавшихся из Слонима в направлении на Лиду, перерезая в нескольких местах наши маршруты. Возможны были ночные столкновения.

Когда уже все было готово к выступлению, во втором часу ночи 19 сентября в район нашей вновь созданной танковой группы прибыл член Военного совета конно-механизированной группы Т. Л. Николаев. Неожиданно пришлось выслушать упреки в медлительности продвижения.

– Двигайтесь с танками за мной. Я буду впереди, – приказал в заключение разговора Николаев.

Я предупредил его, что впереди польские войска, с которыми в любой момент возможно столкновение, поэтому ему лучше бы не ехать впереди войск, тем более без надежной охраны. Но это мое замечание Николаев не принял во внимание и приказал своему шоферу двигаться. Закончив с заправкой горючим и отдав распоряжение полкам на марш в направлении Волковыска, до которого оставалось свыше 100 км, я сел в машину, где были

уже комиссар Щукин и представитель Генштаба. Колонны следовали за нами.

Впереди нас двигалось боевое охранение: взвод бронемашин, затем четыре счетверенных пулемета на полуторатонках и взвод быстроходных танков. Стояла темная ночь. Накрапывал мелкий дождик, дул не сильный, хотя насквозь пронизывающий ветер, но настроение оставалось хорошим.

Едва мы проехали 6 - 7 км, как на дороге увидели машину Николаева, окруженную польскими офицерами, которые учинили ему форменный допрос. Наше охранение – броневики, а затем и моя машина – подошли к голове колонны польских войск. Заметив нас, несколько офицеров подняли руки, подавая знак остановиться, и быстро направились к нам.

Я спокойно вышел из машины, посмотрел, не видно ли наших танков, которые следовали за нами. Шум был слышен, но поворот дороги пока скрывал их, затем быстрым шагом, решительно направился к группе офицеров, окруживших Николаева. Один из них наполовину по-русски, наполовину по-польски резко крикнул мне: «Руки вверх, вы пленный!» Я сделал вид, что ничего не понял и попросил повторить по-русски. Мне нужно было выиграть несколько минут.

Поняв мой маневр, командир зенитно-пулеметного эскадрона старший лейтенант Габитов направил счетверенные пулеметы вдоль польской колонны. Броневики в это время тоже стали поворачивать свои башни и готовиться к открытию огня.

– Кто начальник колонны? – спросил я в упор офицера, стоявшего ближе всего ко мне.

– Я начальник колонны. А вам что за дело? – нехотя и не сразу, с каким-то пренебрежением в голосе ответил мне стройный офицер в чине полковника.

– Приказываю вам немедленно освободить задержанного советского командира? – сказал я начальнику колонны и, не обращая внимания на его реакцию, повернулся к Николаеву со словами: - Прошу вас, товарищ Николаев, пройти в машину, я сам закончу с ними разговор. А вам, господин полковник, приказываю сдать оружие, а затем распорядиться сделать то же самое и подчиненным вам людям.

Пока мы переговаривались, наши бронемашины стали пробираться по обочине дороги вдоль польской колонны, с тем чтобы в случае надобности можно было действовать сразу по всей колонне, тем более что вот-вот должны были подойти наши танки.

Как только бронемашины прошли первые 15 - 20 м, к ним бросились польские солдаты, некоторые изготовились стрелять по нашим машинам и солдатам.

Я вышел вперед и спокойно, но громко сказал по-польски: «Стой! Не стрелять!» Никто не осмелился стрелять. Тогда я приказал польскому офицеру немедленно приступить к сдаче оружия. В этот момент из-за поворота дороги ударил яркий сноп света, послышался железный лязг и рев моторов. Это подходила наша танковая колонна.

– Слышите? – показал я рукой на дорогу. – В случае невыполнения приказа я буду вынужден пустить в ход танки. Я думаю, вам нет смысла сопротивляться.

Довольно значительные силы поляков сдались без боя и были разоружены.

Т. Л. Николаев, наблюдавший всю эту картину из своей машины, был несколько смущен происшедшим.

Дальнейшее движение наших колонн шло почти без заминок. Утром 19 сентября мы подошли к Волковыску. В это время я находился в головном танке.

На окраине города, около низенького домика я заметил человека. Он стоял за изгородью и приветствовал нас энергичными взмахами шляпы. Остановив танк, я подозвал его к себе. Не успел я у него ничего спросить, как он подбежал, весело выкрикнул на чистом русском языке:

– Здравствуйте, товарищ командир!

Мы разговорились. Он оказался русским, железнодорожником по профессии, и заявил, что население городов и сел, в страхе перед немецкой оккупацией, с надеждой ждет Красную Армию.

– Польские войска есть в городе? – спросил я.

– Вчера вечером были, сейчас – не знаю. Уже когда я садился в танк, он крикнул мне:

– А что вы скажете, товарищ командир, насчет организации рабочей милиции?

– Действуйте! – ответил я.

Сопротивления в городе мы не встретили. Население, как поляки, так и белорусы, несмотря на ранний час, празднично одетые, высыпали на улицы, запрудили мостовую. Нас приветствовали люди самых различных профессий, останавливали машины, забрасывали вопросами. Весть о том, что в Западную Белоруссию вступили советские войска и несут освобождение трудовому народу, летела впереди нас.

Сердце наполнялось гордостью за Советскую Родину, за наш народ, за Красную Армию – освободительницу.

Приятно было наблюдать на улицах Волковыска и других городов, как жители обнимали и целовали наших запыленных танкистов, артиллеристов, пехотинцев, как повсюду зазвучала белорусская и русская речь и наши песни.

Я остановил танк на площади против здания, на котором красовалась вывеска «Полицейское управление». Захожу туда. Вижу комнату, битком набитую жандармами в темно-синих мундирах и такого же цвета конфедератках.

– Здравствуйте, господа! – сказал я громко, но они молчали.

Не успел я еще как следует разглядеть полицейских, как входные двери с шумом раскрылись и трое вооруженных в штатском вбежали сюда. Среди них я узнал моего знакомого, которого встретил при въезде в город.

Они набросились на полицейских и не особенно любезно стали их обезоруживать. Я им не мешал. А инициатора этого дела, железнодорожника, назначил командиром рабочей милиции. Не прошло и двух часов, как на улицах города появились патрули с красной повязкой на руках. Рабочий народ, не раздумывая, приступил к установлению своей народной власти.

После освобождения Волковыска мы получили приказ повернуть танковые части и одну кавалерийскую дивизию по направлению к Гродно» [11,с.52-55].

Непосредственным свидетелем данного события был житель Волковыска Чеслав Петрович Ружанский:

«Полицейский постерунок находился напротив гарнизонного костела в двухэтажном кирпичном здании, которое полиция арендовала у предпринимателя-мясника католика Соколовского (здание сохранилось до сих пор). Мы жили тут же рядом с костелом. Когда рано утром 19 сентября мать вышла на улицу, то услышала, как полицейские между собой говорили о том, что скоро здесь будут Советы. Наш отец находился на ночном дежурстве по охране казарм, покинутых польскими кавалеристами. Мать испугалась за него и побежала предупредить.

Вскоре возле пастерунка остановилась грузовая машина с вооруженными евреями. Они начали задерживать проходящих мимо польских военных и обезоруживать их – заставляли снимать с себя воинскую амуницию и слаживать в кузов машины. Наверху с пистолетом в руке стоял еврей по фамилии Эльяш.

Находившиеся в постерунке полицейские вели себя нейтрально и не вмешивались. Когда машина заполнилась наполовину, один из разоружаемых солдат залез на подножку машины, выхватил из ножен кинжал и всадил его в живот Эльяшу. Под крики всполошившихся дружков Эльяша солдат юркнул во двор и скрылся. Еще через пол часа на улице показались советские танки. Они остановились возле пастерунка. Танкисты спрыгивали на мощеную улицу и первым делом подходили к расположенной рядом колонке напиться воды. Мой друг Ян Тимошко обратился к танкистам:

– Товарищи! Покажите советские деньги! – они вынимали монеты и дарили пацанам. Нам это понравилось и мы стали просить у других, хотя собравшиеся здесь местные жители ругали нас, чтобы мы не попрошайничали.

Но дети есть дети. Ради забавы тот же Тимошко незаметно поставил на броне одного

Андрей Еременко с товарищами по оружию - немецкими офицерами. Сентябрь 1939 года. Менее чем через два года товарищи станут заклятыми врагами

из танков небольшую печать в виде польского орла. Самое интересное, что потом мы еще раз видели этот танк с фиолетовой чернильной печатью, проходящий в том же направлении и по той самой улице. Советы гоняли свои танки по кругу, чтобы их казалось больше» [12].

То, что с самого начала большевики старались, что называется, пустить пыль в глаза, подтверждает и жительница Волковыска Янина Антоновна Курбатова (Маковецкая), 1927 г. рождения: «Наша семья жила на улице Широкой, как раз напротив гарнизонного костела (сейчас церковь по улице Ленина). Папа смотрел, как Советы проходили через Волковыск. Рассказывал дома, что обратил внимание, как одни и те же танки с одинаковыми номерами ходили по кругу, чтобы создать видимость о многочисленных танках Красной Армии.

Поляки не очень радовались приходу большевиков, а евреи были очень довольные, цветами их встречали. В Волковыске некоторые имели «счастье» пожить под большевиками и потому не ожидали от них ничего хорошего» [13].

Вскоре в Волковыск начали прибывать и другие подразделения Красной Армии. Из донесения штаба 3-й армии верховному командованию: «На основании донесения комдива Еременки из Волковыска танковый отдел 15-го танкового корпуса прибыл в Волковыск в 10.00 19 сентября, а моторизованный отдел 5-го стрелкового корпуса в 9.00 19 сентября.

К утру 20 сентября 15-й танковый корпус своими главными силами без топлива находится в 10-12 километрах на запад от Слонима, в том самом районе, который занял еще 18 сентября. Один танковый батальон, разведывательный батальон и моторизованный отдел 2-й танковой бригады до 7.30 20 сентября находился в Волковыске» [10,с.60].

О проблемах с топливом для техники вспоминал и маршал Буденный: «Мне пришлось в Белоруссии возить горючее для 5 мехкорпуса по воздуху. Хорошо, что там драться не с кем было. На дорогах от Новогрудка до Волковыска 75 процентов танков стояло из-за горючего. Командующий говорил, что он может послать горючее только на самолетах, а кто организует? Организация тыла требует знающих людей» [14].

Тем временем через Волковыск днем и ночью, сплошным потоком шла и ехала

Красная Армия. О том, что среди жителей Волковыска, вышедших на улицы города приветствовать «освободителей», больше всего пришло еврейской молодежи, еврейских бедняков и еврейских беженцев с Польши, вспоминают многие. Рассказывает жительница Волковыска Анна Ивановна Жабицкая, 1924 года рождения: «Когда в город вошла Красная Армия, евреи, взявшись за руки и став в колонну, пошли ее встречать, при этом пели песню «Расцветали яблони и груши…». На груди у многих были прицеплены красные банты» [15].

Вот еще одно свидетельство. Вспоминает житель Волковыска, врач по профессии, Эдуард Викторович Олешкевич: «Красная Армия появилась рано утром со стороны Песок на Виленской улице, где сейчас ЗАГС. Я с отцом, держащим меня на руках, встречал приход войск. Шли танки, а на них сидели грязные бойцы. Жители встречали их с цветами, бросали им коробки с конфетами. Большей частью, как говорил потом отец, это было еврейское население» [16].

В целом, еврейское население Западной Беларуси встретило новую власть дружелюбно. Еврейский историк Е. Вайнриб писал: «Многие начали верить, что положение не будет таково, как оно было в Польше. Что русские сами будут жить и дадут жить другим. Даже упразднение частных предприятий не казалось роковым. Многие из евреев рассчитывали, что найдут работу в администрации, в школах, в кооперативах. Это общее чувство благодарности и облегчения порождало много иллюзий, особенно среди молодежи…» [17,с.103].

Красную Армию встречали не только евреи. Вспоминает жительница Волковыска Тамара Антоновна Калиновская (Бжазовская), пекарь по профессии, 1925 года рождения: «Утро 19 сентября 1939 г. выдалось пасмурное. Мама вышла на улицу, а к ней бежит соседка и кричит: «Пани Бжазовская! У нас Советы!» Мама очень обрадовалась, ведь у нас дома говорили по-русски, и у мамы в России жили брат с сестрой. Тут же все мы собрались и пошли встречать Красную Армию. Мы с сестрой были в гимназической форме – на беретике эмблема в виде книги, а на левом рукаве – шеврон с номерами учебных заведений, у меня – 329, а у моей сестры Ларисы – 916. Солдаты ехали на лошадях, встречали их с цветами, так как в это время у каждого в огороде цвели осенние цветы. В Волковыске была подпольная организация большевиков. Они теперь разъезжали на машинах с красными повязками на рукавах» [18].

Понятно, что улучшение жизни с приходом большевиков связывали и простые рабочие. Однако не все. Вспоминает бывший житель Волковыска, ныне гражданин Польши, Вацлав Навроцкий, 1921 г. рождения: «Мой отец октябрьскую революцию 1917 г. встретил в Минске рабочим-столяром и прожил некоторое время там при советской власти. Наглядевшись на их порядки, ничего хорошего от большевиков не ожидал и сейчас» [19].

Да и среди красноармейцев «освободителей» прекрасно понимали, что принесет сюда большевистская власть. Вспоминает жительница Волковыска Регина Николаевна Шатиловская, 1926 г. рождения: «В 1939 г., когда в город вступили первые Советы, я с подружкой побежала на улицу Широкую. Там шли танки. Нам было очень интересно. Недалеко гарнизонного костела стояли еврейские домики и, как раз возле них задержался танк. Из люка вылез танкист. Очень толстая еврейка подошла к нему:

– Ох! Товарищ! Как хорошо, что вы пришли! Паны так нас замучили! Освободите нас! – на что танкист грубо оттолкнул ее, сказал какие-то непонятные нам слова и заметил:

– По тебе видно, как вас здесь мучили!

А я всю дорогу домой про себя повторяла незнакомые слова, чтобы не забыть. Пришла и спрашиваю:

– Бабушка! Что значат такие слова! – и повторила, что слышала от танкистов.

– Это, дитя, очень плохие слова! Не говори их! – так я впервые услышала русский мат» [20].

Вопреки усиленной антипольской агитации советских идеологов, среди личного состава Красной Армии имелись отрицательные проявления настроений по поводу развязанной

Советский танк на улице одного из городов Западной Беларуси в сентябре 1939 г.

против Польши войны. Политорганы выявляли и в своих донесениях отмечали многочисленные критические высказывания. Так красноармеец взвода особого отдела 13-го стрелкового корпуса Кружилин задавался вопросом: «На нас не напали фашисты, и мы чужой земли ни пяди не хотим брать, так почему же мы выступаем?» Красноармеец в/ч 4474 Ленинградского военного округа Макаров считал, что «Советский Союз стал фактически помогать Гитлеру в захвате Польши. Пишут о мире, а на самом деле стали агрессорами. Население Западной Украины и Белоруссии не нуждается в нашей помощи, а мы ее захватываем и только формально сообщаем, что не воюем, а становимся на их защиту» [21,с.452-453].

Кроме Волковыска, восторженно встречали Красную Армию и в тех деревнях, где жило православное население. Вспоминает бывший житель деревни Дубровники Волковысского района, ныне житель Волковыска Адольф Брониславович Урбанович, 1929 года рождения: «В Подороске Красную Армию встречали с радостью, даже демонстрацию устроили. Кричали: «Свобода! Свобода!» А потом увидели, что это за свобода. Бывало, по двое суток в каталажке держали, чтобы на государственный денежный заем подписались» [22].

Свидетелем встречи Красной Армии в деревне Зиновичи, что расположилась вдоль дороги между деревней Подороск и местечком Ружаны, был бывший житель соседней деревни Зеленевичи Иван Александрович Вишневецкий, 1922 года рождения: «В деревне Зеленевичи до 1939 г. насчитывалось 42 хозяйств. На всю деревню приходился всего один поляк по фамилии Полайбо, служивший в полиции, да и тот был женатый на белоруске. Остальные все белорусы и говорили на белорусском языке. Земли не богато имели: от «участка», состоящего из 9 га, до «пол шестухи», что приблизительно, 2 га. «Участок» имел только один хозяин. Однако коней держали во всех хозяйствах, кроме двух, где не было взрослого хозяина. Жили бедно, поэтому все ожидали лучшей доли, связывая это ожидание с присоединением к Советской Беларуси.

16 сентября я с мужиками пошел на ночь охранять проходящую вдоль дороги Ружаны-Волковыск линию связи. Начали охранять ее по приказу властей с самого начала войны. В качестве оружия с собой имел топор, заткнутый за пояс, да бело-красную повязку на рукаве под цвет польского флага. Меня оставили в соседней деревне Зиновичи на перекрестке двух дорог, а остальные мужики разошлись дальше вдоль дороги. Здесь на оживленном перекрестке стояла единственная на несколько окрестных сел лавка Статкевича. Я забрался в стог соломы, стоящий в огороде хозяина Юрки Шимоновича, и стал оттуда наблюдать за дорогой. Где-то среди ночи со стороны Подороска послышался шум двигающихся телег, а вскоре к лавке подъехал небольшой обоз с полицейскими. Зашли в лавку и спустя некоторое время продолжили свой путь в сторону местечка Ружаны. Однако под утро обоз возвратился назад. Потом узнал, что утром обоз задержали мужики с Подороска. В телегах находилось оружие. Полицейские не стали стрелять и бросили обоз.

Утром 17 сентября мужики, что охраняли связь, собрались на перекрестке. Тут с соседней деревни Ярошевичи к нам подкатили на телеге трое вооруженных винтовками крестьян и сообщили новость:

– Хлопцы! Большевики к нам пришли!

Они поснимали у нас повязки, оторвали белый лоскут, а оставшуюся красную полоску материи вновь повесили на наши рукава. Послали на три стороны разведку с заданием наблюдать появление Красной Армии. Тем временем под их руководством начали сооружать праздничную браму, украсив ее хвоей и красными флагами. Притащили с какой-то хаты стол, кто-то испек каравай. Вообщем, приготовились к встрече освободителей.

Только Красная Армия все ни как не ехала. Народу со всех окрестных деревень собралось, может несколько тысяч: от детей до стариков. У всех праздничное настроение. Прождали напрасно до самого вечера, и расстроенные разошлись по домам.

На следующий день опять с самого утра толпа запрудила перекресток – и опять все в пустую. Наконец на третий день утром 19 сентября на лошади примчался дозорный и закричал: «Едут!». Через какое-то время со стороны местечка Ружаны появился один единственный танк. Впереди на броне танка был прикреплен большой портрет человека с усами. Так большинство из нас впервые увидели изображение вождя советского народа Иосифа Сталина. Возле стола с караваем в руке стоял мужик по фамилии Гратовский. От имени встречающих он приготовился сказать приветствие освободителям, так как был единственным из всех в округе, кто умел говорить по-русски. Танк на небольшой скорости приблизился к браме и, не останавливаясь, въехал в нее. Длинный орудийный ствол уже навис над столом и стоящая вокруг толпа, издав крик изумления, готова была броситься врассыпную. Однако в самый последний момент танк резко затормозил и стал как вкопанный. Открылся башенный люк, и из него показалась голова в танкистском шлеме. На землю один за другим соскочили три танкиста и по русскому обычаю попробовали хлебный каравай.

– Немцы по близости есть? – спросили они у людей. Немцев никто не видел.

Вскоре показалась колонна, состоящая из танков вперемешку с машинами, на которых сидели красноармейцы.

– Ура! – кричали стоящие на обочинах дороги люди, и приветливо махали солдатам руками. Иногда колонна останавливалась, и крестьяне обступали спрыгнувших на землю бойцов. Мужики менялись с ними махоркою и с интересом разглядывали советские деньги.

– Ура! Ура! – до самого вечера крестьяне приветствовали Красную Армию. Многие охрипли от крика, но продолжали кричать осипшими голосами.

Через трое суток колонны советских войск потянулись в обратном направлении – с Волковыска на Ружаны. Люди подумали, что Советов разбили немцы, и они начали отступление. Однако это была передислокация войск.

Надежды на лучшую жизнь стали сбываться незамедлительно. Комиссия, созданная из местных мужиков раздала беднякам имущество единственного в округе помещика

“Брама”, которой встречали “освободителей” 17 сентября 1939 г. На плакате надпись: “Да здравствует Рабоче-Крестьянская Армия, освободительница рабочих масс З Б и З У”

Романовского. Кто получил лошадь, кто корову, кто свинью, кто сельхозинвентарь. Ближе к весне 1940 г. поделили помещичью землю. Больше делить было нечего. А вскоре у тех же мужиков новая власть начала выколачивать хлеб. Вначале крестьяне откликнулись на призыв власти и добровольно сдали государству хлебные излишки: кто пуд, кто два. Но этого оказалось мало, и зерно принялись забирать нахально. Забирали все подчистую, не оставляя даже на семена. И тогда крестьяне стали прятать хлеб. Осенью того же года после уборки урожая на крестьян наложили огромные налоги, которых при Польше никогда не платили. И тогда люди поняли, что представляют собой большевики» [23].

Через Волковыск на запад днем и ночью, не встречая никакого сопротивления со стороны польской армии, двигались советские войска. Так,20 сентября в 4.00 мотогруппа 119-го стрелкового полка прибыла в Волковыск, где была подчинена 15-му танковому корпусу конно-механизированной группы. В 3-х километрах западнее города она столкнулась с двумя эскадронами поляков и, потеряв одного человека убитым, взяла в плен 150 человек [24].

В Волковыск начали прибывать армейские и фронтовые штабы. Из дневника боевых действий 10-й армии: «1-й транспорт штаба армии из Негорелого прибыл в Волковыск 21 сентября в 23.00» [10,с.97].

В этот же день в Волковыске встретились командиры двух армий-агрессоров. В результате переговоров представителей германского командования из Генерального штаба и 6-го кавалерийского корпуса была согласована процедура отвода вермахта из захваченного ими Белостока. В это время соединения советского 6-го кавалерийского корпуса находились на линии Большая Берестовица, Свислочь [24].

Из депеши № 21 наркома внутренних дел Беларуси Цанавы к своему непосредственному начальнику Лаврентию Берия: «Танковые отделы наших подразделений к концу дня 20.9.39, достигнув рубежа на линии Кузница, Городок, восточный берег реки

Нарва и станция Жабинка, вошли в контакт с разведывательными отделами немецкой армии, избежав столкновения. После установления контакта в Волковыск и Кобрин прибыли офицеры немецкого Генерального штаба с целью встречи с командованием группировки РККА, и обменом информацией по месту нахождения частей обеих армий» [25,с.134].

22 сентября в Волковыск из Минска прибыл первый транспорт штаба Белорусского фронта [25,с.115]. Штаб 10-й армии перебазировался дальше на запад – в город Белосток. Из оперативного донесения № 14 штаба армии: «25 сентября в 12.00 первый транспорт штаба армии, а в 12.30 второй транспорт, выехали из Волковыска в Белосток» [25,с.168].

Штаб Белорусского фронта находился в Волковыске до 30 сентября [25,с.210].

Белорусским фронтом, «освобождавшим» Западную Беларусь, командовал командарм 2-го ранга Михаил Прокопьевич Ковалев. После занятия Волковыска он на постой разместился в районе деревни Яныши, расположенной у самого Белостокского шоссе в пяти километрах западнее города. Рассказывает житель деревни Яныши Виктор Юрьевич Пивоварчик, 1922 года рождения: «Тогда, в сентябре 1939 г., вокруг Янышей расположились различные службы Красной Армии. Передвижная пекарня в огромной палатке выпекала хлеб, который забирали подъезжающие машины. Недалеко расположилась медицинская часть, из которой в нашем доме на постой определились пять женщин – медицинских работника. Вечером к дому подъехала легковая машина с каким-то важным командиром. Я спросил у шофера кто это к нам пожаловал, на что он ответил: «Скоро сам узнаешь!» В дом внесли походную кровать командира, а вскоре выяснилось, что у нас остановился сам командующий фронтом генерал Михаил Ковалев. Пробыл он здесь около недели и появлялся только по вечерам, на ночевку. Тогда наш дом охраняли часовые с винтовками. Иногда командарм вел разговоры с моим отцом, расспрашивая о том, как наша семья во время Первой мировой войны была в беженстве в России, и о жизни при Польше. Однажды ему принесли отрез материала, купленного у еврея в Волковыске. Это оказался обыкновенный качественный материал байка, которого, судя по всему, у «освободителей» в своих магазинах не было. Мы целый день проводили в поле, а в это время в нашем доме распоряжались женщины-врачи. От неумелого и чрезмерного пользования плитой она полопалась, за что моя мачеха была очень сердита на них» [26].

Через полгода, когда началась война с Финляндией, Ковалева направили командовать 15-ой армией. Вторгнуться в обессиленную и не оказавшую сопротивления Советам Польшу у него получилось, а когда перед ним оказался более сильный противник, тут у Ковалева получился конфуз, выяснилось, что воевать он не умеет. Не оправдавшего доверие командарма Сталин направил командовать Забайкальским военным округом, где в глубоком тылу Ковалев просидел всю последующую войну с немцами.

Первые впечатления

В «освобожденном от панского ига» Волковыске начали проводиться различные митинги, на которых выступали как местные активисты, так и прибывшие с Красной Армией советские штатные агитаторы. Рассказывает житель Волковыска Ян Карлович Былинский: «В самое ближайшее время представителями новой Советской власти был организован митинг среди рабочих паровозного депо – наиболее многочисленной организации рабочих Волковыска. Для такого торжественного случая рабочие приоделись в выходные костюмы, члены социалистических рабочих партий на лацканы своих пиджаков нацепили партийные значки, ведь освобождение от эксплуататоров было и их праздником, ради которого они вместе с коммунистами Западной Беларуси боролись против только что рухнувшей власти. Воодушевленные, как им казалось, пришедшей с востока свободой, представители партий взбирались на импровизированную трибуну из досок, перекинутых между двумя токарными

станками и, окрыленные надеждой на лучшую жизнь, произносили пламенные речи:

– Наконец-то, панове, мы дождались свободы! Пришла наша народная власть! Рабочая власть!

Наступила очередь и представителя новой Советской власти Николая Павловца:

– Товарищи! Советская власть пришла на белорусскую землю и освободила вас от панского ига! – и еще добавил нечто в подобном духе. И тут Павловец прошелся по местным борцам за свободу:

– А эти, только что выступавшие «пэпээсовцы» и им подобные – это продажные шкуры! – бывший НКВДист и диверсант с чекистской прямолинейностью вылил на ошарашенных социалистов поток словесной грязи. В деле мнимого освобождения от эксплуататоров рабочего класса и крестьян большевики не терпели никакой конкуренции и сотрудничества, поэтому все другие социалистические партии считались вражескими. Опешившие от такой бесцеремонной ругани и беспардонности, партийцы побоялись что-то возразить. Тут же незаметно начали снимать с груди свои партийные значки» [5].

«Пэпээсовцы» – члены легальной польской социалистической партии, которые боролись с польским правительством за предоставление широких прав профсоюзам, проведение на селе земельной реформы с передачей крестьянам части помещичьих земель. В их легальной партийной газете «Robotnik» под заголовком печатался лозунг: «Да здравствует власть рабочих и крестьян, да здравствует социализм!». В этой газете они также сообщали и правдивую действительность жизни в СССР: о принудительной коллективизации, о голодающих колхозниках и о массовой высылке крестьян в северные районы.

Люди сразу поняли, что новая власть не терпит никаких конкуренции и инакомыслия, и что надежды на свободу придется похоронить. Рассказывает житель Волковыска Иосиф Павлович Зайко, 1921 года рождения: «Вскоре наш сосед – один из активистов волковысских коммунистов – членов КПЗБ и слесарь паровозного депо Адольф Клинцевич имел неосторожность сказать при свидетелях: «Это не освободители, а оккупанты!». В ближайшую ночь за ним пришли, но он предусмотрительно успел скрыться. В собственном доме на углу Колеевой и Замостянской улиц у него остались трое сыновей, дочь и жена. К ним еще несколько раз наведывались НКВДисты в поисках врага, а через некоторое время Адольф Клинцевич с семьей нелегально пересек границу, перебравшись из долгожданного им советского рая в оккупированную немцами Польшу» [27].

А вот что происходило в те дни в соседнем с Волковыском городке Свислочь, административно входящем в Волковысский повет. Об том времени рассказывает бывший житель деревни Ятвеск, тогда учащийся Свислочской гимназии, а ныне гражданин Польши Станислав Бабиньский: «Местные коммунисты образовали революционный комитет и уже на следующий день после прихода Красной Армии начали уничтожение польских символов в городе. Прежде всего, двинулись к памятнику Ромуальду Траугутту. Приставили лестницу и пробовали разбить орла, венчающего памятник. Однако из этого ничего не вышло. Тогда сорвали табличку с барельефа, надписи и цифры с пьедестала, после чего отправились уничтожать эмблемы и надписи на административных зданиях. В этот день убили заместителя коменданта полиции Костюкевича и старшего полицейского Станьчика. Коммунисты установили в конце улицы Сенкевича триумфальную браму с приветственными надписями и портретом Сталина. Красную Армию встречали хлебом-солью члены Коммунистической партии Западной Беларуси.

Памятник Траугутту в покое не оставили. В начале октября видел, как уничтожали мемориальную плиту и сам памятник с орлом. На лицах людей, собравшихся поглядеть на варварство, я не увидел радости, хотя среди них стояли белорусы и евреи. К этому времени многие из них на собственной шкуре начали ощущать прелесть «освобождения от панского ига». В городе ощущалась напряженность, царили неуверенность и печаль» [28,с.29].

Удивляет ненависть местных белорусских и пришлых коммунистов к памяти одного из руководителей восстания против царской России – Траугутта, который был казнен

царскими властями. А вот чужих немецких революционеров, вроде Карла Либкнехта и Клары Цеткин, они почему-то возносили и называли в их честь улицы в городах.

Некоторые местные активисты являлись необразованными, без всякой культуры людьми, или, как тогда говорили – «хамами». Вспоминает житель деревни Безводное, что возле деревни Мижеричи бывшего Волковысского повета (сейчас Зельвенский район), Василий Степанович Семеняков, 1920 года рождения: «Хочется остановиться на одном случае, который по моему разумению, много о чем свидетельствует. Возле Мижерич размещалось поместье Скирмунта – Мештавичи. Кучером у помещика служил муж моей сестры А. Чопкевич. После прихода Советов я заехал на несколько дней к ним и стал свидетелем следующего. Скирмунт покинул большую библиотеку, которая большей частью состояла из книг на польском и французском языках. В основном это была художественная и познавательная литература. В бывшее поместье заявился вчерашний узник лагеря в Березе-Картузской, чтобы уничтожить «крамольные» книги. Его действия свидетельствовали о личной безграмотности и неподготовленности до такого дела, так как большинство полезных и нужных книг он покидал в огонь. Увиденное возмутило не только молодежь, но и малообразованных батраков» [29,с.146].

В целом население Западной Беларуси при вступлении на ее территорию Красной Армии не выступило с оружием в руках против польских властей, и антипольские эксцессы в поведении белорусского и еврейского населения были редкостью. Подавляющая часть белорусского населения смену власти встречала с осторожностью. Во всяком случае, стихийно не возникали ни встречи с хлебом-солью, ни братание с красноармейцами. Церемонии встречи красноармейцев были одинаковые во всех местах – с триумфальными арками, что свидетельствует о заранее подготовленном сценарии, постановщиками которого являлись ячейки коммунистов в Западной Беларуси. Правда, были эти «триумфальные арки», или как называли по-местному – «брамы», всего лишь сбитыми из трех жердей, прибранныхцветами да хвоей. Иногда на арку вешали приветственный лозунг с портретом Сталина. Стихийно возникали лишь группы грабителей. Особенно подверглись разграблению покинутые хозяевами усадьбы. Деревенская беднота резала свиней, растаскивала добро, много чего по неосторожности сожгли. Бывшие батраки не спешили стать новыми хозяевами, поэтому коровы стояли не доеные, кони – некормленые, овечки бродили по окрестностям без пастухов. Книги из библиотек и архивы растаскивались для растопки печей и иных нужд.

Сразу после прихода Красной Армии стали проявлять активность освобожденные из тюрем коммунисты и другие активисты. Были созданы временные управления на местах, а вслед за ними – народная милиция и рабочая гвардия. Не дожидаясь соответствующих законодательных актов, активисты начали реквизировать и делить помещичьи земли, коней, коров.

Рассказывает бывшая жительница деревни Озериско Волковысского района, ныне жительница Волковыска, Софья Ивановна Бердик (Рутковская), 1925 года рождения: «Наша семья имела 18 гектаров земли и жила в деревне Озериско. Как жилось при первых Советах? О Боже! Это истинное пекло было! В соседней деревне Малая Лапеница жило много бедняков. Как только туда вошли советские танки, бежали встречать их, кричали от радости, думали, что лучше станет жить. Из Шукайлов в Озериске кулаков сделали. У них была жатка и молотилка. Ездили осенью по домам и просили людей помочь убрать с поля урожай. Рассчитывались мукой, крупой, картошкой. При Советах многие в Лапенице сделались начальниками – нацепят красную повязку на рукав и идут в Озериско Шукайлов раскулачивать – коров и свиней забирать. Из хлева выгоняли коней и овечек, каждый себе в свой хлев забирал. А Шукайлы, чтобы все это нажить, работали от темна до темна, горбом своим добро наживали. Раньше, когда к ним из Лапеницы крестьяне приходили огород полоть, то понабирают с собой еще не выросшей морковки, свеклы. Спрашиваю у них:

– Почему у себя не посеете в огороде?

Ян Карлович Былинский. Фото 2006 г.

– А у нас если кто посеет, то другие придут и вырвут – своруют. Мы и решили, что лучше у Шукайлов накрасть.

Тогда, при Советах, лапеницкие крестьяне у Шукайлов даже картошку выкапывали себе. Даже дрались из-за лучших картофельных полосок – не уступали друг другу. Шукайлы картошки много сажали.

Был у нас жеребец такой красивый, темный, как вишня, а на лбу звездочка беленькая. Еще раньше отец купил его в Свислочи. Забрали его в Лапеницу люди с красными повязками. Упирался, бедный, не хотел уходить, чувствовал, что разлучают с хозяевами навсегда» [30].

Красноречивей о том, кто и как становился хозяином положения в первые дни прихода новой власти, и не скажешь.

Некоторые хозяева, видя, как отнимают нажитое добро, поступали иначе. Вспоминает бывший житель деревни Войтковичи Казимир Степанович Дуда, 1919 г. рождения: «В Войтковичах жила богатая хозяйка Миниха. Муж ее еще раньше умер, а жила она с сыном и дочерью. Сорок пар коней держала. В просторное гумно, где хранилось жито, согнала коров с конями и подожгла, чтобы не досталось большевикам. Ничего не спасли. Сама ушла» [31].

Многие крестьяне, воспользовавшись моментом безвластия, принялись за лес. Начались несанкционированные вырубки делового леса для строительства и отопления.

Рассказывает Ян Карлович Былинский: «В деревнях многие хозяева бросились в лес валить сосны. Нагружают подводы и везут домой. Вскоре их стали задерживать представители новой власти:

– Что такое?! Почему самовольно вывозишь лес?
– Буду строить новую хату!
– А кто тебе разрешил?
– Так это же помещичий лес!
– Да! Помещичий, но не твой! – и заставляли разгружаться»

Впрочем, грабили не только древесину, которую вывозили из леса и днем и ночью.

Вывозили с лугов стога чужого сена, спускали ставы, чтобы полакомиться рыбой, опустошали чужие сады, огороды и поля [5].

Между тем Волковыск и повет наводнили различные части Красной Армии. Жили красноармейцы в парусиновых палатках или просторных жилых и хозяйственных постройках помещичьих усадеб. Уже по внешнему виду солдат и командиров местные жители обращали внимание, что «освободители» обмундированы хуже солдат и офицеров польской армии.

Вспоминает Ян Карлович Былинский:

«Мне запомнился вид командира, пришедшего к соседям проситься на постой. Фуражка с огромным квадратным козырьком, зеленая хлопчатобумажная гимнастерка по самые колени, диагоналевые широкие темно-синие брюки. Редко у кого из них были хромовые сапоги, а у большинства – из брезента, начищенные черным гуталином и собранные гармошкой. Опоясан портупеей, а вместо часов на левой руке – огромный компас» [5].

Когда этой же осенью 1939 г. под страхом оккупации прибалтийские республики были вынуждены подписать со Сталиным пакты о взаимной помощи,Советский Союз получил

право разместить на территории Эстонии и Латвии по двадцать пять тысяч своих солдат, в Литве – двадцать тысяч. Туда передислоцировались многие войска из уже «освобожденной» Беларуси. Советский военный атташе в Латвии полковник Константин Павлович Васильев докладывал начальству в Наркомат обороны, какое неважное впечатление произвели на местное население красноармейцы: «Внешний вид бойца и командира выправкой и общей подтянутостью и опрятностью одежды в значительной степени отстает от латвийской армии. Как правило, наш командный состав, появляясь в общественных местах или просто в городе, под шинелью имеет револьвер и полевую сумку, отчего до комизма раздуваются бока, выходят в город в старых шинелях и небритыми. Красноармейцы в старом засаленном обмундировании и плохо подогнанных шинелях и тоже небритые. Все это производит неблагоприятное впечатление» [1,с.397].

Многие из местных жителей вспоминают, что советские военные выглядели грязно и неряшливо, пушки тянули худые кони, а солдаты чаще всего передвигались пешком.

Не лучше выглядели и гражданские люди, нахлынувшие в Западную Беларусь вслед за армией. В октябре 1939 г. заместитель комиссара внутренних дел Решетников докладывал: «27 сентября в Волковыске выступила бригада артистов Белорусской Государственной Филармонии. Большинство из них специально оделось плохо, чтобы в Западной Белоруссии приобрести новую одежду. Это среди местных жителей вызвало удивление, что артисты Советского Союза очень плохо одеваются» [32,с.61].

Верится с трудом, чтобы артисты специально оделись плохо. Вряд ли это способствовало приобретению новой одежды. Скорее всего, им действительно не было чего одеть по причине бедности их гардероба.

Командирам и солдатам Красной Армии, кроме политруков-агитаторов, строжайше запретили общение с «освобожденным» местным населением. Вспоминает Казимир Степанович Дуда из деревни Войтковичи: «В Войтковичах расположилась кавалерийская часть. Кони у них были маленькие, монгольской породы, не чета польской кавалерии. Вели себя нормально, не грабили. Жили в палатках. В них и на зиму остались. Военным не разрешали общаться с жителями, даже в дома запрещалось заходить. Один раз молоденький лейтенант обморозил себе ноги, то ему вначале не позволили зайти в дом, отогреться в тепле. Потом видят, что дело плохо, разрешили. Зашел в наш дом. Мать принялась оказывать ему помощь. Разговорились:

– У вас нет бедных! Все помещики! – заявил нам.

А в нашей деревне действительно люди одевались неплохо. В каждом хозяйстве держали коней и другую живность. У них там, в колхозах, давно такого не было» [31].

Вместе с тем политработники Красной Армии по заданию областного партийного руководства исследовали ряд населенных пунктов Белостокского воеводства. Занимался этим политический отдел 6-го кавалерийского корпуса имени товарища Сталина под руководством полкового комиссара Моссовского. 30 декабря 1939 г. под грифом «секретно» он предоставил Белостокскому обкому на 34 листах политико-экономическую информацию проверенных деревень и местечек. Ниже приводится информация на местечко Мстибово, деревни Шустики и Малую Лапеницу Волковысского района: «Мстибово. Дворов – 217, на хуторах – 12. Население в местечке – 1138 человек и на хуторах – 38 человек. По национальному составу: поляков – 828 человек, белорусов – 43 человека, а остальное население – еврейское. Рабочих – 18-20 хозяйств, торговцев – 18-20. Из организаций ранее существовали: союз стрельцов и молодежная католическая организация «страж пожарная» и фашистская «страж-обывательская охрана», руководитель Владимир Окулинский, который сбежал. В настоящее время эти организации, по словам председателя сельсовета, не существуют. Клуба в местечке нет. Библиотека есть польская. Имеется школа-семилетка. Партийной и комсомольской организации нет. Организуются кружки молодежи. В местечке имеются костел и церковь. Ксендз Марк Бурак – организатор католической молодежи. Попа нет. В последнее время ксендз свою работу удвоил. Население, в том числе молодежь,

особенно много ходит в костел. Политико-массовой работы со стороны руководящих органов почти не проводится. За контрреволюционную работу в НКВД сдали Александра Койдана.

Шустики. Дворов – 62, хозяйств – 67. Из них: белорусов – 60 хозяйств, польских – 7. Население – 294 человека. Рабочих, работающих стрелочниками на железной дороге, – 3 человека. Бедняков – 10 хозяйств, середняков – 52 и более зажиточных – 5 хозяйств. Контрреволюционных и религиозных организаций не было. Церкви и попов нет. Школы и библиотеки нет. Клуб есть. В нем собирается молодежь для прослушивания бесед. Партийных и комсомольских организаций нет. Актив состоит из четырех человек: Степан Дубай, Остап Нестер, Юльсий Напоровский, Михаил Якимец. Временный комитет состоит из пяти человек. Председатель – Иван Донеда, секретарь – Владимир Каляда.

Малая Лапеница. 150 домов. Состоит из местечка Лапеница и фольварка Озериско. Население – 1100 человек. Белорусов – 1020, поляков – 45, евреев – 35. Бедняков – 60 дворов, середняков – 48, кулаков – 7, осадников – 9. Торговцев – 4. Это: Шварц, Давид Чеворк, Рахиля Воконовецкая и Петр Лепко. Портных – 8. Существовала организация стрельцов, которой руководил Осип Карась из деревни Каменица. Религиозных организаций – нет. Церкви – нет. Клуба и библиотеки – нет. Имеется школа и два учителя. Учительница Дубровская учительствует 8 лет. Ее муж арестован. Партийных и комсомольских организаций – нет. Комитет состоит из пяти человек. Председатель – Георгий Шукайло, заместитель – Иван Шукайло, секретарь – Михаил Мопронов. Актив – Владимир Немец, Петр Буфан» [33,с.426].

Об учителе из Малой Лапеницы Дубровском вспоминает бывший его ученик, житель Малой Лапеницы и учитель по профессии, краевед Григорий Семенович Окуневский, 1926 года рождения: «Директор школы Бронислав Дубровский был очень хорошим и душевным человеком. За ним из Волковыска приехали на «черном вороне» и забрали прямо из школы. Успел только сказать: «До свидания, дети!». За что его арестовали – неизвестно. Скорее всего, за то, что являлся авторитетом для местных жителей. А может, не понравился бывшему здесь некоторое время политруку по фамилии Томаль. Во всяком случае, посодействовал аресту Дубровского именно он. Его жену и сына не тронули. Жена Алина Даниловна получила от него письмо из Архангельской области. Потом прошел слух, будто бы он там, в лагере и погиб» [34].

А вот интересные выводы и впечатления одного из «освободителей» Леонида Михайловича Сандалова, в 1940 г. начальника штаба 4-й армии, впоследствии генерал-полковника, закончившего войну на должности начальника штаба 4-го Украинского фронта: «Колонну штаба мы догнали, когда она уже покидала Барановичи, и еще до наступления темноты прибыли в Волковыск. Там мы разместились в казармах, построенных некогда для старой русской армии.

…2 ноября 1939 г. свершилось официальное воссоединение Западной Белоруссии с Советской Белоруссией. После этого перед командованием округа встали совершенно необычные вопросы огромной важности: надо было организовать оборону новых пограничных рубежей, разместить войска в районах, где недавно еще господствовали капиталистические и даже феодальные порядки.

Чтобы быстро и правильно решить эти вопросы, руководители штаба и управлений округа выехали для осмотра пограничной зоны, городов, селений, дорог и особенно военных объектов Западной Белоруссии. Результаты этих выездов доставили большие огорчения. Мы увидели, насколько уменьшились теперь наши возможности для стратегического сосредоточения и развертывания войск в случае войны. Пожалуй, единственным человеком, которому поездка по освобожденной территории не принесла особых забот, был начальник топографического отделения. Села, деревни и даже города в Западной Белоруссии сохранились почти такими же, какими они были перед Первой мировой войной.

Вспоминаю такой случай. Вместе с заместителем начальника штаба комбригом Петрушевским я возвращался после осмотра белостокского направления в Волковыск, в штаб округа.

– А не посмотреть ли нам знаменитые селения – Голынку, Свислочь, Зельву и особенно Мстибово и Изабелин? – сказал Петрушевский.

Дело в том, что в Белорусском округе для командирских занятий на картах частенько использовались листы района Волковыск, и перечисленные выше селения были хорошо известны всем нам.

Не без волнения объехали мы эти никогда не виденные нами в натурепункты и удивились, с какой точностью сообщала данные о них старая карта. За четверть века в селениях почти не прибавилось домов, не было построено ни одного завода, сохранились даже нанесенные на карту отдельные дворы, в частности, памятный всем нам «Двор Франко» (до 1939 г. фольварк в гмине Свислочь в составе громады Сыроежки.- Н.Б.).

Подробный анализ условий, сложившихся для войск округа после их выдвижения в Западную Белоруссию, сделал комкор Пуркаев в октябре 1939 г. при передаче обязанностей начальника штаба округа комдиву В. Е. Климовских. По этому поводу состоялось совещание, на котором присутствовали, если не ошибаюсь, комиссар штаба и все начальники отделов.

– Бесспорно, – докладывал на совещании Пуркаев, – с общеполитической точки зрения вступление советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину должно быть оценено положительно, ибо наши пограничные рубежи передвинулись далеко на запад. Но эти преимущества скажутся лишь тогда, когда мы приведем новую пограничную полосу в такое же состояние, какое было на старой границе.

Из сделанного Пуркаевым обзора состояния и возможностей Западной Белоруссии участники совещания хорошо уяснили, что перемещение сюда войск округа связано с огромными трудностями. Казарменный фонд был ничтожно мал. Аэродромная сеть не развита, причем аэродромы не имели бетонированных взлетно-посадочных полос, что позволяло размещать там современные самолеты только летом. Железнодорожная сеть оставалась такой же, как накануне Первой мировой войны. Ширина железнодорожной колеи была здесь уже, чем у нас, и это создавало дополнительные трудности для стратегических перевозок. Недоставало и шоссейных дорог, идущих с востока на запад. Их оказалось только две.

– На прежней границе, – продолжал Пуркаев, – мы имели мощные укрепленные районы, да и непосредственным противником тогда была лишь Польша, которая в одиночку напасть на нас не решилась бы, а в случае ее сговора с Германией установить выход немецких войск к нашей границе не представило бы труда. Тогда у нас было бы время на мобилизацию и развертывание. Теперь же мы стоим лицом к лицу с Германией, которая может скрытно сосредоточить свои войска для нападения. При этом нельзя забывать, что немцы захватили в Варшаве документы генерального штаба польской армии: расположение всех военных объектов в Западной Белоруссии им хорошо известно. И еще одно важное соображение: на территории Западной Белоруссии много людей, враждебно настроенных к Советской власти. Немецкое командование постарается широко использовать их в разведывательных и диверсионных целях» [35].

В ход идет пропаганда

Насаждаемые новые порядки обеспечивались мощнейшей поддержкой большевистской пропаганды и идеологии. В ход часто шли такие примитивные приемы, как обман, подлог, и, конечно, обещания лучшей жизни. Перед вступлением в Западную Беларусь советские солдаты и командиры получили подробные инструкции как себя вести. На все вопросы местного населения следовало отвечать: «У нас все есть!», «У нас этого много!», «Мы это изготавливаем на фабриках!». Иногда доходило до смешного. Вспоминает житель Волковыска, строитель по профессии, Евгений Степанович Крук, 1919 года рождения: «Возвращаясь в Волковыск из польской армии, сел в Барановичах на поезд. В купе набилось много народу. Среди них сидели два командира Красной Армии – один молодой, а второй – постарше, с седыми усами. Молодой командир сразу же занялся «брехаловкой», восхваляя

Евгений Степанович Крук
Фото 1938 года

все советское. Один еврей возьми да и спроси:

– У вас и апельсинов много?

– О! Апельсинов?! Завались! У нас такие комбинаты, что работают в три смены и апельсинов выпускают, сколько хочешь! – все засмеялись, только седой командир молчал. Бедный юноша даже не знал, что такое апельсин, но врать уже íàó÷èëñÿ» [36].

Âñïî ì èí àåò áû âø èé æèòåëü ì åñòå÷êà Ðî ññü Âàöëàâ Ñòàõ: «Ì åñòå÷êè è ï î ñåëêè òî í óëè â ì î ðå êðàñí û õ òðàí ñï àðàí òî â, òàê í àçû âàåì û õ ëî çóí ãî â. Ì èòèí ãè ñòàëè í åî òúåì ëåì î é ÷àñòüþ æèçí è êàæäî ãî í î âî ãî äí ÿ. Ï î ëèòðóêè è ï ðèåçæèå ñâî ñòî êà àãèòàòî ðû âî ñõâàëÿëè ï ðåêðàñí óþ æèçí ü â ÑÑÑÐ, î äí î âðåì åí î êðèòèêóÿ è âû ñì åâàÿ âñå ï î ëüñêî å. Äî ñî äèëî äî ï ðèì èòèâí î ãî î áì àí à. Ãî âî ðèëè, í àï ðèì åð, ÷òî â Ï î ëüø å ñ ãî ëî äó ëþ äè åëè êî ðó ñ äåðåâüåâ. Êî ãäà í àø åëñÿ î äèí ñì åëû é ÷åëî âåê è âî çðàçèë ï î ëèòðóêó, ÷òî ýòî í å ï ðàâäà, òàê êàê ñàì áåäí ûé, í î í èêî ãäà òàêî ãî áëþ äà í å åë, ï î ëèòðóê â î òâåò äî áðî äóø í î ñî ãëàñèëñÿ ñòåì , ÷òî ì î æåò áû òü î í î è í å ï ðàâäà, í î òàê ï î ëî æåí î ãî âî ðèòü: «ýòî í å ï ðàâèëüí î , í î ï î ëèòè÷åñêè – ï ðàâèëüí î !» [3].

Комиссары Красной Армии, не имея малейшего представления о действительной жизни в Польше, будучи твердо уверенными, что несут освобождение от рабства обездоленному народу, часто сами оказывались в дурацком положении. Об одном из таких эпизодов рассказывает в своих воспоминаниях «На службе Отечества» бывший подполковник царской армии Шайдицкий, в то время управляющий небольшого кирпичного заводика в деревне Плетяничи возле Зельвы: «Я радовался «русскому» войску. Я с первого взгляда готов был прослезиться при виде родной солдатской шинели и не мог удержаться, чтобы не выйти на шоссе. Ко мне собралась кучка моих рабочих. Танковая колонна остановилась. Вышел комиссар и красноармейцы.

– Чей это завод? – спрашивает он.

Рабочие указывают на меня.

– А! Это ты, мерзавец, кровопийца рабочего!

– Почему кровопийца? Я работаю физически не меньше чем они. Я своими руками ставлю каждый кирпич в печь для обжига. Я с помощником веду обжиг каждой черепицы и каждого кирпича, к тому же веду всю письменную работу. Я своими руками засеваю свои поля.

– А сколько ты платишь ей? – указывает комиссар на стоящую возле меня работницу-крестьянку из деревни Плетяничи.

– Два польских злотых (имеется в виду за один день – Н.Б.), а формовщик получает от каждой тысячи 6 злотых.

– Как тебе не стыдно, кровопийца, так обижать рабочих!?

Тут я не вытерпел, зная, что в СССР один кг сала стоит 25 рублей, масло – 35 и черный хлеб – 3 рубля, спрашиваю:

– А сколько у вас получает рабочий в день?

– У нас зарабатывает 15 рублей!

– А сколько он может купить на эти деньги хлеба, сала? Цены в Польше тогда были: 1 кг черного хлеба – 0,2 злотых, ситного – 0,25, сала – 1,4, говядины – 0,7, масла – 2-3, молока – 0,1 злотых.

Тут мой комиссар послал всех красноармейцев по местам и обратился ко мне:

– Твои документы! – я показал.

Колонна двинулась дальше, а я с гнетущей тоской и с разочарованным чувством к «родной, милой русской шинели» ушел к себе.

В польское время в каждой нашей гмине было 5-10 человек коммунистов, преимущественно молодежи в возрасте 16-20 лет. ...По мере продвижения Красной Армии и захвата новых гмин и поветов, в каждую из них прибывал заранее назначенный комиссар. Он вооружал их, из них составлял Совет и этот Совет всех терроризировал» [37,с.510].

Перед «освободительным походом» Советы заранее приравняли советский рубль к польскому злотому. Но, как видно из данного сравнения, покупательская способность в Польше и Советском Союзе оказалась далеко не в пользу советского рабочего. Действительно, советский рабочий мог купить за дневной заработок 5 кг хлеба и чуть больше 0,5 кг сала. Самый низко оплачиваемый польский рабочий мог купить 10 кг хлеба и больше одного кг сала. Комиссар мигом это сообразил, и потому отослал своих бойцов, чтобы не слушали крамолы. Так что Красная Армия пришла не освобождать рабочего и крестьянина, а порабощать.

Тем не менее, новая власть с завидным упорством старалась выдавать черное за белое. С помощью силы и принуждения заставляла поверить «освобожденный народ» в свое призрачное счастье. Однако среди большинства обывателей сразу возникало неприятие лживой советской системы. Их души не могли смириться с фальшивой советской идеологией. Из донесения начальника УНКВД по Белостокской области: «Учитель деревни Рожки, Свислочского района Ржевский 7 декабря 1940 г. в беседе с нашим источником заявил: «Нам предложено разработать с учениками письмо от имени белорусского народа тов. Сталину, и вот, когда читаешь строки, где сказано, что белорусы при бывшем польском правительстве жили под ярмом панов, в нищете и голоде, а сейчас при Советской власти народ живет весело и счастливо, то эти слова у ребят вызывают смех. Они знают, что раньше при польском правительстве жили радостно и хорошо, а сейчас при Советах – в нищете и голоде. Так как сейчас ничего нет, поэтому я не могу рассказывать ребятам о Советах такое, совести не хватает». Ржевский взят в разработку» [38,с.276].

Новая власть уничтожала все то, что символизировало старую польскую власть.
В Волковыске, прежде всего, убрали символ независимой Польши – памятник Вольности (Свободы). 16-тиметровый обелиск стоял возле городского железнодорожного вокзала, примерно на том месте, где сейчас памятник-пушка. Воздвигнут был в октябре 1926 г. по инициативе и на средства волковысских железнодорожников. Венчал высокий обелиск бронзовый орел с раскинутыми крыльями. В знаменательные для польско-белорусской истории дни, возле памятника собирались жители города и в торжественной обстановке произносили пламенные речи. В первые же дни после прихода Красной Армии рядом с монументом выкопали длинный ров, куда и закопали низвергнутую Свободу. Свобода останется похороненной на
долгие десятилетия. В прямом и переносном смысле.

Бюст Пилсудского, стоявший по улице Костюшки, ночью перед приходом советов тайно сняли патриоты, спрятав в надежде на лучшие времена. Возможно, бюст где-то лежит до сих пор.

2 октября Бюро ЦК КП(б)Б постановило собрать 4 октября в Волковыске совещание, на котором должны были присутствовать руководители временных управлений всех городов Западной Беларуси. Почти все они,как правило, вскоре будут назначены на местах первыми секретарями КП(б)Б. В совещании принимали участие члены Бюро ЦК КП(б)Б и члены

Совета Народных Комиссаров Белорусской ССР во главе с первым секретарем ЦК КП(б)Б БССР Пантелеймоном Пономаренко. На совещании присутствовал командующий Белорусским фронтом Михаил Ковалев. Было принято решение об утверждении созданных ранее Временных управлений в границах бывших воеводств: Белостокского, Виленского, Полесского (позже разделенного на Пинский и Брестский) и Новогрудского (позже Барановичский). Пономаренко выступил с докладом на тему об очередных задачах Временных комитетов. После совещания все руководители разъехались по своим городам.

Вместо старых вывесок с белым орлом в короне на административных зданиях теперь развивались красные флаги. Из дневника волковысской гимназистки Вероники Тресенберг: «6 октября. 1939 г. Преобладает плохое настроение. В городе везде развешаны красные тряпки, а на верху магистрата вывесили звезду. Идя в магазин, как можно скорее прошла улицу, чтобы не видеть глумлений и оскорблений со стороны советских поработителей. Встретила нескольких знакомых, в глазах которых стояли слезы. Вид у них был грустный, так как догадывались, что их ожидает. Тихие жертвы, терпящие за Отчизну. Когда возвращалась из школы, возле тюрьмы повстречала около двадцати человек, которых гнал конвой. Я сказала своему товарищу, что если бы сейчас у меня была граната, бросила ее в охранников. Подобное видишь на улице чуть ли не каждый раз. Жалостное зрелище. Когда все это закончится?»[4].

Пропагандистская машина заработала на всю мощь. Прежде всего, восхвалялась мудрость великого вождя народов Сталина, непобедимость Красной Армии, нерушимость единства партии и всего благодарного народа, могущество социалистической экономики и колхозов. Все это словоблудие выплеснулось со страниц начавшей издаваться в районе газеты под названием «Заря». С первых номеров газета вдалбливала в головы читателям сильный идеологический заряд. Рассказы жителей о трудной жизни при «панской Польше» обязательно заканчивались благодарностью в адрес Красной Армии и отдельно товарищу Сталину, «протянувшему руку братской помощи изнывающему от гнета населению Западной Белоруссии» [39,с.6].

Но самым надежным средством пропаганды явилось кино. До прихода Советов большинство крестьян никогда не видели живую картинку на белом экране, так как если они и приезжали в Волковыск, где находилось кино, то им просто было недосуг. Сейчас передвижные киноустановки приезжали сами к ним в деревню, оболванивая людей показом красивой и выдуманной жизни в СССР. И это в то время, как там, в лагерях и тюрьмах ГУЛАГа находились в неволе, умирали от непосильного рабского труда и голода многие миллионы советских людей. В то время, когда после принудительной коллективизации крестьянства свободный труд на российской земле канул в небытие и в результате чего от голода умерли миллионы крестьян.

Перемены в школьном образовании

Как проходило становление советских школ в Волковысском повете, хорошо видно из воспоминаний Эммануэля Голдберга, бывшего жителя Свислочи: «Спустя несколько дней вакуум власти, который образовался в результате падения Польши, был заполнен. Председателем городского совета стал Пинхас Винер. Винер в середине 1930-х годов за политическую деятельность был приговорен польской властью к смертной каре, замененной на пожизненное заключение. Начавшаяся война освободила его из тюрьмы. Свислочь входила в состав Волковысского повета, но уже в начале 1940 г. административное деление изменилось, и Свислочь стала административным центром образованного Свислочского района. Здание городского Совета находилось рядом с гимназией. Я имел педагогическое образование и было естественным, что меня назначили в комиссию по созданию новой образовательной системы. Белорус по фамилии Волынчик, известный своими

антисемитскими взглядами, был назначен председателем этой комиссии. Рекомендации комиссии должны были быть представлены городскому Совету в тот же самый день. Волынчик открыл заседание комиссии на белорусском языке. Хотя я слабо говорил на белорусском, но неплохо понимал этот язык. Он объявил, что согласно распоряжению отдела образования польская средняя школа должна стать белорусской. Другая польская начальная школа в центре города, в которой и происходило наше собрание, также должна стать белорусской начальной школой. Третья начальная школа, расположенная в предместьях города останется польской, при условии, что в ней наберется необходимое число учеников. Религиозная еврейская школа должна стать светским еврейским учреждением и останется в том же здании и при том же руководстве. Все школы будут открыты немедленно, и все прежние преподаватели будут повторно наняты. Последовало обсуждение. Представитель местных польских преподавателей воздержался от дискуссии. Тогда взял слово я и на польском языке потребовал сохранить польскую школу, основываясь на основном социалистическом принципе равенства для всех национальных групп. Против моего предложения выступил единственный человек, однако мои соображения были приняты. Решение собрания было запротоколировано, поставлены подписи присутствующих, и протокол был отдан в местный Совет.

...В начале октября открылась светская еврейская школа, носившая ранее название «Тарбут». Она получила статус неполной средней школы. В ней я был назначен преподавателем еврейского языка, литературы и истории. В этой школе я был учеником в течение семи лет, и мой отец после Первой мировой войны преподал в ней еврейский язык и литературу. Классы были полностью укомплектованы. Дети стремились учиться, и были дисциплинированными. Новых учебников не было вовсе. Не было тетрадок, не хватало даже мела. Председателем районного отдела образования был назначен Резник из Минска, который заверил, что книги и тетради в ближайшее время прибудут из Минска» [79].

Не заставили ждать и перемены в школьном образовании – вводилось бесплатное обязательное семиклассное образование. В связи с этим количество учащихся в Западной Беларуси увеличилось на 25 %. С целью ликвидации неграмотности организовывались курсы для взрослых.

На первых порах школы создавались с тем языком обучения, который соответствовал национальному составу населения в данной местности, в то время как на территории Восточной Беларуси перевешивало образование на русском языке. В связи с планом присоединения к СССР прибалтийских стран, большевики стремились доказать защиту ими национальных интересов. Но уже в 1940/1941 учебном году школы с белорусским языком обучения начали повсеместно сокращаться. Руководителями школьной администрации и директорами школ назначались русские, которые не знали ни белорусского языка, ни тем более – польского.

С самого начала перевод с польской школы в советскую школу оборачивался для учеников потерей одного года, так как они повторно шли в тот же класс, что недавно окончили.

Вспоминает жительница Волковыска Тамара Антоновна Калиновская (Бжазковская): «В 1939 г. я закончила шесть классов начальной школы и поступила в купеческую гимназию, расположенную по улице Воля. Но мою дальнейшую учебу изменила новая власть. Вновь пришлось идти в начальную школу в шестой класс, но уже с русским языком обучения. Размещалась она по улице Жвирки и Вигуры в бывшей начальной польской школе. Изучали и белорусский язык, который преподавал Иван Андреевич Ховлянцев» [18].

Вместе с тем в городе и во многих деревнях учащиеся школ знали только польский язык, поэтому прибывшие из СССР новые учителя не могли преподавать на русском языке. Вспоминает бывшая жительница деревни Гнезно, Анна Матвеевна Садовская, 1930 г. рождения: «После 17 сентября 1939 г., когда пришли Советы, нас еще неделю учили прежние учителя. В один из дней в школе занятия прекратились. Ученики со старших классов бегали и кричали: «Идите все домой! Уроков не будет!». Дело в том, что наши учителя скрылись.

Школа в Гнезно. Фото 1935 года

И хорошо сделали, так как многих из оставшихся учителей вскоре вывезли в Сибирь. С нашей школы не побоялся остаться лишь один учитель по фамилии Шеремет, которого также выслали в Россию. Для нас потеря учителей было большой трагедией: ученики сидели за партами и плакали.

Вскоре Советы прислали к нам новых преподавателей. Были это польские евреи из Варшавы, успевшие удрать от немцев. Дело в том, что мы не знали ни белорусского, ни русского языка. Поэтому какое-то время русскому языку нас учили евреи. Вскоре Советы объявили беженцам из Польши о возможности возвращения назад. Наши учителя Сара и Лутэк записались на выезд. Говорили: «Мы узнали, кто такие Советы и лучше вернемся!» Всех желающих, кто изъявил желание возвратиться в Польшу, посадили в вагоны и повезли. Через некоторое время моя мама получила письмо из Архангельска. Оказывается, вместо Варшавы евреев вывезли на север» [40,с.53-54].

Многие ученики не воспринимали новых порядков и открыто высказывали свое возмущение. Вспоминает жительница деревни Бискупцы Волковысского района Ольга Петровна Козлова (Шарук), 1923 года рождения: «В то время я училась в гимназии имени Стефана Батория, а при Советах гимназию закрыли. В этом же здании сделали начальную школу, куда я вновь пошла в седьмой класс. Ученики сговорились и решили не учить русский язык. Свое неприятие высказывали тем, что открывали окна и во весь голос пели: «Еще Полска не згинэла!» [41].

В конце ноября 1939 г. полномочный представитель ЦК ЛКСМБ в Белостокском воеводстве докладывал о подготовке в проведении празднования 22-ой годовщины социалистической революции и массовой политической работе среди молодежи:

«…необходимо отметить, что морально-политическое состояние части студенческой молодежи, в большинстве польской, есть нездоровое, а в некоторых случаях имеются явно контрреволюционные выступления. В польской государственной гимназии города Волковыска гимназист Бордацкий перед демонстрацией 7-го ноября агитировал за то, чтобы не отвечать на приветствия на демонстрации и выразить неудовольствие Советской властью молчанием. Гимназисты этой же гимназии Разводовский и Кирилло произнесли контрреволюционные речи перед уходом на демонстрацию, а гимназистки Щенок, Роговская

и Дырыда на утреннике 8-го ноября 1939 г. отказались петь Интернационал, заявив, что «Еще Полска не згинэла!».

В торговом лицее в Волковыске студенты не вышли на учебу и устроили забастовку за то, что два студента были исключены из лицея за хулиганство.

В мужской гимназии на станции Волковыск Центральной (имеется в виду средняя школа с раздельным обучением мальчиков и девочек. – Н. Б.) появился лист с карикатурой на товарища Сталина. Отдельные учащиеся этой гимназии 10 ноября заявили: «Мы являемся патриотами Польши. Об этом нам говорили 18 лет подряд, а поэтому мы все равно не явимся на учебу 11 ноября (в этот день праздновался государственный праздник приобретения независимости Польши. – Н. Б.)».

В Волковыске кто-то бросил гранату вовнутрь клуба красноармейской части, в котором шла кинокартина. Граната не взорвалась. Возле клуба задержаны трое гимназистов» [42,с.170].

В то же время один из свидетелей данного случая Теофил Волыньский вспоминает: «В кинотеатр во время сеанса бросили гранату. Убило одного и ранило пятеро большевиков» [32,с.62].

Молодые души школьников противились насаждаемой большевистской идеологии и постоянному вранью про лучшую жизнь в СССР чем в Польше, тем более с каждым месяцем жизни при новой власти сравнение все явственнее становилось не в пользу советов. В своей замечательной книге “Записки западного белоруса” Иван Данилов вспоминает: «Польские учителя любую ситуацию экономической или политической жизни государства объясняли правдиво без всяких идеологических натяжек и никогда не говорили, что польские граждане живут лучше всех в мире, как это было свойственно советским учителям, подчеркивавшим экономическое превосходство СССР.

...Какими свободными и раскованными были наши польские учителя в выборе и обсуждении любой литературной и исторической темы. Какими правдивыми и объективными были их суждения без каких-либо идеологических прикрас. ...Какими стальными (а точнее сталинскими) обручами была скована советская школьная программа, особенно по истории и литературе...» [78,с.с.40, 51].

Для повсеместного надзора, в том числе и в учебных заведениях, из числа тех же школьников новая власть вербовала доносчиков. Из дневника гимназистки Вероники Тресенберг: «10 декабря 1939 г. Митингам не видно конца. Нас заставляют разучивать песни, которые мы не хотим петь. Например, «Москва моя кипучая…». Зачем мне их кипучая Москва, когда мы имеем культурную Варшаву. В который день мы с подругами взбунтовалась и отказались петь, за что наши фамилии были занесены в журнал…

16 декабря. Наш класс был бы единым, если бы не Б. и М., которые шпионят и делают подлости. Когда Польша восстанет, они еще пожалеют. С их подачи я на примете в НКВД. По этой причине в моей сумке произвели обыск, и я все время чувствую на себе их взгляды. Верю, что для них наступит Божий суд» [4].

Так что не часть бывших гимназистов была враждебна советской власти, как выше отмечал в своем донесении комсомольский функционер, а подавляющее большинство. Образованная молодежь не спешила и не хотела принимать новую идеологию, построенную на отрицании Бога, нелюбви к своей нации, Отчизне и ее многовековой истории. О недостатках в перевоспитании местной молодежи отмечалось 15 января на бюро укома КП(б)Б: «Наряду с проделанной работой отдельными комсомольцами и в целом комсомольской организацией, бюро укома КП(б)Б отмечает наличие серьезных недостатков в работе комсомольской организации уезда. Совершенно неудовлетворительно поставлена работа комсомола среди рабоче-крестьянской и учащейся молодежи, особенно девушек. Ряд комсомольских организаций пренебрежительно относится к будничной повседневной работе среди молодежи, не использует имеющиеся возможности для организации актива из лучшей части молодежи на предприятиях, деревнях и школах. Значительная часть учащейся

Георгий Владимирович Болейко
Фото 1950-х годов

молодежи находится вне влияния комсомольских организаций, что дало возможность контрреволюционным молодежным организациям, таким как «млодопольска», «стрелец», «харцэры», «зухи» проводить в школах враждебную деятельность, и в результате которой имел место случай появления контрреволюционных листовок, призывавших к борьбе с Советской властью» [43,с.16].

Не сладко приходилось и учителям, вынужденным перестраиваться по ходу учебы. Из рукописных воспоминаний бывшего учителя деревни Гуменники Слонимского района, гражданина Польши Яна Вобера: «Я, как учитель, зарегистрировался в отделе образования и вскоре получил направление в одну из сельских школ с белорусским языком обучения. Не владея хорошо этим языком, с местным населением объяснялся на польском. Трудностей в обучении детей имел много, путая польский, белорусский и русский языки. Единственной помощью при этом стал старый белорусский букварь «Зярнята» вместе с грамматикой Тарашкевича. Одновременно учился сам на вечерних курсах русского языка, которые проводил молодой человек, окончивший сельскохозяйственную школу в Жировицах. Потом, во время зимних каникул, образовали новые курсы для учителей, где оказалось, что большинство из них русского языка не знали.

Состав преподавателей в школе был разнородный. Вместе со старыми польскими кадрами работали и такие, которые закончили по два класса царской школы. Преподавали в школах и бывшие инженеры, которые не могли найти работу по своей непосредственной специальности.

В школьной избе произошла смена декораций. Вместо президента Мостицкого, маршалка Пилсудского и Рыдзы Смиглого появились портреты Сталина, маршала Ворошилова, Молотова, Ленина и Маркса.

Классы были переполнены. Я имел перед войной в Гуменниках 70 учеников, при Советах – 110, которых не мог разместить никаким способом и поэтому получил на собрании нагоняй, мол, государство столько денег тратит на образование, а в то же время много детей находится вне школы. Молодежь страшно распустилась, так как невозможно было применять наказания. Олухи говорили мне прямо в глаза: «Мы, наконец, дождались свободы!»[44].

Для обеспечения процесса обучения преданными советской власти педагогическими кадрами, в 1940 г. были открыты педагогический институт в Белостоке, учительские институты в Барановичах, Гродно, Пинске, шесть педагогических училищ (в Белостоке, Бресте, Гродно, Молодечно, Новогрудке, Пинске) и два дошкольных педагогических училища – в Волковыске и Лиде.

Белорусские дети, до этого не имеющие возможности учиться на белорусском языке, охотно и с удовольствием воспринимали свой родной язык.

Вспоминает житель Волковыска Георгий Владимирович Балейко, к приходу Советов учившийся в Вильно в электромеханическом лицее, но после начала войны 1-го сентября

1939 г. вынужденный оставить учебу и вернуться в Волковыск: «Чтобы не сидеть без дела, пошел учиться в 10-й класс средней школы, разместившейся в здании бывшей торговой гимназии. Учились на польском языке, но с декабря 1939 г. нам начали преподавать белорусский язык. Помню, как первый раз к нам в класс пришел учитель, что раньше вел польский язык, и говорит:

– Я окончил в Виленском университете факультет польской литературы, где нам преподавали дополнительно белорусский, русский и, кто хотел, чешский языки. Каб вам было, цікава прачытаю ўрывак з беларускай паэмы «Тарас на Парнасе»:

Ці знаў хто, братцы, з вас Тараса,
У палясоўшчыках што быў?
На пуцявішчы ў Панаса
Ен там ля лазні блізка жыў...»

Все ученики были заворожены красотой белорусского языка и, когда он закончил, восторг превзошел все ожидания – класс разразился долгими аплодисментами» [45].

Промежуточный итог преобразований в системе образования отмечался 15 апреля 1940 г. на партийной районной конференции в Волковыске: «До установления советской власти по Волковысскому уезду насчитывалась всего 51 школа. Учебой в них было охвачено 9291 человек учащейся молодежи, преимущественно детей помещиков, чиновников, осадников и польской шляхты.

(Вранье! Посещение школы было обязательным для всех детей. Другое дело, что начальные школы в сельской местности, в основном, были одно, двух или трехклассными, где учили только читать, писать и считать. Подобные подтасовки фактов о жизни в Польше со стороны новой власти стали повсеместными. – Н. Б.)

В этих школах работало 228 учителей, значительная часть которых была специально прислана из центральных областей бывшей Польши. Во всех школах, за исключением четырех еврейских частных, преподавание велось исключительно на польском языке. Основными воспитателями являлись поп и ксендз. Обучение было платное.

(Опять вранье. В начальных школах города и села образование являлось бесплатным. Платить надо было при получении специального образования. Но в 1930-е годы такое образование для многих стало платным и в СССР, а с 3 октября 1940 г. в Советском Союзе обучение в высших учебных заведениях и старших классах обыкновенных школ стало платным повсеместно. Вводилась эта дискриминационная мера, как писалось тогда в газетах, в связи с тем, что благосостояние трудящихся якобы невероятно повысилось. И, конечно же, якобы платное обучение было сделано по просьбе самих трудящихся. Школы в Советском Союзе мгновенно опустели, так как на самом деле народ в стране был нищим. Все это было задумано для введения системы эксплуатации детского труда. Вместо учебы в старших классах детей отправляли в училища при заводах, не спрашивая желания и лишая права выбора профессии. Побег из училища карался по всей строгости Уголовного кодекса. «Обучение» велось в сочетании с выполнением производственных норм, т.е. дети работали бесплатно. Потом за такое «обучение» следовало отработать четыре года на данном заводе без права выбора места, профессии и условий работы. Тогда же многим студентам пришлось покинуть учебу из-за того, что были лишены государственной поддержки, т.е. стипендий. Вернули бесплатное образование только через 10 лет в 1950 г. – Н. Б.)

В настоящее время по району дополнительно открыто 32 школы и увеличено число учащихся на 5121 человек. Таким образом, в районе мы имеем 83 школы и в них 14362 учащихся. Преподавательский состав увеличился на 97 человек, а всего по району 325 преподавателей. Начальных школ – 63, неполных средних – 16, средних – 4, вечерних – 1. Из них: белорусских – 74, русских – 1, польских – 4, еврейских – 4. Вечерних школ по району – 55. В них обучается 1781 человек, из них неграмотных – 601 человек, малограмотных – 1130. (Во многих случаях эти цифры оставались только на бумаге. Фактически посещаемость школ была ниже. – Н. Б.)

К существенному недостатку следует отнести большую засоренность преподавательского состава классово-чуждым элементом. Так, по имеющимся данным, социальный состав преподавателей распределился следующим образом: рабочих – 53, крестьян – 87, служащих – 109, кустарей – 30, торговцев – 31, офицер – 1, арендаторов – 2, духовного культа – 2. Задача состоит в том, чтобы как можно быстрее освободиться от классово чуждых людей и дело подрастающего поколения передать в надежные руки. Серьезным недостатком также является и отсутствие учебников на русском и белорусском языках» [43,с.30].

На «засоренность» преподавательских кадров на конференции обращал внимание и заведующий педагогическими курсами Букинич: «На этом участке работы положение у нас, надо сказать, не совсем благополучное. Учительские кадры засорены классово-чуждым элементом, и поручать им воспитание нашей молодежи ни в коем случае не можем. Однако, несмотря на это, районо работу по очистке преподавательского состава проводит нерешительно. До сегодняшнего дня в еврейской школе работает преподавателем бывший ревизионист, который при проведении выборов в Народное собрание открыто выступал против советской власти. В Волпенской школе работает директором бывший офицер, а в Ятвези – бывший дьячок, который с приходом Красной Армии перестроился на учителя и теперь работает в школе. Таких фактов мы имеем много. Работа среди молодежи, особенно со стороны комсомольских организаций, поставлена плохо. Имеются факты, когда комсомольцы вместо деловой работы занимаются пьянством, устраивают вечеринки» [43,с.30].

А ведь пьянство, как и сами комсомольцы, пришло сюда вместе с советской властью. При Польше с пьянством довольно успешно боролись. Во многом этому способствовали церковь и костел. При Советах, наоборот, повели борьбу с религией.

С 1940 г. большевистская власть взяла курс на русификацию образования. Когда год назад в польских и еврейских школах сначала ввели обязательное изучение белорусского языка, то теперь он заменялся русским. В русских школах белорусский язык отменили вообще.

Началось увольнение местных преподавательских кадров, их спешно заменяли присланными с востока. Однако вскоре спохватились. Оказалось, что часть из них в учителя не годится. Секретарь первичной парторганизации районо Семенов 16 ноября 1940 г. на собрании партактива остро критиковал работу с кадрами: «В нашем районе, как и в других районах, очень много искривлений в школьном вопросе. Ошибки исходили из директив облоно, который дал распоряжение заменить местных учителей присланными из восточных областей. Часто к нам присылали учителей непроверенных, малограмотных и морально неустойчивых. Например, в Верейках работает самый ярый пьяница. В Шауличах комсомолец сказал учительнице, по национальности еврейке, пусть лучше уходит из школы, потому что здесь евреев не любят. Хотели перевести этого зарвавшегося самодура в другую школу, чтобы создать здоровую обстановку вокруг его и перевести в другой учительский коллектив, но прокурор нам этого не разрешил. В местечке Россь учительница, член ВКП(б)Б, ведет аморальный образ жизни и занимается пьянством » [46,с.20].

В начальный период советского правления для населения были открыты польские, белорусские и еврейские школы. Не было только русских школ. Но поскольку количество российского армейского и административного персонала постоянно увеличилось, было решено открыть российские школы для их детей и для местных детей, родители которых хотели, чтобы их дети получили образование на русском языке.

В русской школе города занималось много детей приехавших начальников. Директор русской школы № 2 по улице Жвирки и Вигуры (сейчас Осипенко) Карней на пленуме районного комитета партии 10 ноября 1940 г. обратил внимание на такой факт: «К нашему большому недостатку нужно отнести то, что дети наших коммунистов учатся хуже и ведут себя недостаточно хорошо. Наши товарищи забыли, что за воспитание детей отвечает не

только школа, но и родители. Отдельные командиры РККА просто портят своих детей, воспитывая у них пренебрежение к физическому труду. Один полковник каждый день привозит в школу и отвозит своего ребенка на машине. Этот барчонок пренебрегает занятиями физкультуры и не посещает эти уроки» [47].

Вот как выглядели цифры по составу учителей в Волковысском районе в начале 1941 г.: всего учителей – 386 человек. Из них: польской национальности – 155 человек, белорусов – 113, евреев – 97, русских – 17, других национальностей – 4 человека. Состояло в партии – 5 учителей, в комсомоле – 65, беспартийных – 310 [48,с.131].

И все же, несомненно, успехи в расширении грамотности, обстояли лучше, чем при Польше. Причем, больше всего это касалось сельской местности.

Кадры решают не все

Большинство поляков и белорусов, которые при Польше находились на государственной службе, новой властью были отвергнуты и сняты со своих постов. На их места для установления новых советских порядков из СССР постоянно приезжали все новые и новые партийные руководители и административные работники. Западная Беларусь, в сравнении с центральными областями Польши, считалась бедной окраиной, но в целом население жило куда богаче, чем в соседней Советской Беларуси. Поэтому после «освобождения» Западной Беларуси сюда из восточных областей желало приехать большое количество людей. Но попасть мог далеко не каждый желающий, и присылали на места восточников только по разнарядке и политически проверенных. Иначе чем объяснить своему народу в СССР, что они живут хуже «бедных, эксплуатируемых крестьян и рабочих» в «панской Польше». В то же время на присоединенные земли часто присылали не лучших специалистов, от которых таким образом избавлялись на старом месте работы.

Из воспоминаний одного из бывших назначенцев Степана Евстафьевича Свиридовича, в августе 1940 г. избранным 1-м секретарем Волковысского райкома комсомола: «Прежде чем оправиться в освобожденные области Западной Белоруссии, нас, коммунистов и комсомольцев, пригласили в ЦК КП(б)Б, где с нами провел беседу первый секретарь компартии Беларуси Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко Я в то время учился на третьем курсе Минской политпросветшколы имени Крупской. Через несколько часов мы были обмундированы в военную форму без знаков различия.

В Волковыск приехали на грузовике ночью. Ночевали во Временном управлении, кто на полу, кто на стульях. Управление находилось в здании бывшего магистрата. На следующий день нас по двое – коммунист и комсомолец – направили в волости (гмины) с целью оказания помощи на местах по установлению народной власти. Я с членами КП(б)Б Гершенком и Коконовым проводил такую работу в Верейках, Песках, Шиловичах, Росси, Свислочи. Было небезопасно переезжать из одного населенного пункта в другой» [49].

Уже в октябре 1939 г. в Волковысский повет прибыли 62 члена партии и кандидатов в члены партии. Среди 62 партийцев белорусов из Советской Беларуси было 27 человек. Уполномоченным по партийной работе, т.е. ответственным за расстановку партийных кадров прислали Спиридона Марковича Беляева, русского, до этого работавшего директором института народного хозяйства в Минске. На силовые должности были присланы все без исключения русские. Распоряжаться жизнями и людскими судьбами белорусам в своей стране не доверяли. Прислали испытанные кадры: начальником Волковысской тюрьмы – Павла Ивановича Скоморохова, до этого работавшего в Москве в Бутырской тюрьме; начальником поветового управления милиции – Павла Яковлевича Бабкина, до этого работавшего в Москве в школе милиции; начальником НКВД – Прохора Андреевича Дегтерева, до этого работавшего в органах НКВД города Сулинска. И как бы для отвода глаз председателем Волковысского районного комитета назначили белоруса Ивана Степановича

Дашука, сменившего с этой должности русского Ермака. Но вся реальная власть на местах в СССР была сосредоточена в райкомах и обкомах партии, а исполнительная власть лишь выполняла указания партийных органов.

Партийные кадры прибывали постоянно. На 1 апреля 1940 г., когда Волковысский повет был уже преобразован в Волковысский район и занимал гораздо меньшую территорию, чем бывший повет, на учете районной партийной организации состояло 112 членов и 54 кандидата в члены партии. Среди них белорусов – 45 человек и ни одного из них с Западной Беларуси. В органах НКВД, где на партийном учете состояло 19 человек, работал всего один белорус. Первым секретарем районного комитета партии – РК КП(б)Б, т. е. самым главным большевистским партийным функционером города и района стал Игнатий Акимович Банцырев, 1903 г. рождения. Вторым секретарем – Михаил Михайлович Смирнов.

На май 1941 г. партийная организация района насчитывала 27 первичных парторганизаций, где на учете уже состояло 247 членов партии и 107 кандидатов в члены. За все эти неполные два предвоенных года большевистской власти районная парторганизация приняла в свои ряды 26 человек, из них всего лишь одного местного жителя, уроженца деревни Андреевичи – Павла Антоновича Севко [50,с.171]. Это означает лишь одно: все политические и хозяйственные дела в районе решались без участия местного населения, его лучших представителей. Иными словами, стал править не исконно живущий здесь народ, а пришельцы. Именно они стали решать кто из местного населения имеет право остаться здесь жить, а кого следует лишить жизни или выслать целыми семьями на уничтожение в Сибирь. Если это не оккупация, то как тогда такие действия назвать по другому?

Прибывшие партийные кадры занимали все ключевые должности в управлении и производстве, внедряя и силой насаждая большевистские методы руководства. Не ожидавшие такого открытого насилия со стороны, как казалось жителям, народной власти, в ответ на притеснения люди массово начали искать справедливости в Минске и Москве.

Уже через три месяца такого правления по многочисленным жалобам с мест в Минске были вынуждены ставить вопрос о сложившейся критическойситуации в областях Западной Беларуси. В ответ на критику сверху 3 января 1940 г. в Волковыске созывается общее партийное собрание Волковысской уездной парторганизации, на котором присутствовало 72 партийца. На повестке дня стоял лишь один вопрос: «О решении Бюро ЦК КП(б)Б от 27.12.39 г., о грубых ошибках Волковысского уисполкома и о предстоящих задачах партийной организации» [43,с.102-115]. В обсуждении высказалось 14 человек. Критиковали смело, остро ставили вопросы и предлагали их решения, часто голословного и пропагандистского характера. Но, как увидим в дальнейшем, многое исправить так никогда и не удалось.

Система партийной власти и хозяйственного устройства в стране, к тому же искусственно разделившей народ по классовому признаку, просто не позволяла и не могла наладить удобную жизнь для простых людей. Порушить старые и во многом довольно неплохие порядки порушили, а вот создать лучшие не могли. Больше всего упреков досталось в адрес секретаря укома партии, бывшего чекиста, а теперь 3-го секретаря райкома и главного идеолога уезда Николая Ивановича Павловца, хотя тот же Банцырев, его непосредственный начальник, не мог не видеть раньше методов работы своих подчиненных. После вступительного доклада Банцырева по существу вопроса начались прения (в архивных делах почему-то отсутствуют доклады первых секретарей райкома. В них подшиты лишь речи выступивших в прениях да итоговое постановление собраний. Куда подевались выступления главного большевика района – непонятно. – Н. Б.)

Из выступления тов. Скороход: «Многие из нас присланы в Западную Белоруссию на партийную, комсомольскую и пионерскую работу, а нас используют неверно. Товарищ Павловец как секретарь укома плохо руководил: не было указаний в работе, грубо относился к коммунистам, а поэтому некоторые коммунисты даже не заходили к нему. Товарищ Павловец занимался самоснабжением. Мне, как завотделом труда, в работе не помогали. Когда я

обращался в уком и уисполком, чтобы предоставили мне помещение для организации артелей, то помощи мне не была оказана. Уисполком плохо руководит своими отделами. Аппарат отделов засорен чужими людьми (очень часто партийные работники свои промахи в работе, согласно политической истерии того времени, старались списать на вражеский элемент. – Н. Б.)».

Из выступления тов. Патапович: «Мы работаем по 2-3 месяца в Западной Белоруссии, но нами никто не руководил, а ведь было кому руководить, были уполномоченные ЦК КП(б)Б, которые отвечали за работу в уезде. Третий секретарь укома (уездного комитета) партии товарищ Павловец груб. Если к нему заходили коммунисты, приехавшие из волости за 25-30 километров поделиться мнениями, получить указания в работе, то он был невнимателен и, вместо того чтобы выслушать, говорил: «Кто тебя сюда звал? Когда нужно будет, тогда и вызовем!» и выгонял из кабинета. ...Мы работали без руководства и допускали отсебятину и ошибки в работе».

Из выступления тов. Шаптуренко: «Решение Бюро ЦК КП(б)Б вполне правильное. В нем со всей глубиной вскрыты грубейшие ошибки и извращения политики партии, которые были допущены руководящими работниками в нашем уезде. До сегодняшнего дня у нас не было партийного собрания... Павловец и другие работники занимались самоснабжением, шили кожаные пальто на меху и другие вещи...».

«Занимались самоснабжением». Это значит, при пустых полках в магазинах, отоваривались благодаря своему высокому положению. Ничего здесь не было удивительным. Такое самоснабжение возникло сразу после прихода большевиков к власти в 1917 г. и продолжалось вплоть до развала Советского Союза.

Из выступления районного прокурора тов. Жаркевич: «...Наши организации и отдельные работники допустили очень много ошибок в работе, и мы их должны в короткий срок исправить. Были моменты, когда у крестьян отнимали дрова, привозимые ими в город для продажи. У нас в школе работают жены офицеров и осадников, от которых нужно избавляться. Есть у меня материал, что крестьяне четырех деревень подписались за освобождение помещика, а посему это нужно учесть – враждебные элементы проводят свою работу».

Тит Федорович Жаркевич, 1897 г. рождения, белорус, член партии с 1919 г. Занимал должность прокурора района. Переехал в Волковыск с Витебской области. По логике прокурора заступничество за арестованного есть враждебная деятельность. Впрочем, арестованный был виноват перед советской властью уже только тем, что судьба уготовила ему стать помещиком.

Из выступления заведующего хлебопекарнями тов. Шевченко: «...Товарищ Шлякшинский, возглавляющий заготзерно, заготовками хлеба не занимался и за месяц своей работы только оборудовал себе кабинет. ...Хлебопекарни приходят в негодность, требуют ремонта, а средств не отпускают. На хлебопекарнях работают враждебные элементы. От них нужно избавляться, потому что этот участок работы очень важен».

В начале заключительного постановления собрания как всегда следовало признание своих ошибок в работе. Затем клятвенно обещали высшему руководству исправить ошибки. Указывались намеченные меры, в большей части чисто бюрократического и идеологического характера: «...Уездное партийное собрание целиком и полностью одобряет решение Бюро ЦК КП(б)Б, которое со свойственной партии Ленина-Сталина глубиной вскрывает наличие грубейших ошибок в работе уездных организаций и в первую очередь в работе уисполкома, переходящие в ряде случаев в прямые провокационные антисоветские действия и помогает парторганизации немедленно и решительно исправить имевшие место ошибки и извращения политики партии.

Партсобрание отмечает, что имеют место факты произвола и вопиющей безответственности со стороны ряда руководящих товарищей нашей парторганизации, как то: председателя уисполкома тов. Ермака и директора леспромхоза тов. Шкирманкова. Надо

было запретить порубку лесонасаждений, имеющих парниковый характер, порубку леса в местах водоохранного значения, порубку ценных пород деревьев. Надо было организовать снабжение населения лесом таким образом, чтобы выделить в соответствующих местах лесорубочные фонды, в которых можно было бы рубить крестьянам дрова и поделочный лес для своих нужд по разрешениям крестьянских комитетов. Вместо этого леспромхоз вообще запретил вырубку леса, где бы то ни было и кому бы то ни было, лишив тем самым бедноту, середняка и батраков и даже погорельцев возможности приобрести лес.

Официальным распоряжением тов. Ермака, составленным тов. Шкирманковым, без согласования с уездным комитетом партии, было предложено немедленно изъять нарубленный лес у крестьян, составив протоколы, и продать этот лес, но только не тем, у кого он был изъят. Это провокационное головотяпское распоряжение было отменено только после вмешательства ЦК КП(б)Б и укома партии.

Со стороны начальника уездной милиции тов. Бабкина было дано незаконное указание волостным отделениям милиции об изъятии через крестьянские комитеты у крестьян лошадей, оставленных им частями Красной Армии, и передачи их для нужд милиции. В результате этого под видом «трофейных» у крестьян было изъято 28 лошадей, в том числе у крестьян, имевших единственную лошадь. Милицией у населения по самым незначительным, часто совершенно незаконным поводам, без разрешения соответствующих органов и контроля, производились обыски с различного рода незаконными изъятиями (дрова, товар у мелкоторговцев и т.д.), и только после вмешательства укома КП(б)Б эти незаконные действия были прекращены и незаконно изъятые лошади были возвращены крестьянам.

...Как уисполкомом, так и другими советскими и хозяйственными организациями, вместо привлечения на работу в аппарат наиболее преданных и проверенных в деле установление революционного порядка местных кадров, принимали на работу враждебных Советской власти элементов. Ненавидя Советскую власть, они саботировали ее мероприятия и старались своей контрреволюционной практикой вызвать недовольство трудового населения к ней.

Со стороны уисполкома и леспромхоза совершенно не были приняты меры по обеспечению топливом местной промышленности, школ, больниц, а также населения города. В результате предприятия из-за отсутствия топлива, а также сырья, которого в уезде имеется в достаточном количестве, находятся под угрозой остановки (лесозаводы, кирпичные заводы и т.д.). Отдельные школы не отапливаются до настоящего времени.

В уезде существовала незаконная, недопустимая антипартийная практика самоснабжения, организация закрытого распределения, и только для своих работников. Такая практика дошла до того, что на получение водки были составлены списки сотрудников уисполкома, подписанные коммунистом Денискевичем и комсомольцами Тычыно и Матиевским».

Уездное партийное собрание наметило меры из 13 пунктов для устранения недостатков. Среди конкретных мер, таких как, например, очистить аппараты организаций от враждебного элемента, организовать отпуск древесины, были чисто формальные, бюрократические: обязать улучшить торговлю, наметить планы и т.д. Были чисто идеологические – 7 пунктов из 13, например, организовать изучение краткого курса истории партии и биографии Сталина, принять меры к улучшению качества уездной газеты «Заря».

Из вышеизложенного доклада вытекает, что партийное руководство в области хозяйственно-организаторской деятельности расписалось в своем собственном бессилии. Они не смогли даже обеспечить город дровами, которых в соседних лесах хватало с избытком.

Конечно, принятые постановления не могли коренным образом исправить положение, поэтому ко многим проблемам постоянно возвращались. Взять того же бывшего чекиста Павловца, перековавшегося в главного идеолога района. В его адрес досталось больше всего критики, а он остался на своем посту, хотя все знали, что до этого он уже имел

в своем партийном деле два выговора. В 1930 г. ЦК КП(б)Б объявил ему выговор за нетактичность, а в 1934 г. – за неправильное понимание идеи шефства. Но свои своих не сдавали, а пересаживали из одного руководящего кресла в другое. Крайним нашли председателя исполкома Ермака, который являлся депутатом Верховного Совета СССР. На его место посадили Дашука.

5 января 1940 г. в Западной Беларуси произошел новый административный передел земель. Было организовано пять областей – Барановичская, Белостокская, Брестская, Пинская и Вилейская. Волковыск вошел в Белостокскую область. Волковысский повет распался на районы – Волковысский, Зельвенский, Мостовский, Свислочский, Порозовский. Гмины ликвидировались, а вместо них образовались сельские советы. Здесь будет уместно привести характеристику образованного Волковысского района, составленной в начале 1940 г.: «В состав района входят шесть волостей бывшего Волковысского уезда: Бискупицкая, Шиловичская, Верейковская, Росская, Волпянская, Гудевичская и частично: Мстибовская, Изабелинская и Песковская. Территория района составляет 1103,5 км кв. Максимальное расстояние между границами района с севера на юг – 45 км, с запада на восток – 41 км. Территория района пересекается железными дорогами: Белосток-Минск, Волковыск-Лида, Волковыск-Свислочь-Брест; шоссейными дорогами: Белосток-Минск, Волковыск-Изабелин. В районе имеются грунтовые дороги протяжением 49 км, булыжные – 14 км.

Население в районе – 71677 человек, включая население города Волковыска. Большинство населения (70 %) белорусов, остальное население – поляки и евреи.

Населенных пунктов в районе – 293, крестьянских хозяйств – 12334, в том числе хуторских – 1998.

Промышленность района: цементный завод с производственной мощностью 210 тысяч тонн в год (рабочих 790 человек); 6 кирпичных и черепичных заводов с производственной мощностью 6 млн. кирпичей и 50 тысяч штук черепицы; 2 лесопильных завода по 2 рамы (147 рабочих); 4 винокуренных завода; 3 электростанции, из них 2 в городе Волковыске, мощностью 500 квт, и одна в местечке Россь при цементном заводе, мощностью 54 квт; 3 чугунно-литейныхмастерских (45 человек); 14 мельниц с количеством рабочих 168 человек; мясокомбинат (192 рабочих); мелкие кустарные предприятия по выработке колесной и сапожной мази, шорных изделий и т. п.

Сельское хозяйство района: земли в районе имеется 96036 га, в том числе пахотной – 6857 га, сенокосных угодий – 6984 га, пастбищ – 6520 га, лесов – 5052 га, усадебной – 4048 га, торфоболот – 287 га, неудобной -- 4587 га.

Основные сельхозкультуры – рожь, ячмень, овес, пшеница, картофель. В районе было 34 помещичьих имения. В настоящее время имеется 10 колхозов с количеством 531 хозяйство, совхоз и МТС.

Культурно и специально-бытовые учреждения района. Школьная сеть: начальных школ – 63, неполных средних – 16, средних – 4. Учреждений здравоохранения: больниц – 6, амбулаторий – 6, аптеки – 3, тубдиспансер, детская консультация, станция скорой помощи, клиническая лаборатория, 2 фельдшерско-акушерских пункта. Имеется кинотеатр в Волковыске на 400 мест, библиотека, стадион, 4 почтово-телеграфных и 8 почтовых контор. Торговых точек – 215, в том числе 109 частных.

Данные о райцентре. Население – 20 тысяч человек, жилых домов – 2513. Волковыск крупный железнодорожный узел с 2 станциями, расположен в 92 км от Белостока. Имеется крупное железнодорожное депо (700 рабочих) и большие паровозный и вагонный парки.

Промышленность города: мясокомбинат – 192 рабочих, 2 лесопильных завода – рабочих 142 человека, 2 электростанции мощностью 500 квт, чугунно-литейный завод (25 рабочих), 2 мастерские по изготовлению запасных частей для сельхозмашин с количеством рабочих 20 человек, типография, мелкие предприятия и кустарные артели (200 рабочих).

В городе имеется почта, телеграф, телефон, кинотеатр на 400 мест, 12 школ, в том числе 6 начальных и 6 средних, 2 больницы на 200 коек, 3 амбулатории, санстанция, гостиница

и баня.

В районе образован 1 городской Совет районного подчинения и 21 сельский Совет» [51,ñ.21-23].

Ï àðòèéí û å è óï ðàâëåí ÷åñêèå êàäðû ï ðèáû âàþ ò ï î ñòî ÿí í î . Åñëè ðàí üø å ï ðè Ï î ëüø å ï î âåòî ì óï ðàâëÿë î äèí ÷èí î âí è÷èé äï ï àðàò, òî ñåé÷àñ í à ýòó òåððèòî ðèþ òðåáî âàëî ñü í åñî èçì åðèì î áî ëüø åå ÷èñëî ÷èí î âí èêî â. Òû ñÿ÷àì è ñþ äà í äï ðàâëÿëèñü í å òî ëüêî êî ì ì óí èñòû , í î è êî ì ñî ì î ëüöû ñ çàäà÷åé âçÿòü ï î ä èäåî ëî ãè÷åñêóþ î ï åêó ì åñòí óþ ì î ëî äåæü. Ï ðèåçæàëè ó÷èòåëÿ, ñï äöèäëèñòû ñî âåòñêî é ääì èí èñòðàöèè, õî çÿéñòâà è êóëüóðû . Âñåãî äî î êòÿáðÿ 1939 ã, òåå. òî ëüêî çà äåå í åäåëè ï î ñëå âñòóï ëåí èÿ Êðàñî é Àðì èè, â Çàï àäí óþ Áåëàðóñü ï ðèáû ëî 31 òû ñÿ÷à ãðàæäàí ñêèõ ðàáî òí èêî â ñ çàäàí èåì î ðãàí èçî âàòü î áù åñòâåí í óþ æèçí ü í äï î äî áèå òî é ì î äëè, ÷òî ñóù åñòâî âàëà â ÁÑÑÐ. Â òî æå âðåì ÿ ì åñòí û õ êî ì ì óí èñòî â èç Çàï ääí î é Áåëàðóñè (ÊÏ ÇÁ) í à âû ñî êèå ï àðòèéí û å ï î ñòû í å äî ï óñêàëè. Òàê, â Âî ëêî âû ññêî ì ðàéî í å áû âø èå ÷ëåí û ÊÏ ÇÁ À. Ì . Ñî ðî êà è È. È. Âåðåòèêî âû ëè èçáðàí û âñåãî ëèø ü ï ðääñääàòåëÿì è Ðî ññêî ãî è Êðàñî î ñåëüñêî ãî âî ëî ñòí û õ Ñî âåòî â, à Ì . Ñ. Ëàâèê è ß. À. Áóø èê í àø ëè ðàáî òó â óåçäí î ì î òäåëå ì èëèöèè. Ñ. Ï . Êóçüì à ñòàë ðóêî âî äèòì Ï î äî ðî ññêèì ñï èðòçàâî äî ì . Í à÷àëüí êê Âî ëêî âû ññêî ãî Í ÊÂÄ Ãðèäí åâ ï ðÿì î çàÿâèë: «Í åî áõî äèì î áóäåò î ÷åí ü î ñòî ðî æí î ï î äõî äèòü ê èñï î ëüçî âàí èþ áû âø èõ ÷ëåí î â ÊÏ ÇÁ. Ýòèõ ëþ äåé í ääî î ÷åí ü òù àòåëüí î ï ðî âåðÿòü».

Â òî æå âðåì ÿ ì î ãèåè èç ÷ëåí î â ÊÏ ÇÁ ï ðî åëè áî ëüø óþ ÷àñòü ñâî åé æèçí è â ï î äï î ëüå, êàê í èêòî äóõîâí é, çí äëè äñï åêòû ì åñòí î é æèçí è, í î èõ âàæí û é î ï ûò ï ðèñëäí í äÿ âèäñòü èãí î ðèðî âäëà. È ì äàæå áû ëî î òêàçàí î ñòàòü ñî åðñêèì è êî ì ì óí èñòàì è. Âñêî ðå ì í î ãèå èç í èõ ï î äåðãí óòñÿ ðåï ðåññèÿì è î êî í ÷àò ñâî é æèçí åí í û é ï óòü â áåçû ì ÿí í û õ áðàòñêèõ ì î ãèëàõ.

Í à í åêî òî ðóþ ääì èí èñòðàòèâí óþ ðàáî òó ï ðèí èì äëî ñü è ì åñòí î å í äñëåí èå, î ñî áåí í î , èì åâø åå î áðàçî âàí èå. Â ï ðî öåí òí î ì ñî î òí î ø åí èè ï î ëÿêî â è åâðåâê ñðåäè ääì èí èñòðàòèâí û õ ðàáî òí èêî â áû ëî áî ëüø å÷åì áåëî ðóñî â. Î áúÿñí ÿëî ñü ýòî ì åí üø åé ãðàì î òí î ñòüþ áåëî ðóñî â, áî ëüø èí ñòâî èç êî òî ðû õ æèëî â ñåëüñêî é ì åñòí î ñòè: «...Ï ðî âåäåí î âû äèæåí èå ì åñòí û õ, ï ðî ÿâèâø èõ ñåáÿ ñ ï î ëî æèòåëüí î é ñòî ðî í û ãðàæäàí í à ðóêî âî äÿù óþ ðàáî òó â ðàçí û å ó÷ðåæäåí èÿ è ï ðåäï ðèÿòèÿ, ãäå î í è í åï ëî ñî ñï ðàâëÿþ òñÿ ñ ðàáî òî é. Âñåãî âû äâèí óòî 79 ÷åëî âåê. Â ðàéî í å î ãàí èçî âàí 21 ñåëüñêèé ñî âåò, êóäà âû äâèí óòû êäðû èç ÷èñëà ì åñòí î ãî í àñåëåí èÿ. Ï î ñëå âñåñòî ðî í í åãî è òù àòåëüí î ãî èçó÷åí èÿ ñî áðàí í û õ ì àòåðèàëî â, ëè÷í û õ áåñåä ñ êàæäû ì èç í àì å÷åí í û õ êàí äèäàòóð, âû äâèí óòî ï ðåäñåäàòåëÿì è ñåëüñêèõ ñî âåòî â 21 ÷åëî âåê, â òî ì ÷èñëå î äí à æåí ù èí à. Ñåêðåòàðÿì è ñåëüñêèõ ñî âåòî â âû äâèí óòî 21 ÷åëî âåê, â òî ì ÷èñëå î äí à æåí ù èí à. × ëåí àì è ñåëüñêèõ ñî âåòî â âû äâèí óòî 105 ÷åëî âåê, â òî ì ÷èñëå 20 æåí ù èí . Âñåãî âû äâèí óòî 147 ÷åëî âåê» [43,ñ.30].

Î äí àêî âû äâèí óòû å êàäðû ñàì î ñòî ÿòåëüí î ðåø àòü í è÷åãî í å ì î ãëè, à ëèø ü èñï î ëí ÿëè âî ëþ è òðåáî âàí èÿ ðàéî í í î ãî ï àðòèéí î ãî í à÷àëüñòâà. Â ï åðâóþ î ÷åðåäü ñâåðõó î ò í èõ òðåáî âàëè âû áèòü èç êðåñòüÿí ñêèõ õî çÿéñòâ í à÷èñëåí í û å ï î ñòàâêè è í àëî ãè.

Í à 10 î êòÿáðÿ 1940 ã â Âî ëêî âû ññêèé ðàéî í ñî âî ñòî êà âñåãî ï ðèáû ëî 752 ÷åëî âåêà. È ç í èõ í à ðàáî òó â ï ðî ì û ø ëåí í î ñòü – 96 ÷åëî âåê, ï î ì åäèöèí ñêî é ÷àñòè – 36 ÷åëî âåê, ñâÿçü – 5, î áðàçî âàí èå – 10, ï ðî äóêòî âóþ ï ðî ì û ø ëåí í î ñòü – 420, òðàí ñï î ðò – 2, ëåñí î å õî çÿéñòâî – 8. Ï î í äöèî í äëüí î ì ó ñî ñòàâó ï ðèáû âø èå ðóêî âî äÿù èå ðàáî òí èêè è ñï åöèäëèñòû áû ëè: ðóññêèå – 387 ÷åëî âåê, áåëî ðóñû – 215, åâðåè – 51, ï î ëÿêè – 6, äðóãèõ í äöèî í äëüí î ñòåé – 93 ÷åëî âåêà. Ï î î áðàçî âàí èþ : ñ âû ñø èì î áðàçî âàí èåì – 49 ÷åëî âåê, ñðåäí èì – 238, í åï î ëí û ì ñðåäí èì – 60, í à÷àëüí û ì – 405 [52,ñ.189].

Êàê âèäí î èç ï ðèåääåí í û õ öèô ð â «î òñòàëóþ » Ï î ëüø ó áî ëüø åâèêè ï ðèñëäëè â áî ëüø åé ÷àñòè «ñï åöèäëèñòî â» ñ í èçø èì í à÷àëüí û ì î áðàçî âàí èåì . Òàê, í äï ðèì åð, 25 ÿí âàðÿ 1940 ã í à çàñääàí èè Âî ëêî âû ññêî ãî áþ ðî óêî ì à ÊÏ (á)Á â äî ëæí î ñòè çàâåäóþ ù èì î òäåëî ì çäðàâî î õðàí åí èÿ Âî ëêî âû ññêî ãî ðàéî í à áû ë óòâåðæäåí À ëåêñàí äð Ôðî ëî âè÷ Ãî í ÷àðèê, êàí äèäàò â ÷ëåí û ï àðòèè, áåëî ðóñ, î áðàçî âàí èå í èçø åå. Ï î ñëääí åå ì åñòî ðàáî òû – äèðåêòî ð Âî ëêî âû ññêî ãî õëåáî êî ì áèí àòà [43,ñ.23]. Êàê ì î ã ÷åëî âåê ñí èçø èì î áðàçî âàí èåì ðóêî âî äèòü

системой здравоохранения всего района? Здравомыслящему человеку этого не понять. Но у большевиков своя логика. Какие из подобных людей оказались специалисты, это для большевистской власти дело второстепенное. Главное, что все они были политически подкованы и идейно преданы партии. Не справился тот же Гончарик с руководством хлебокомбината, так пусть попробует поруководить в медицине.

Более половины из числа присланных работников были определены на работу связанную с продовольствием, т. е. прежде всего большевики стремились взять под свой контроль результаты труда крестьянского населения района.

Среди специалистов-восточников не все приехали в Западную Беларусь налаживать новую жизнь. Были и такие, кто старался награбить побольше, да погулять получше. Да и отпускали на работу в Западную Беларусь начальники в СССР со своих предприятий в основном тех, от кого было не жалко избавиться, т. е. далеко не лучших специалистов. Поэтому среди приезжих было довольно много культурно необразованных и морально неустойчивых людей. 5 января 1940 г. по одному такому случаю коммунисты собрали специальное заседание Волковысского бюро укома КП(б)Б, где слушали антипартийное поведение своего товарища Гогонова: «Бюро укома отмечает, что тов. Гогонов за время своего пребывания в Волковысском уезде к выполнению возлагавшихся на него обязанностей относился с недопустимой халатностью, граничащей с прямым преступлением. Будучи назначенным на должность заместителя коммунальным отделом Волковысского уисполкома, вместо организации четкой работы и надлежащего учета, дела коммунального хозяйства привел к критическому состоянию, особенно в части учета имущества бывших помещичьих имений. Имели место случаи, когда товарищ Гогонов, пользуясь своим служебным положением, присваивал лично для себя некоторые из вещей, вывезенных из бывших имений.

29.12.1939 г. товарищ Гогонов, будучи направлен в Подоросскую волость для выполнения важнейшего партийного задания, вместо непосредственного исполнения, передоверил эту работу другим лицам, не имеющим к этому совершенно никакого отношения. Сам в это время занялся пьянством, втянув в пьянку своих помощников Яроцкого и Шантуренко. Будучи в нетрезвом состоянии, среди социально чуждых лиц разглашал суть выполняемого им поручения и утерял имевшийся у него револьвер.

Подобные поступки со стороны тов. Гогонова могли иметь место только в результате притупления бдительности и морального его разложения, потери чувства партийной ответственности.

Бюро укома КП(б)Б постановляет:

За антипартийное поведение на работе и моральное разложение, присвоение государственного имущества и систематическое пьянство тов. Гогонова с работы заместителя промышленного отдела снять и объявить строгий выговор. Просить Белостокский обком КП(б)Б об отзыве тов. Гогонова из Западной Белоруссии как скомпрометировавшего себя и не оправдавшего на работе» [43,с.5].

Впрочем, если бы Гогонов не потерял казенного оружия, то все, возможно, бы для него обошлось, и такой шум товарищи по партии не подымали.

Выборы

Положение, созданное на занятых Красной Армией землях, требовало формального юридического оформления. Для этого началось подготовка к грандиозному шоу под названием «Народное собрание». Требовалось показать всему миру, что политика Кремля есть осуществление воли народа. Однако «воля народа» являлась самой настоящей фикцией. Кого назначить «представителями народа» в намечавшееся Народное собрание, решали приезжие коммунисты. Николай Васильевич Табаков, ставший к этому времени

руководителем отдела партийного комитета, на этот счет воспоминает: «В первую очередь, надо было подобрать и обеспечить избрание депутатов в Народное собрание, а затем часть из них отправить в Москву, где решался вопрос о воссоединении западных областей Белоруссии и Украины [9].

Откровеннее ни скажешь! Заметьте – «надо было подобрать и обеспечить». Не выявить волю народа, который бы снизу сам выдвинул своих представителей на Народное собрание, а именно «подобрать и обеспечить». Чувствуете разницу? Вот так «подбирают и обеспечивают» до сих пор, превращая выборы в фарс, цинично действуя сталинскими методами: «не важно как проголосовали, важно то, кто подсчитывает голоса».

Выборы в Народное собрание происходили 22 октября 1939 г. Спектакль сопровождался показным энтузиазмом на организованных властью собраниях, митингах и демонстрациях. Все польские, еврейские и белорусские организации не смели даже заявить о своем участии в выборах. Ни о каких-либо политических дискуссиях не могло быть и речи. Большевикам требовалось показное единодушие. Свобода выбора закончилась для местного населения на долгие времена.

Газета «Правда» под № 228 от 17 октября 1939 г. писала: «Вчера и сегодня окружные выборные комиссии регистрировали кандидатов в депутаты Народного собрания Западной Белоруссии. Характерен состав кандидатов, выдвигаемых в депутаты. В Волковысском уезде с 36 кандидатов – 34 белорусы. Среди кандидатов – 30 крестьян, 3 рабочих, 2 служащих, 1 учитель. В числе кандидатов по Волковысскому уезду – батрак Браневский, рабочий-железнодорожник Севко».

Все хорошо, только «Правда» как всегда не сказала правду до конца – не написала, какой процентный состав в уезде белорусов, поляков и евреев. Иначе бы читатель логично задался вопросом: «Почему в западных областях, где население состоит из трех основных национальностей – белорусов, поляков и евреев почти весь состав кандидатов в Народное собрание состоит из белорусов?». Все 36 кандидатов, превратившихся в результате безальтернативных выборов в депутаты, поехали на собрание.

«Народное собрание» начало работу 28 октября 1939 г. в Белостоке. Работа собрания шла под строжайшим контролем и была заранее заорганизована. Все 926 депутатов прошли строгую проверку на лояльность. Порядок выступления и даже их тексты назначались предварительно, заранее составленные пропагандистским отделом ЦК КП(б)Б. Так что, «народным избранникам» даже не позволили высказаться от себя и своими словами [53,с.457].

Созданное таким образом полностью подконтрольное «Народное собрание», прошедшее в Белостоке, единогласно проголосовало за установление советской власти на всей территории Западной Беларуси и присоединение ее к БССР. Задним числом узаконили совершившиеся факты – приняли декларации о конфискации помещичьих земель, национализации банков и крупной промышленности. Проголосовали единодушно. Иначе и быть не могло – делегаты были подобраны, как требовалось того большевикам.

Зато в ноябре 1940 г., когда от БССР Кремль по живому отрезал Виленскую область и вместе с Вильно передал Литве, то даже формально большевистская власть не соизволила посоветоваться с белорусским народом. Захотели – присоединили, захотели – отняли. В этом вся суть «народной» большевистской политики.

В 1940 г. жителям Западной Беларуси пришлось еще голосовать дважды: 24 марта при выборах депутатов в Верховные Советы СССР и БССР, и 15 декабря при выборах в местные Советы.

На партийном собрании 7 февраля этого же года с повесткой дня «О ходе подготовки к выборам в Верховные Советы Союза ССР и Белорусской ССР и задачах парторганизации» редактор районной газеты «Заря» товарищ Калеко выступил со следующей речью: «...Агитацию за выдвинутых кандидатов блока коммунистов и беспартийных нам необходимо поставить на должную высоту. Следует при этом учесть, что выборы будут происходить в

первый день пасхи и отсюда необходимо поставить массово-разъяснительную работу таким образом, чтобы избиратели пошли к избирательным урнам, а не в костел, как это мы имели при выборах в Народное собрание.

Не следует забывать, что классовый враг не спит, и будет стараться всеми доступными ему методами и средствами подорвать ход выборов. Обеспечить стопроцентную явку избирателей в избирательные участки и единодушное голосование за кандидатов блока êî ì ì óí èñòî â è áåñï àðòèéí û õ – âî ò í àø à çàäà÷à» [43,ñ.13].

Â âî ï ðî ñå î ï î äãî òî âêå ê âû áî ðàì í å ì î ãëè î ñòàâàòüñÿ â ñòî ðî í å è ðåï ðåññèâí û å î ðãàí û . Í à ýòî ì æåñî áðàí èè í à÷àëüí èê Í ÊÂÄ Ãðèäí åâ äàë ñâî è óêàçàí èÿ: «Ï ðî âî äÿ ðàáî òó ê ï ðåäñòî ÿù èì âû áî ðàì í åî áõî äèì î ó÷åñòü î ï û ò âû áî ðî â â Í àðî äí î å ñî áðàí èå, ÷òî áû í å äî ï óñòèòü ï î âòî ðåí èÿ ï ðî ø ëû õ î ø èáî ê. È ì åëè ì åñòî è òàêèå ñëó÷àè, êî ãäà ô àø èñòñêèå ýëåì åí òû â ì î ì åí ò ãî ëî ñî âàí èÿ ï ðèï èñû âàëè â áþ ëëåòåí è ô àì èëèè ñâî èõ êàí äèäàòóð, âû ÷åðêèâàÿ í àø è êàí äèäàòóðû » [43,ñ.13].

Õî ä ï î äãî òî âêè ê âû áî ðàì â Âåðõî âí û å Ñî âåòû ï î ñòî ÿí í î äåðæèòñÿ í à êî í òðî ëå â ðàéêî ì å. È ç ï î ñòàí î âëåí èÿ ï àðòèéí î ãî ñî áðàí èÿ î ò 14 ì àðòà 1940 ã: «Çà ï åðèî ä ï î äãî òî âêè ê âû áî ðàì â ðàéî í å í à èçáèðàòåëüí û õ ó÷àñòèàõ î ðãàí èçî âàí î 560 (! – Í . Á.) êðóæêî â ï î èçó÷åí èþ êî í ñòèòóöèè è ï î ëî æåí èè î âû áî ðàõ â Âåðõî âí û å Ñî âåòû ÑÑÑÐ è ÁÑÑÐ.

…Ðàéî í í î å ï àðòèéí î å ñî áðàí èå î äí î âðåì åí í î î òì å÷àåò ñóù åñòâåí í û å í åäî ñòàòêè â ðàáî òå ï î ï î äãî òî âêè ê âû áî ðàì . Î òäåëüí û å òî âàðèù è, í åñì î òðÿ í à òî , ÷òî çàêðåï ëåí û çà èçáèðàòåëüí û ì è ó÷àñòêàì è â êà÷åñòâå àãèòàòî ðî â, ðåäêî áû âàþ ò í à ó÷àñòêàõ ñðåäè èçáèðàòåëåé. …Î òì å÷àåòñÿ í åäî ñòàòî ÷í û é ðàçâî ðî ò àãèòàöèî í í î -ì àññî âî é ðàáî òû è àãèòàöèþ çà êàí äèäàòî â áëî êà êî ì ì óí èñòî â è áåñï àðòèéí û õ ï î Âî ëêî âû ññêî ì ó è Ðî ññêî ì ó ñåëüñêî ì ó èçáèðàòåëüí û ì î êðóãàì , âñëåäñòâèå ÷åãî è ìþ òñÿ í àãêû å âû ëàçêè ñî ñòî ðî í û âðàæäåí û õ ýëåì åí òî â â Ðî ññêî ì è Ì ñòèáî âñêî ì èçáèðàòåëüí û õ ó÷àñòêàõ ï ðî òèâ êàí äèäàòî â áëî êà êî ì ì óí èñòî â è áåñï àðòèéí û õ» [43,ñ.112].

О выборах депутатов в Верховные Советы Беларуси и СССР в Свислочи вспоминает Эммануэль Голдберг: «На массовых митингах белорусские кандидаты читали свои выступления по заготовленных для них бумажках. Было видно, что делают они это неохотно, выполняя нежелательный, но необходимый ритуал, часто читая речь дрожащим голосом от страха перед аудиторией. Аудитория механическим подыманием рук, голосовала за навязанных им кандидатов. Никто не смел возражать. Преобладало людское безразличие. Людям не дали достаточно времени, чтобы приспособиться к фактам советской политической жизни.

Для осознания происходящей несправедливости и фарса требовался подходящий случай. И такой случай представился. Когда один из кандидатов в местные Советы, молодая и незнакомая белорусская женщина, закончила рассказывать свою биографию, Авраам Равич попросил слова. Многие здесь знали его, и ждали, что он скажет. На белорусском языке он объявил собравшейся аудитории, что знает женщину-кандидата как профессиональную проститутку, которая до сентября 1939 г. обслуживала специальную клиентуру – местную польскую полицию. Часто, когда его, Равича, вызывали в полицейский «постерунок» Свислочи для допроса, он видел ее там. Биография, которую она прочитала, была для нее составлена, поскольку она не может так гладко излагать свои мысли на бумаге. Было бы позором выбрать такого человека депутатом, и предложил исключить ее из списков кандидатов. Когда он сошел с трибуны, зал охватило оцепенение. Его храбрость и честность взволновали всех. Председатель собрания после короткой паузы объявил, что данные факты будут проверены, но даже не решился спросить подтверждения словам Равича у женщины, которая все это время молчала. На следующий день Авраама вызвали к Шершневу, первому секретарю районного комитета коммунистической партии. Шершнев, бывший рабочий из Витебска, был высоким, спортивным мужчиной. Он попросил Авраама объяснять его вчерашнее поведение на встрече с кандидатом. Результатом этой встречи стало выдвижение в кандидаты депутатом другой белорусской женщины, фабричной рабочей. Возникал

неизбежный вопрос, почему люди типа Авраама Равича, сына бедного фабричного рабочего, интеллектуального и честного коммуниста, проведшего годы в польской тюрьме, не выдвигались местной большевистской властью в депутаты. Или взять того же Пейсаха Винера, председателя горисполкома, приговоренного к смерти польским судом за его участие в крестьянских волнениях?» [79].

Подготовке к выборам в местные Советы 26 октября 1940 г. было посвящено общее районное партийное собрание, на котором прозвучали разные предложения. Начальник политотдела дороги Детский заметил: «Усиление агитационно-массовой работы поможет нам разоблачить тех врагов, которые попытаются провести в советы своих кандидатов».

Начальник городского отдела НКВД Виноградов: «В ходе подготовки к выборам каждый коммунист должен утроить свою бдительность, потому что классовый враг попытается сорвать нам выборы».

Секретарь райкома КП(б)Б Павловец: «При подборе людей в окружные, участковые избирательные комиссии мы должны будем проверить каждого человека с таким расчетом, чтобы в комиссию не пробрались классово чуждые элементы».

Из постановления: «Выборы в местные Советы депутатов трудящихся окончательно завершат построение органов советской власти в западных областях Белоруссии на основе самой демократической в мире Сталинской Конституции» [43,с.130-137].

Что же большевики считали «наглыми вылазками»? Любое критическое высказывание в адрес Советской власти или в адрес выдвигаемых властью кандидатов в депутаты. Народ должен был даже думать так, как того хотели большевики. Инакомыслие считалось преступлением. Когда в конце 1940 г. проходила политическая кампания по подготовке к выборам в местные Советы, народ уже прекрасно разобрался, какими методами и как проводит выборы советская власть. Из докладной записки в Белостокский обком о ходе к подготовке к выборам в местные Советы и отрицательных проявлений в Белостокской области на декабрь 1940 г.: «Житель деревни Шауличи, Волковысского района, Куликовский, агитируя против кандидатов, заявил: «За этих кандидатов голосовать не надо. Их выдвинул не народ, а райисполком. Советская власть в принудительном порядке заставляет народ участвовать в голосовании». Дано указание РО НКВД расследовать и Куликовского арестовать» [54,с.228].

Вот тебе и «самая демократическая в мире» сталинская Конституция.

И так все формальности с выборами были соблюдены. Предназначалась эта показуха с фальшивыми выборами, прежде всего для западных стран. Демократией и свободным волеизлиянием народа Западной Беларуси здесь и не пахло.

С тех пор прошло 67 лет, но, как и тогда, в депутаты в своем подавляющем большинстве проходят только назначенцы от власти, а в избирательные комиссии всех уровней нынешняя «вертикаль» в Беларуси не допускает инакомыслящих. Разве что не арестовывают за критические высказывания.

Лесозаготовки

В дополнение к налогам на крестьян навесили различные трудовые повинности. Одной из таких повинностей являлась заготовка и вывоз деловой древесины.

15 января 1940 г. бюро укома КП(б)Б обсуждало вопрос «О ходе лесозаготовок и лесовывозе». Как обычно, в архивном деле отсутствует текст докладчика. Читаем сразу постановление:

«Бюро укома КП(б)Б отмечает совершенно нетерпимое состояние плана лесозаготовок и лесовывозки. На 15.01.40 г. квартальный план лесозаготовок выполнен всего лишь на 4,8 %, а лесовывозок – на 2,3 %. Создавшаяся угроза срыва выполнения плана усугубляется еще и тем, что со стороны руководства леспромхоза, до последнего времени, не проявлено

необходимой заботы и инициативы в деле вербовки лесорубов и возчиков, снабжением их необходимыми инструментами и техническими материалами. Отсутствует связь с крестьянскими комитетами, не мобилизован на выполнение плана аппарат леспромхоза, не до конца ликвидирован саботаж государственных лесозаготовок и лесовывозки со стороны находящихся в лесных организациях уезда враждебных элементов» [43,с.16].

Вопросу заготовки леса придавалось довольно большое значение. Почему большевики ухватились за белорусское лесное богатство, ведь в России на лесоповале трудились сотни тысяч заключенных – бесплатной рабочей силы? Так-то оно так, да доставить лес к месту назначения государству обходилось в копеечку. А здесь рядом Украина – туда в шахты молодой лес для крепления угольных забоев ой как нужен! Рядышком и граница – туда, в Западную Европу, деловой лес требуется в обмен на валюту. Это потом главным источником поступления валюты для страны станут продажа нефти и газа, а тогда это был лес. И начался самый, что ни есть настоящий грабеж лесного богатства. Так поступать могли только оккупанты.

Вспоминает Ян Карлович Былинский: «Сколько они спилили за два предвоенных года нашего леса – уму непостижимо. Вся территория напротив городского топливного склада и до самого литейного завода была завалена отборной древесиной, которую круглыми сутками грузили здесь же в вагоны. Лесом были завалены все станции вокруг – Свислочь, Россь, Мосты. Бревна лежали в десять накатов – сосны, ели, дубы. Никогда до этого лес не вывозили таким варварским способом, как при первых Советах. Когда немцы начали бомбить Волковыск, то те из жителей, кто имел силу и коня, бросились вывозить заготовленный к отправке лес со станции к себе домой, особенно те, у кого погорели дома.

По дороге на Кремяницу, не доезжая деревни Пасеки, росли огромные многовековые дубы, считавшиеся памятником природы. Во время оккупации в Первую мировую войну их даже немцы пожалели трогать. Советы вырезали дубы под корень до единого дерева. На оставшихся пнях можно было танцевать трем парам.Все эти два года через Волковыск днем и ночью на Германию шли эшелоны с добром – листовая сталь, железные прутья, медь и алюминий в болванках, чугунные чушки, уголь, доски и бруски разных размеров. Стройматериалы из дерева в торце покрывались слоем замазки, чтобы не рассыхались и не трескались. Гнали эшелоны с мукой, зерном. В цистернах везли спирт и патоку с сахарных заводов. Когда немец напал, то многие эшелоны с добромостались стоять на станции» [5].

Бревна вывозили не только по железной дороге, но и сплавляли вниз пореке Россь и далее по Неману. С началом войны жители деревень, расположенных вдоль рек, также сумели обеспечить себя строительным лесом.Дикое и грабительское отношение к природным ресурсам помнят многие старожилы.

Вспоминает бывший житель Волковысского района, гражданин Польши, Павел Сезеневский: «На новых территориях советская власть принялась за настоящий грабеж. Вырезались и вывозились государственные и бывшие частные леса. К работе в лесу принуждали местное население без оглядки на то, имел ли кто чем работать. Нормы страшно завышались. На такой каторжной работе люди гробили свое здоровье, коней и инвентарь. Надо было ездить по 20-30 км в леса в районе Росси, Волковыска и другие места» [55].

Вспоминает житель деревни Бердики Генрик Михайлович Бовжик, 1915 года рождения: «На вывозку леса гоняли даже в “свято”. В декабре 1940 г. я две недели уже отработал в лесу, ночевавши все это время в Волковыске. 24 декабря приехали с соседями домой в деревню, чтобы отпраздновать Рождество, а вслед за нами из Волковыска примчался представитель из райисполкома по фамилии Сорокин и тут же согнал всех жителей деревни на собрание, на котором потребовал с завтрашнего утра продолжить заготовку леса. Мы давай проситься, мол, сегодня только приехали с тяжелых работ, дайте отдохнуть людям и коням. Никакого послабления, пришлось ехать.

Лес вывозили из пущи на станцию Свислочь, из Замкового и Изабелинского леса на станцию Волковыск. Дневную норму вывозки назначали, смотря по коню: у кого хороший

конь, то требовалось вывезти 15-20 кубов. Для отчета начальству на месте сдачи леса давали квитанцию. Лес мы вывозили в зимний сезон, а летом Советы назначали другую повинность: работу на строительстве дорог. За летний сезон я должен был отработать 18 дней, из них 6 дней начислялись за коня и по шесть дней на трудоспособных членов семьи. А ведь у меня дома работы по хозяйству хватало, но это советских панов мало волновало. Тем не менее, налог с единоличного сельского хозяйства брали сполна и скидки не давали» [76].

Вопрос о ходе лесозаготовок держался партией на постоянном контроле и вновь рассматривался 8 февраля 1941 г.: «Заслушав доклад директора леспромхоза тов. Тайбеля о ходе лесозаготовок и лесовывозе по району за 1-й квартал 1941 г., бюро РК КП(б)Б отмечает, что Волковысский и Росский лесоучастки к выполнению плана 1-го квартала не подготовились. С начала введения платного трудгужа (трудовая гужевая повинность – Н. Б.) населением с 28.1.41 по 5.2.41 заготовлено лесоматериала 7197 куб. м, что составляет 11,9 % при плане 60 тысяч» [56].

Развал торговли

Сразу после вступления в Западную Беларусь Красной Армии, сюда, к многочисленным советским командирам, с востока начали прибывать их семьи. Командиров с семьями подселяли в дома местных жителей. Иных, не дожидаясь официальной реквизиции, заселяли в отобранные у богатых излишки жилплощади.

Для новых хозяев стало неожиданным увидеть полные товара магазины и лавки, богатые базары, мощеные дороги в местечках и деревнях. Образ нищего края, про который им внушала советская пропаганда, мгновенно улетучился. Первым делом, что предприняли в бывшем польском городе «освободители» и их жены, были походы в богатые товарами частные магазины. В это время в стране Советов, где, как внушалось советской пропагандой, все для человека и ради человека, малочисленные по ассортименту товары народного потребления отпускались по карточкам. Здесь же «освободителей» поразило изобилие товаров в магазинах, и потому скупать начали все подряд. Солдаты и командиры перед «освободительным походом» получили жалованье за три месяца вперед, а после «освобождения» городов и местечек новая власть приравняла рубль к злотому. Так что покупать товары в магазинах было за что. Рассказывает Ян Карлович Былинский: «Денег у командиров хватало. Там, в Восточной Беларуси, купить особо было нечего, все распределялось по талонам, а здесь все свободно. Евреи в магазинах почему-то при расчете предпочитали советские деньги только крупными купюрами с портретом Ленина. Мелочь брать не хотели. Мой отец зашел к еврею в обувной магазин, где стал свидетелем следующей картины. Заходят два красных командира купить сапоги. Кроме сапог, выбрали и кожу с подметками для пошива. Спрашивают: «Сколько?» Услышав цену, очень удивились, что так дешево.

– А вы не могли еще по паре нам продать? – попросили у продавца.

– Да хоть все берите! Товарищи командиры! – в свою очередь удивился еврей.

Вскоре прилавки магазинов начали пустеть. Товару уже неоткуда было пополняться, да и евреи поняли: что-то здесь не то. Стали набавлять цену, а потом и вовсе товар припрятывать. Военные же сами набрались всего для личных нужд, а потом давай посылками вещи отсылать на родину своей родне. Агентура начала ходить по домам и искать, где можно купить товар. Поэтому, чтобы купить стоящий товар, стал внедряться блат и протеже, чего раньше при поляках никогда не было» [5].

Вспоминает Иосиф Петрович Пивоварчик: «Командирские жены, многие из которых были из крестьянских семей и, конечно же, не могли знать элементарных вещей, покупали ночные платья и ходили в них днем по городу. Часто в таком убранстве: в кирзовых сапогах,

красном берете и новом платье. Местные жители смеялись с такой моды, но вскоре приезжие приспособились к новой культуре. Одна «восточница» откровенно рассказывала про свои впечатления об увиденной жизни в Западной Беларуси: «Нам в Советском Союзе говорили, что у вас паны на мужиках пашут, а когда в городе увидели хорошо одетых и под шляпами простых жителей, то удивились – оказывается, у вас все паны. Дурили нам головы, сволочи!» [57].

То же самое происходило и в Свислочи. Из воспоминаний бывшего учащегося Свислочской гимназии Станислава Бабиньского: «По приказанию ревкома все магазины должны были быть открыты. Злотый сравняли с рублем, и в магазинах были обязаны принимать обе валюты. Такой высокий курс рубля был очень выгоден для владельцев рублей, среди которых большую часть составляли военные и прибывающие советские и партийные функционеры. Вскоре в магазинах все раскупили, и они закрылись. Милиция обыскивала дома владельцев магазинов в поисках укрытых товаров. Через некоторое время открылось два так называемых магазина – один торговал керосином и солью, а второй – другими материалами. Керосин с солью появлялись лишь иногда, что видно было по возникшим длинным очередям. Другие товары появлялись так же редко и ограничивались табаком, спичками, папиросами и мылом. Но и их всегда не хватало для всех стоящих в очередях» [28].

Еще одно подобное свидетельство жителя соседней с Волковыском деревни Ятвезь – Иосифа Петровича Пивоварчика: «Как только в Волковыске восточники принялись сметать все с магазинных полок, евреи подняли цену на товары на 25 %. Местные люди не привыкли к таким скачкам цен. Вначале при Советах еще ходили польские злотые, но евреи брали «злотовки» в основном в серебряных монетах.

– Купи! – предлагали клиенту товар продавцы. – Завтра этого не будет!

– Что ты ерунду говоришь! – возражали некоторые из жителей, ожидавшие с приходом Советов улучшения жизни. – Говно твой товар! Скоро из Москвы лучший привезут!»[57].

Однако из Москвы товары для населения не поступали, а пока государственные магазины обеспечивались товарами из польских запасов, захваченных Красной Армией при ее «освободительном походе».

Вспоминает житель Волковыска Евгений Степанович Крук: «Через отдел труда меня отправили сортировать трофейные вещи, которые привозили с польских складов в Волковыск советские военные. На станции разгружали с вагонов и доставляли на территорию воинской части различную одежду, в том числе и польское военное обмундирование. Отсюда полные повозки с одеждой развозили по деревням. Когда я пришел, на складе все было перевернуто вверх дном. Даже пару ботинок трудно стало скомплектовать. Комком берешь одежду и закидываешь в повозку. Никакого порядка» [36].

Но буквально через пару месяцев, когда истощились запасы в польских складах, в сельских магазинах, как и в городских, появились очереди, про которые местное население давно успело позабыть. Товары перестали быть постоянными, а стали «выбрасываться» в редкие дни. Их начали «доставать». Вспоминает житель деревни Ятвезь Волковысского района, бывший железнодорожник, Чеслав Викентьевич Подгурский, 1925 года рождения:

«При первых Советах в магазинах товар с магазинных прилавков исчез. За мануфактурой среди ночи в очередь надо было становиться. Даже за водкой и той образовались очереди. Выходит иной раз продавец и предлагает:

– Кто выпьет пол-литра сразу из горлышка, отпущу без очереди! – это ради развлечения. Находились желающие, выпивали.

Возле очередей шныряли «стукачи» и слушали разговоры. Если кто-то возмущался или критиковал новую власть – брали под руку и предлагали:

– Пройдемте со мной! – и отводили в НКВД. Там за клевету на Советскую власть отправляли к «белым медведям». Сам наблюдал такую картину, когда стоял в очереди за солью. На базаре один мужчина продавал часы. Покупатель спрашивает:

– Какие?

– Советские!

– Говно значит! – тут же к нему подошел переодетый в гражданское НКВДист.

– Пройдемте! – парень оказался не робкого десятка, двинул шпику кулаком по морде, да и был таков» [58].

Снабжение населения товарами первой необходимости решить все никак не удавалось. И когда люди начали получать заработную плату, оказалось, что ее не на что потратить. К началу 1940 г. стало ясно, что советская торговая система окончательно потерпела крах. И вот 25 января острый вопрос выносится на партийное бюро: «Бюро укома КП(б)Б отмечает, что потребсоюз в лице тов. Мисюли и горпищепромторг в лице тов. Альперовича не выполнили решение уездного партийного собрания от 3 января 1940 г. по вопросу развертывания и улучшения торговли по уезду и городу. До сего времени не оборудованы имеющиеся магазины и ларьки, не созданы в них условия для культурной советской торговли. Магазины не обеспечены нужным ассортиментом товаров, имеющихся в недостаточном количестве. Особенно плохо поставлена торговля хлебобулочными изделиями и не организована мясная и мучная торговля. Ряд магазинов торгует с перебоями из-за нераспорядительности и отсутствием контроля над их работой. Многие магазины находятся в антисанитарном состоянии и не отапливаются. Существует дальнейшая практика отпуска товаров частным лицам по запискам из баз и магазинов.

Штаты торговой сети горпищепромторга и потребкооперации засорены классово-чуждым элементом. Товарищи Альперович и Мисюля, вместо того, чтобы выполнить решения укома партии об очистке торгового аппарата от классово-чуждых элементов, продолжают его засорять. Они принимают на работу без ведома отдела труда разных непроверенных лиц. В результате в штате горпищепромторга и кооперации имеются бывшие хозяева крупных магазинов, крупные предприниматели, кулаки и руководители местных националистических организаций, буржуазных и контрреволюционных партий. До сего времени вресторане и столовой горпищепромторга обслуживающий персонал не переведен на сдельную работу и раздут их штат, что удорожает себестоимость обедов. Не наведен порядок в общественном питании. В столовых царит бескультурье, как по горпищепромторгу, так и по потребкооперации, исключительно плохо организованы заготовки продуктов, особенно овощей» [43,с.23].

Впрочем, такие рвачи, как председатель райпотребсоюза Мисюля, в первую очередь заботились о своем благополучии. Из анализа обстановки на территории Западной Беларуси, в качестве оперативной сводки № 56, направленной главой белорусского НКВД Цанавой в Москву 11 ноября 1939 г.: «Члены временной администрации: Юшпе, заместитель отдела торговли Мисюля и другие рядовые сотрудники посвящают очень много времени обеспечению самих себя разными товарами. Стараются при этом, чтобы все выглядело пристойно и не бросалось в глаза. Мисюля договорился с солидным купцом из Волковыска Замостянским о поставке товаров для сотрудников временной администрации. Легкомысленно воспользовавшись оказанным ему доверием и пользуясь списком, составленным Мисюлей, купец собирал эти товары почти у всех купцов в городе. Согласно этому списку, указанные в нем сотрудники временной администрации приходили за товарами не в магазин, а на дом к Замостянскому. Из 14 человек, взявших товар, заплатил только один, так как якобы заплатить должен за всех Мисюля со средств временной администрации, а потом высчитать с их зарплаты.

(Ай, да пройдоха, Мисюля! Как читатель думает? Отдали ли советские бюрократы долги польскому торговцу или нет? Очень сомнительно! Тем более, что дни частной торговли были сочтены.– Н. Б.)

В связи с бросающимися в глаза закупкой товаров сотрудниками временной администрации, – сообщается далее в сводке, – на адрес одного из них – Юшпе, пришло анонимное письмо следующего содержания: «Товарищ Юшпе! Если вы не наведете порядки

в текстильных магазинах, то опубликую, «раструблю», что брали взятку от П. Шура в виде материала на три костюма и потому молчите, а он наживает миллионы». Подпись – «Работник». П. Шур – известный торговец в Волковыске» [25,с.350].

Представители прибывшей советской власти спешно обогащались. Про таких рвачей говорят: прилетела саранча из голодного края. Так оно и было на самом деле. Но что примечательно. Несмотря на то, что Мисюля, воспользовавшись моментом и своим положением, в первую очередь набивал добром закрома себе и друзьям, наказания не последовало. Видимо, в этом списке состояла вся новая власть, и на самом верху отнеслись к этой ситуации с пониманием. Снимут его с работы только в 1941 г., да и то за развал торговли. Так ведь развалили сначала польскую торговлю, а советскую до самого начала войны так и не наладили.

Опять на партийном собрании принимается постановление из 11 пунктов. Но по-прежнему не смотрят в корень. Сто раз прав был небезызвестный профессор Преображенский из булгаковского «Собачьего сердца» – разруха сидит не в клозетах, а в головах. Только благодаря большевистскому правлению и идеологии в Западной Беларуси появились пустые прилавки. А власть все искала виновных среди «классово-чуждых элементов». Уж чего, а хлеба при Польше хватало, но при новой власти со снабжением хлебом появились острые проблемы. Вспоминает бывший житель Росси Вацлав Стах: «Первые месяцы 1940 г. стали для жителей трудными не только из-за начавшихся депортаций, но и в связи с пропажей в магазинах основных продуктов питания. Не хватало не только продуктов животноводства, но самого необходимого – хлеба. Часто с друзьями ездили поездом из Росси в Волковыск по хлеб, где с вещевыми мешками за плечами ходили от магазина к магазину, выстаивая длинные очереди. Продавали на руки только по одной буханке на человека. Загруженные 8-10 хлебами, вечером возвращались назад в Россь» [3].

К автору попал любопытный документ, убедительно показывающий несостоятельность советской торговли. Это удостоверение, помеченное 23 мартом 1940 г., выданное заместителем директора средней польской школы в Волковыске Центральном Я. Блюменфельдом и в котором сообщается: «Сим удостоверяю, что Даукша Ядвига является ученицей Польской средней школы и прошу продать ей новые ботинки». Если, чтобы купить простую обувь требовалось ходатайство директора школы, то можно себе представить нищету ассортимента советской торговли [77].

Подобная ситуация с дифицитом товаров народного потребления сложилась и в ближайшем городке бывшего Волковысского повета - Свислочи. Из воспоминаний бывшего жителя Свислочи Эммануэля Голдберга:

«Во время собрания рабочих местных кожевенных заводов, я был заочно избран общественным контролером от них. Я должен был контролировать законное распределение всех товаров, отгружаемых из складов города. Это было важное и ответственное задание, поскольку товаров было крайне недостаточно. Я отнесся к назначению серьезно, прилагая все усилия оправдать доверие тех, кто выбирал меня. Я взял с собой профессионального бухгалтера и отправился вместе с ним, чтобы осмотреть главный склад, куда поступала галантерея и откуда она распределялась по магазинам. Здесь я увидел, что прежде чем отгрузить на магазин товары, в них рылись разные должностные лица, включая и сотрудников райкома партии. Они брали понравившиеся им товары и только после этого остатки отправлялись по магазинам. Складской работник, местный человек, не мог запретить им делать это, и закрыть двери склада для партийных вельмож. Я понял следующее: если я не вмешаюсь в это безобразие, то стану такими как они. С другой стороны я понимал, что никакие мои действия не переломят сложившуюся систему, и если я вмешаюсь, то они сотрут меня в порошок. Единственным выходом в данной ситуации было уйти в отставку. Написав заявление об освобождении меня от контролера, я пошел в райком партии. Секретарь пробовал отговорить меня от отставки, но напрасно. Тогда он отказался принять мое заявление, сказав, что отстранить меня от должности контролера имеют право только те, кто избрал меня на

эту работу. Я оставил свое заявление на столе и ушел» [79].

На создавшемся продуктовом дефиците грели руки местные дельцы. Из докладной записки первому секретарю Белостокского обкома КП(б)Б Игаеву о состоянии торговли по городу Белостоку и Белостокской области на 25 августа 1940 г.: «В Волковысском районе арестованы Соловицкий Моисей Абрамович, 1909 г. рождения, уроженец и житель города Волковыска, бывший торговец, ныне завскладом горпищепромторга; Бельвильский Ельяш Оронович, 1913 г. рождения, уроженец и житель города Волковыска, бывший торговец, ныне завскладом горпищепромторга; Гофан Арон, работник склада, которые установили связь с владельцем частной лавки Рубиновичем. Перечисленные лица занимались хищением со склада горпищепромторга остродефицитных продуктов: сахара, жиров, круп, чая, мыла и др. предметов. Передавали их Рубиновичу, а последний через свою лавку продавал по высоко спекулятивным ценам. При обыске у него изъято 4 пуда разных жиров, 82 пачки грузинского чая, около 5 пудов крупы и такое же количество сахара, муки и других продуктов» [54,с.77].

Из данного документа следует, что дефицитом являлись, практически, все жизненно необходимые продукты питания.

Зато на страницах районной газеты «Заря» проблем не замечали, а наоборот, заклинали читателей в изобилии товаров: «На территории Росской волости открылись шесть новых сельских магазинов. В магазинах есть разные и в достаточном количестве товары и продукты первой необходимости» [59,с.27].

В этом же январском номере газеты: «Показательно организован труд в новом магазине при Бискупицкой волости. В магазине много завезенных продуктов и товаров первой необходимости. Авторитет кооперации на деревне растет с каждым днем. Как результат этого рост пайщиков неуклонно возрастает. На сегодняшний день он достиг больше тысячи членов».

Впрочем, в день открытия магазинов в них наверняка завезли товар. И в самом деле – не открывать же новый магазин со сверкающими пустыми полками.

Григорий Федорович Калеко, белорус, 1903 года рождения, член партии с 1929 г., редактор газеты «Заря», работник идеологического фронта. У него на страницах газеты не только достаточно товаров, но газета постоянно внушает читателям о прекрасной жизни при новой советской власти. Первый номер за 1940 г. так и пестрит оптимистическими заголовками: «Сердечное спасибо товарищу Сталину» – письмо читательницы, «Счастливая молодость», «Фрида – комсомолка», «С честью выполним обязательства», «Освобождение» [39,с.11].

И как бы в насмешку над Калеко, у которого на газетных страницах полное изобилие и порядок, на этом же собрании выступил председатель исполкома Дашук: «Следует отметить, что торгующие организации работают чрезвычайно плохо и сама торговля вследствие этого оставляет желать много лучшего. Есть факты, прямо позорящие нашу советскую торговлю. Так, например, за стойкой буфета на станции Волковыск стоят несколько продавцов, а на полках лежат только три полузасохших яблока. Не лучше обстоит дело и с общественным питанием. Столовые национализированы давно, но до сих пор некоторые из них не открыты» [59,с.28].

Интересно – хоть покраснел в тот момент Калеко?

Через три месяца после этого собрания в торговой системе остается все по-прежнему. Как и следовало ожидать, намеченные мероприятия по улучшению торговли ничего не дали. В своем фундаментальном докладе на первой районной партконференции 15 апреля 1940 г. на проблемы торговли обратил внимание первый секретарь Банцырев: «Необходимо отметить слишком большой недостаток нашей торговой организации – это неповоротливость, а подчас и неумение полно использовать местные ресурсы и возможности которые в условиях нашего района имеются в значительных количествах. ...К недостаткам общественного питания следует отметить однообразие приготовляемой пищи. Приготовляемое меню необходимо разнообразить. Вкусовые качества приготовляемых блюд также оставляют желать

лучшего. Большая засоренность аппарата классово-чуждыми элементами. Несмотря на указания райкома партии по очистке аппарата, это мероприятие руководящими работниками горпищепромторга до сих пор не выполнено» [59,с.30].

Проблемы со снабжением товарами первой необходимости возникли на всей территории Западной Беларуси. Это хорошо видно из докладной записки партийного работника Протоповича секретарю ЦК КП(б) Беларуси Кулагину с результатами инспекции, проведенной в соседнем с Волковысским поветом – в Пружанском. Инспекция проводилась в период с 6.12.39 по 18.12.39. Нет сомнения, что такая же обстановка царила и в Волковысском повете: «Надо констатировать, что обеспечение народа предметами первой необходимости очень плохо организовано. Народ требует – дайте соли. В повет доставлено 56 тонн соли, но это очень мало. Сейчас крестьяне проводят убой откормленных свиней, и для засолки мяса требуется очень много соли. Первый вопрос, который задают в деревне это: «Когда будет соль?» Раздача доставленной соли производится следующим способом. В центре повета или в местечках соль продают через очередь. Возле продовольственных магазинов многотысячные очереди. Очередь стоит с самого утра до позднего вечера. Большая часть жителей соли не получили и остались без нее. В деревнях соль делится через крестьянские комитеты, которые продавали ее по 2 килограмма на каждое хозяйство. Этого количества явно недостаточно, и крестьяне очень требуют соли.

...В деревнях также не хватает керосина. На каждый двор отпускается по два литра керосина. Когда ночью едешь через деревню, видно, что в домах жгут лучины. Не хватает также других предметов первой необходимости. Нет мыла, нет сахара. ...Нет нигде обуви, текстильных изделий, махорки.

Частные магазины закрыты. Сказал бы, что торговля перестала существовать. Купцы продают свой товар «из-под прилавка» по завышенным ценам» [25,с.440].

Вскоре частную торговлю ликвидировали окончательно. На ее место пришла государственная и кооперативная. Национализировали частные предприятия.

Вспоминает Евгений Степанович Крук: «При первых Советах меня назначили в комиссию по национализации. Евреи по своим каналам об этой акции узнали заранее, быстро сообщили друг другу и многое успели припрятать. Комиссия работала несколько дней, переписывая имущество богатых жителей. Имущество переписывали не только в магазинах, кафе, ресторанах, гостиницах, предприятиях, но и по частным квартирам. В комиссии состояли и евреи, присланные из Минска. Как что-нибудь, сразу переходили на свой язык, а ты стоишь рядом и ничего не понимаешь, о чем они между собой договариваются. В кассах конфисковали все деньги. В кафе и ресторанах описывали всю посуду, продукты, мебель, инвентарь. Замеряли рулеткой жилую площадь, чтобы отобрать излишки. Была и муниципализация. Это когда хозяин оставался владельцем своего дома, но платил за свою же квартиру государству» [36].

Иногда от такой грабительской национализации хозяева натурально сходили с ума. Рассказывает Ян Карлович Былинский: «В Волковыске жил богатый еврей-купец Хомский. Имел четыре кирпичных дома, в которых держал магазины. Советская власть все у него забрала и со всего этого несчастный лишился рассудка. Ходил по городу и распевал две строчки из известной советской песни: «Москва моя! Страна моя!» И от себя добавлял: «Но хата не моя!» [5].

В архиве сохранился документ, извещающий о национализации имущества известного в Волковыске предпринимателя Езерского: «В Белостокский обком КП(б)Б тов. Игаеву от Белостокского областного транспортного треста. Докладная записка.

Согласно постановлению Совета Народных комиссаров БССР № 402 от 17 марта 1940 г. о национализации и передачи наркомату автомобильного транспорта БССР автопредприятий в западных областях БССР.

По Волковыску:

...Автомастерская, принадлежащая ранее Езерскому, с оборудованием: один токарный

станок – 2 мт, один токарный станок – 1,5 м, сверлильный станок, автоген, шесть тисков, два электромотора, мелкий инструмент, гараж на четыре места для грузовых машин, бензоколонка емкостью 5 тысяч литров, специальное помещение под склад запчастей, а также ряд других небольших помещений» [60,с.49].

Ликвидация частной торговли не прибавила товаров в магазинах. Вспоминает жиетль деревни Бердики Шиловичского сельсовета Бовжик Генрик Михайлович: «В соседней деревне Шиловичи, центре сельсовета, открыли сельский магазин. Свободно в продаже практически ничего не было. Ситец продавали только тем, у кого родился ребенок. Даже водки и той не было и продавали ее по талонам. Когда что-то привезут в магазин, то люди выстраивались в большую очередь» [76].

Вот такая безрадостная картина. Защитники советской власти, как всегда, найдут оправдание трудностям, которые советская власть сама же и создавала. Самое что ни есть унижение для народа – это стояние в многочасовых очередях за самыми необходимыми товарами. При Польше в магазинах имелись любые товары. Там, наоборот, продавец упрашивал покупателя купить его товар. С приходом советской власти очереди не прекращались никогда. Всегда ощущался товарный голод и всегда за чем-то люди стояли в очередях.

Отношение к религии

Нетерпимость большевистской власти к конкуренции во всех сферах жизнедеятельности общества не могла не сказаться и в отношении к религии. Первым делом новая власть запретила преподавание религии в школе. Большинству духовенства запретили пользоваться приходскими домами, которые передавались под государственные учреждения. Сами священники облагались такими громадными налогами, что даже с помощью верующих их выплатить было не под силу. Запретили даже колокольный звон. Районная газета не могла оставаться в стороне и также занялась массированной антирелигиозной пропагандой. Однако перековать верующих людей в атеистов за два года советского правления в Западной Беларуси оказалось не под силу даже громаднейшей пропагандистской машине. Большевистского идола Ленина, которым советские идеологи стремились подменить Бога, народ не воспринимал. Характерен в этом отношении пример, как во время немецкой оккупации жители Волковыска отнеслись к низвергнутой статуи Ленина.

Рассказывает Ян Былинский: До войны, на месте теперешнего главпочтамта, стоял красивый поповский дом. При Советах попа выкинули из дома и сделали в нем Дом пионеров, воздвигнув перед зданием памятник Ленину с протянутой рукой. Во время бомбежки 1941 г. все вокруг порушилось и сгорело, но памятник остался стоять. Когда в город вошли немцы, Ленина просто сбросили с пьедестала на землю, не став его даже разбивать. Всю оккупацию памятник провалялся на том самом месте как ненужный никому хлам. Никто из жителей не позаботился о его сохранности. После освобождения подпорченную статую вождя зарыли в землю» [5].

Вскоре большевики придумали новый способ, как на «законных» основаниях отнять у верующих храмы: на сакральные объекты наложили неподъемную арендную плату. За невыплату аренды храмы конфисковались, превращаясь в кинотеатры, дома народной культуры, конюшни, казармы, тюрьмы. В Волковыске гарнизонный костел по улице Широкой, где каждое воскресенье молились солдаты и офицеры с 3-го полка конных стрелков, Советы превратили в казарму, оборудовав внутри многоярусные деревянные нары. В то самое время, когда конные стрелки сражались и гибли на войне с фашистами, советские солдаты оскверняли их святыню. Ближе к 1940 г., солдат из холодного костела выселили и сделали там военный склад. Когда в 1941 г. пришли немцы, православные жители попросили

немецкие власти разрешить им здесь молиться, так как единственная в городе церковь сгорела в начале войны. Власти разрешили.

Еврейскую синагогу по улице Замостянской военные оборудовали под солдатскую кухню со столовой. Питались в ней красноармейцы, расположившегося неподалеку на берегу реки Волковыя кавалерийского эскадрона.

В костелах, церквях, синагогах власти изъяли все метрические книги и передали в гражданские учреждения, так называемые ЗАГСы (запись актов гражданского состояния). Отныне рождение, браки и смерть надлежало регистрировать не в святынях, а в гражданском учреждении.

Антирелигиозная истерия новой власти иногда доходила до абсурда. Вспоминает историк, занимающийся изучением истории Волковысского повета, гражданин Польши (город Гожув Велькопольский) Витольд Карпыза, 1913 года рождения, работавший в то время учителем в местечке Россь: «Развернулась острая антирелигиозная пропаганда. Директором в нашей школе была назначена присланная с России заядлая коммунистка. В конце учебного года я организовал выставку рисунков школьников и не заметил, что на одном из рисунков с видом реки Россь на заднем плане виднелась церковь, увенчанная крестом. Этого вполне хватило для Калашниковой, чтобы отругать меня.

Одного дня через окно школы она увидела похоронную процессию с крестом во главе идущих людей и местным попом Лотоцким. С пеной у рта поставила на ноги целую школу.

Среди российских работников расцвела шпиономания и доносительство. Одна из учителей татарка Багилдина выпроводила с учительской всех учителей, а меня попросила остаться. После чего сказала мне:

– Витольд Петрович! У вас имеется револьвер!

– Неправда! – возмутился я.

– А я вам сейчас докажу! – подумал что шутит.

Она же подбежала к моей сумке, лежащей на столе, и потянула за ремешок, выглядывающий из незакрытого портфеля. К счастью это был всего лишь ремешок от футляра фотоаппарата» [61].

Последний раз перед войной первое в своей жизни причастие и исповедь школьники-католики организованно прошли 29 июня 1939 г. на праздник святых Петра и Павла. При первых Советах детей католиков, готовившихся к первой исповеди, тайно учили по домам, но в костел вести их было запрещено. Когда пришли немцы, сразу несколько сотен детей повели к причастию. Костел заполнился до отказа.

Тем не менее, сложившиеся религиозные традиции искоренить без репрессий не представлялось возможным. В этом отношении характерен случай, произошедший в Свислочском районе. Из сводки НКВД в Белостокский обком партии: «В Свислочском районе на кирпично-изразцово-черепичном заводе. 28.8.40 г. по причине религиозного праздника Успение имел место факт массового невыхода рабочих на работу. Не вышло 25 человек рабочих, из них 23 женщины и двое мужчин. По данному факту ведется расследование Свислочским РО НКВД» [54,с.123].

В ту пору совершить такой проступок, как коллективный невыход на работу, требовалось определенного мужества, ведь за это со стороны власти могли последовать самые серьезные репрессии. Однако слабые подвижки на фронте борьбы с верующими отмечалось и самой властью. Из постановления заседания бюро Волковысского РК КП(б)Б от 5 марта 1941 г.: «Бюро РК КП(б)Б отмечает, что антирелигиозная пропаганда в районе проводится слабо. Со стороны отдела пропаганды и агитации не было систематического руководства по вопросам антирелигиозной пропаганды и агитации. За 1940 г. прочитано всего лишь 17 лекций на антирелигиозные темы. В районе среди крестьян не прочитано ни одной лекции. Совершенно слабо поставлена работа в подборе и выращивании антирелигиозного актива» [56,с.45].

Низложив основы христианской морали, которые с детских лет в человеке

воспитывала церковь, новая власть вселила в людские души страх, неуверенность в завтрашнем дне, разочаровала не сбывающимися обещаниями лучшей жизни. Все это способствовало расцвету самогоноварения и пьянства. Из-за дефицита товаров алкоголь стал второй валютой. Власть не боролась с бытовым пьянством, ведь одурманенным водкою народом легче управлять.

В то же время скучная и фальшивая большевистская пропаганда быстро надоедала всем, кто с ней соприкасался. В первую очередь она набивала оскомину у самих коммунистов, не говоря уже о местных жителях. Об этом 15 апреля 1940 г. на партконференции жаловался с трибуны заместитель отдела агитации и пропаганды Волников: «Я хочу остановиться на том, что в работе нашей районной партийной организации недостаточно уделялось внимания на организацию марксистско-ленинского воспитания членов партии. Лекции читаются не по строго продуманному плану, а вообще, лекции посещают неопределенный состав слушателей, а зачастую бывают просто случайные люди. Мы уже имели случаи, когда в кружке по изучению краткого курса истории КП(б)Б состояло 96 человек работников просвещения, а после проведения одного занятия в кружке осталось пять человек» [43,с.30].

Изучению фальсифицированной сталинской истории КП(б)Б придавалось огромное значение. Становиться смешно, когда читаешь протоколы партийных собраний, на которых коммунисты оправдываются друг перед другом в том, что никак не могут целиком прочитать краткую историю партии. У многих из коммунистов и комсомольцев работа по изучению истории партии не продвинулась дальше Октябрьского периода, т.е. 1917 г. Из выступления на общепартийном собрании от 26 октября 1940 г. секретаря первичной организации депо Карпаченко: «В нашей парторганизации 35 человек, все приехавшие из восточных областей – часть давно, а часть недавно. Несмотря на меры, принимаемые парторганизацией, все же далеко не ушли – сидят над изучением 3-4 главы» [43,с.121].

В рамках борьбы с «проклятым прошлым» и в русле новой идеологии, не могли оставаться и прежние названия улиц Волковыска. Советская власть переименовывала все, что на взгляд большевиков было связано с Польшей, навязывая местным жителям в новых названиях идеологическую безвкусицу. 25 января 1940 г. на заседании Волковысского бюро укома КП(б)Б было решено: «Предложить уездному исполкому переименовать улицы Волковыска, носящие имена врагов народа» [43,с.23].

Вместе с тем, в обязательном порядке партийный диктат прикрывался мифическим волеизъявлением самого народа. В номере от 4-го февраля 1940 г. газета «Заря» сообщила о переименовании улиц «в связи с пожеланиями трудящихся». Всего из 75 улиц переименованию подлегало 25. Не оставили даже названия, носящие имена национальных героев Беларуси. Под понятие «врагов народа» попали борцы с царизмом, боровшиеся за освобождение этого самого народа: Костюшко и Траугутт. Врагами народа посчитали писателей Юзефа Крашевского, Стефана Жеромского, Марию Конопницкую. Именно тогда городу навязали безликие названия улиц: Советская (Костюшки), Интернациональная (Магистратская), Мопровская (Корщизна), Социалистическая (Войтовская), Комсомольская (Яна Собесского), Коммунальная (Крашевского), Красноармейская (Кошаровая). Из 25 переименованных улиц ни одна не получила название, связанное с белорусской историей и культурой. Это больше всего свидетельствует об истинных намерениях большевистской власти – лишить белорусов своей исторической памяти. После оккупации Волковыска немцами в 1941 г. старые названия улиц возвратятся.

Новая жизнь на селе

Как только на дорогах Западной Беларуси появились первые колонны войск Красной Армии, местные крестьяне сразу же обратили внимание на крайне измученный вид обозных лошадей, мобилизованных в колхозах Восточной Беларуси. Рассказывает Иван Данилов,

автор книги “Записки западного белоруса”: «По дороге, по которой накануне отступала польская армия, двигалась советская пехота и артиллерия. Пушки разного калибра тащили очень тощие заморенные лошади. К хвосту каждой из них была прикреплена медной проволокой фанерная дощечка с надписью: колхоз им. Сталина, Молотова, Шверника, Кагановича и т. д. такого-то района. Все кинулись смотреть пушки, лошадей и читать эти странные дощечки. Мужики окружили какого-то командира и спросили: «Товарищ командир, а почему это у Красной Армии такие худые лошади»? «А это не наши», ответил он, «Это колхозные». Можете себе представить недоумение, озадаченность и растерянность крестьянина, который все еще пребывал в приподнятом настроении от торжественной встречи Красной Армии, которую он ждал много лет [78,с.71-72].

Мужики начали выпытывать у красноармейцев о жизни в колхозах. Конечно, не всем хватало смелости отвечать откровенно, ведь за сказанную правду можно было поплатиться.

Рассказывает Иван Данилов: “На берегах далекой Волги почти все жители нашей и окрестных деревень пребывали в беженцах. Поэтому они с особым интересом выпытывали у любого, повстречавшегося им красноармейца-волжанина о колхозных порядках на Волге. Полученные сведения были неутешительными.

...Во время остановок солдаты умудрялись заскочить в деревенские хаты, что-то купить из съестного; особенно охотились за салом и хлебом. Платили рублями или жульничали облигациями, в которых местное население не разбиралось. Часто их просто угощали и отрезали кусок сала на дорогу. В деревне пошли разговоры и комментарии того, о чем рассказывали солдаты, забегая в дома. Наша соседка прибежала к моей маме и сказала, что она кормила солдата и спросила: правда ли, что в их колхозе женщины шьют себе юбки и другую одежду из мешков, как об этом писали поляки? И он сказал, что это правда и что в его и в других колхозах люди постоянно голодают. …Другой солдат сказал следующее: «Вот вы нас встречаете с цветами, но вы еще нас узнаете» [78,с.с.40,74].

Что же принесла советская власть в деревню? Стало ли легче жить крестьянину? За счет конфискованных помещичьих земель новая власть выделила малоземельным крестьянам пахотные участки, но не более пяти гектаров на одну семью. В первое время после национализации и раздачи помещичьей земли, некоторого скота и инвентаря крестьянам, положение беднейшего сельского населения заметно улучшилось. Этому содействовало уменьшение повинностей государству и снижение цен на некоторые привозимые товары.

Как отмечалось в аналитической записке Волковысского районного партийного комитета «Общая земля, принадлежащая ранее помещикам, составляла 12400 гектаров. После организации крестьянских комитетов приступили к конфискации помещичьей земли, сельхозинвентаря, скота. Таким образом, среди крестьян было распределено: пахотной земли и сенокоса – 9065 гектаров, лошадей – 624, коров – 833, свиней – 258, овец – 265, зерна всех культур – 5856 центнеров, картофеля – 4965 центнеров, грубых кормов – 11200 центнеров, сельхозинвентаря разного – 1500 штук.

До освобождения Западной Белоруссии в районе 14085 крестьянских хозяйств имели в своем пользовании 83454 гектара земли всех угодий, считая болота, кустарники, дороги и прочее, тогда как 54 помещика имели в своем пользовании 12400 гектаров земли, и при этом лучших угодий» [54,с.123].

Но урожай с розданной бедноте земли еще предстояло получить, а пока взялись за тех, кто имел землю при Польше. Всех более или менее зажиточных крестьян объявили кулаками. Еще в сентябре 1939 г. красноармейцы, многие из которых были из крестьян, обратили внимание на лучшую жизнь здешнего села, чем у них на родине. Рассказывает житель Волковыска Казимир Степеко: «Мой отец родом из деревни Пожарки Волковысского района имел мало земли и считался бедняком. В сентябре 1939 г. к ним в дом зашел один из командиров Красной Армии. Увидев во дворе двенадцать маленьких поросят, которые привела недавно опоросившаяся свиноматка, на полном серьезе заметил:

– Да ты ведь хозяин кулак!»[62].

Еще одно подобное свидетельство. Вспоминает житель деревни Андреевичи Волковысского района Степан Болеславович Кулик, 1920 года рождения: «При первых Советах наша семья жила в деревне Монтовты. Однажды на хорошем и досмотренном коне я поехал в деревню Вердомичи на бровар, чтобы привезти для свиней отходов. Оттуда вышел какой-то приезжий начальник, увидев мою лошадь, спрашивает у других:

– Почему этого кулака не вывезли в Сибирь?»[63].

Приход новой власти способствовал обострению конфликтов и между самими крестьянами, о чем свидетельствует нижеприведенный документ, написанный в ноябре 1939 г.

«Товарищу прокурору города Волковыска и уезда

Гражданина деревни Зборы Верейковской волости Волковысского уезда Матвея Янкевича

Прошение

В июне месяце сего года до меня явился гражданин деревни Львовка Верейковской волости Осип Данильчик с предложением покупки у меня куска земли, на что я согласился. Взамен за кусок земли он добровольно обязался мне дать лошадь с жеребенком. При получении от него лошади с жеребенком я отправился вместе с ним в город Волковыск к уездному нотариусу и выдал ему документ – купчую на землю. Но в купчей нотариус не написал, что я сделал обмен земли на лошадь, а написал, что продал землю за 400 польских злотых. Нотариус потому не делал документов покупки земли по обмену, а только за деньги, так как с этой суммы брал себе вознаграждение.

Прошло несколько времени после прихода к нам доблестной Красной Армии, когда вышеуказанный гражданин Осип Данильчик 22 ноября сего года тайно явился ко мне и в ночную пору своровал лошадь с жеребенком. Узнавши, что моя лошадь находится у него, я обратился к нему с просьбой о возвращении ворованной у меня лошади. Однако Осип Данильчик заявил мне, что ему теперь земля не нужна, так как советская власть дает землю даром. Считая себя совершенно обиженным и обманутым, потому что в настоящее время остался совершенно безлошадным.

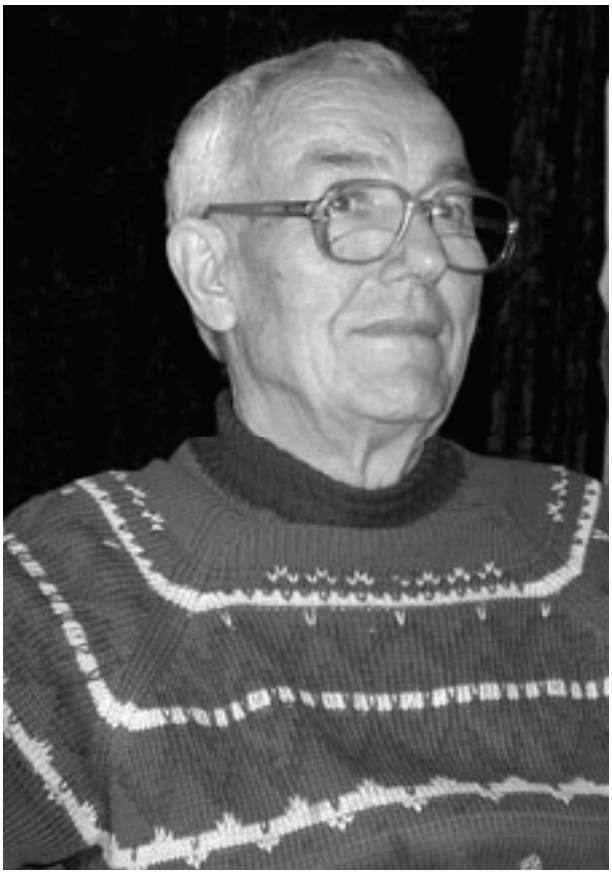
А по сему на основании всего вышеизложенного честь имею покорнейше просить товарища прокурора о рассмотрении моего дела и выдать свое решение о возвращении мне лошади с жеребенком, так как на вышесказанную лошадь я имею документ, что она является моей собственностью. Также прошу привлечь к ответу за обман и введение в заблуждение органов Советской власти гражданина Осипа Данильчика.

Причем присовокупляю, что сверх меры земли не имею, так как всей земли, включая пахотную, сенокосы и пастбище имею всего лишь десять гектаров. Справедливость вышеизложенного подтверждают крестьяне сельского комитета деревни Зборы Волчек Григорий Осипович и Алексей Бутримов» [77].

Примечательно утверждение Матвея Янкевича, что у него в семье не более 10 га земли, т. е. он не является кулаком.

Тех, кто имел при Польше более 10 гектаров земли, обложили грабительскими налогами. Рассказывает Григорий Семенович Окуневский, в то время живший с родителями на хуторе близь деревни Малая Лапеница: «В 1940 г. нашу семью обложили такими непосильными поставками, что при Польше никогда такого не было. Так, за 1935 г. наша семья выплатила 27,9 злотых дорожно-сеймикового налога, 116 злотых государственного и 20 злотых за 10 гектаров обрабатываемой нами земли. Всего – около 165 злотых. Такой налог был не сильно обременителен. Надо еще учесть, что скот налогом не облагался. Труднее приходилось тем, кто покупал землю в рассрочку через банк.

При Советах налог стали начислять как денежный налог, так и в виде натуры. Должен был сдать государству зерно, молоко, масло, мясо, сало, свиную кожу, яйца, шерсть, сено, табак. Причем, сроки сдачи того же зерна были такими жесткими и в таком количестве,



Григорий Семёнович Окуневский
Фото 2002 года

что мы физически столько не успевали намолотить. Тогда к нам на хутор приехали местные активисты, подогнали конную молотилку, вымолотили все зерно и забрали с собой, не забыв посчитать и за обмолот. После чего нам даже не осталось зерна на семена. Из-за такой грабительской реквизиции, а иначе это не назовешь, чтобы не умереть с голоду, мать зимой по глубокому снегу была вынуждена ходить в Волковыск в магазин за хлебом.

Отца в это время, как и всех трудоспособных крестьян мужского пола, ежедневно заставляли работать на лесозаготовках. Из леса на своих лошадях вывозили бревна. Требовалось выполнить дневную норму в 20 кубов. Кроме вывозки леса, заставляли определенное количество дней отбыть трудовую гужевую повинность, т. е. отработать бесплатно со своей лошадью на различных транспортных работах.

Хлеб в магазинах продавали некачественный, с добавлением гречневой или ячменной муки. Хлеб от такой мешанины получался безвкусным и пресным. Да и за таким в длинных очередях надо было отстоять.

Моего старшего брата тогда забрали в Красную Армию, и мы боялись написать ему в письме о своем бедственном положении. Письма просматривала цензура» [34].

При Польше налог на крестьянские хозяйства начислялся в зависимости от плодородия земли, которая была разбита на классы. Так, по 1 классу хозяйство платило следующие налоги:

1. Поземельный – 7 злотых и 32 гроша за гектар (по 3 классу – 4 злотых и 12 грошей).
2. Дорожный – 100 % к начисленному поземельному налогу.
3. Коммунальный – 50 % от поземельного налога.
4. Уравнительный – 2 злотых с гектара.
5. Шарварочный (налог на ремонт и строительство дорог) – 12 злотых.

Так, за 5 гектаров земли по 1 классу хозяйство выплачивало 113 злотых в год, по 3 классу – 73 злотых.

Еще одно свидетельство жителя деревни Мстибово Волковысского района Ивана Васильевича Грибачевского, 1923 года рождения: «У нас во Мстибове было 18 гектаров земли, трое коней, пять коров, две телки, восемь овечек. Зато и семья большая – шестеро детей, из которых – четыре дочки. А ведь когда отдавали дочерей замуж, в посаг (приданое) давали и землю, иначе трудно было найти жениха. Когда пришли Советы, многие думали, что рай пришел, а тут не рай, а торба пришла. При поляках тоже налоги большие были, а тут совсем непосильные стали. Налоговые агенты только и ходили по хатам – отдай корову на мясо, другую продай и заплати денежный налог. Свои активисты ходили с винтовками собирать налоги» [64].

Вспоминает жительница деревни Бискупцы Волковысского района Евгения Владиславовна Леонард (Горбик), 1923 года рождения: «При первых Советах легче жить не

стало. Еще хуже было, чем при поляках. Контингенты (налоги) очень большие стали – сдавали мясо, зерно и платили денежный налог. При поляках хоть за счет своего хозяйства жили, а при Советах все позабирали» [65].

Что говорить, когда налоги с крестьян начали брать даже за фруктовые деревья. Из выступления райпрокурора на собрании партийного актива районной парторганизации от 16 ноября 1940 г.: «Учет объектов обложения налогами прошел исключительно плохо. Начисление сельхозпоставок также страдало рядом недостатков. В Изабелинском сельсовете так проведен учет, что в плодовые деревья записали два ясеня и начислили на них подоходный налог. Очень много жалоб от крестьян на неправильное начисление сельхозпоставок. Эти жалобы месяцами лежали без всякого движения» [46,с.20].

Еще кто сомневается в том, что это была оккупация? Если сомневается, вот факты, взятые из архива. На стол первому секретарю Белостокского обкома КП(б)Б С. С. Игаеву (впоследствии первыми секретарями были Н. В. Киселев и В. Г. Кудряев), начиная с августа месяца 1940 г., периодически ложились секретные спецзаписки о выполнении государственных поставок зерновых культур по Белостокской области. Тайные осведомители НКВД на местах подслушивали разговоры крестьян и сообщали о недовольных людях в репрессивные органы. Здесь приводится только малая часть таких высказываний жителей Волковысского и Свислочского районов, хотя можно с уверенностью сказать, что недовольными грабительской политикой большевистской власти были абсолютно все справные крестьяне. И как справедливо некоторые из них замечают, что такого грабежа со стороны власти, наверное, не было ни в одном цивилизованном государстве: «Житель деревни Доброволя, Свислочского района, Иван Нестерович Шмага заявил: «У Советов нет справедливости. Обложили большими налогами так, что человек не может выдержать. Лучше бы дали нам хлеба, а нас не агитировали и не оставляли без хлеба. Почему они проводят агитацию? Потому что Сталин хочет стать богом» [54,с.131].

«Кулак Павел Иванович Брухановский, житель деревни Студенец, Росского сельсовета, Волковысского района, сказал нашему источнику: «При Польше всего было по горло. Красная Армия освободила нас от всего этого. Теперь только давай и давай для государства. Советская власть нас задушит. Если будет война, то нужно не только бить, но и выдушить всех большевиков за их порядки, чтобы они больше не рождались. Хорошо было бы, чтобы они не дожили не только до войны, но и до этой зимы. Чтобы их выдушить за один час. Ни в каком государстве нет таких порядков, как здесь. Это просто виселица. Много губят народу, и все мы терпим» [54,с.136].

«Житель деревни Монтовты, Свислочского района, Феликс Матвеевич Кулик, ожидая очереди для сдачи зернопоставки среди сдатчиков, сказал: «Наш народ неорганизованный, а если бы мы были как один, взяли бы кто чего – косы, вилы, топор, то этого бы не было, что сейчас делается» [54,с.149].

«Учитель начальной школы деревни Видейки, Свислочского района среди сослуживцев заявил: «Что они думают! Обдирают людей наголо, а от нас требуют, чтобы мы агитировали крестьян за выполнение плана. Я не буду агитировать. Я не могу собирать крестьян. Крестьяне не в состоянии отдать свое зерно» [54,с.149].

«Житель хутора Олески, Грицевичского сельсовета, Свислочского района, Константин Спиридович сказал: «Советская власть освободила нас от хлеба и соли. При польском правительстве мы меньше платили налога, а теперь крестьянину хоть на виселицу бросайся! Одно выплатишь, другое подходит!» [54,с.158].

Чтобы выполнить хлебопоставки и оставить зерно для своих нужд, крестьяне шли на заведомое преступление: «Середняк деревни Вейки, Вейковского сельсовета, Свислочского района, Урбанович Иван Иосифович в зерно, привезенное для сдачи государству, насыпал песку, что при контрольной проверке было обнаружено. На допросе Урбанович заявил: «Для сдачи государству зерна мне не хватало и, чтобы увеличить вес, я всыпал три фуражки песка».

Материал в отношении Урбановича передан в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности» [54,с.168].

Народ довели до такого отчаяния, что некоторые, не таясь от власти и не боясь репрессий, говорили правду прямо в глаза представителям советской власти: «Житель деревни Новосады, Шинковского сельсовета, Свислочского района, Михаил Цивонюк уполномоченному РК КП(б)Б Трусову заявил: «Соберу весь хлеб, сдам его государству и сеять ничего не буду! А сам возьму винтовку и напролом пойду в Германию. Здесь жить нельзя! Вы мучаете народ! Выколачиваете у него хлеб!» [54,с.156].

За отказ от сдачи хлебопоставок виновные подвергались аресту. Из спецзаписки от 15 сентября 1940 г.: «В Волковысском районе отмечены факты отказчиков от выполнения соцгособязательства со стороны середняков. Например, Козел Александр Антонович, житель деревни Лесники, Мстибовского сельсовета, из причитавшегося 5,2 центнера не сдал ни одного килограмма и заявил, что сдавать не будет. Аналогичные факты зафиксированы и со стороны других. В Островском сельсовете, Волковысского района, на 21 августа план был выполнен только на 2,9 %. Когда же РО НКВД арестовало саботажников и кулаков Шульгу, Турак и Климоть, то на 11 сентября план был выполнен на 36 % » [54,с.188].

Вместе с тем народ надеялся, что советская кабала долго не продержится. Очень много зафиксировано высказываний в надежду на возвращение польской власти или приход немцев: «Житель деревни Бортники, Видейского сельсовета, Свислочского района, Войтех Иосифович Болвар заявил: «Я бы немцу отдал последние штаны, только бы он нас освободил от большевиков!» [54,с.188].

«Кулак деревни Зенчики, Загорского сельсовета, Волковысского района, Высоцкий среди крестьян деревни говорил: «Скоро придут немцы. Советская власть здесь не будет и потому хлеб сдавать не нужно, а нужно оставить его для польской армии». Высоцкий арестован» [54,с.196].

«Житель деревни Видейки, Свислочского района, Андрей Соловей, по социальному положению середняк, говорил: «Это не власть, а грабеж! Как пришла советская власть, так и начала грабить. На меня наложили столько зерна, сколько я за польской властью не платил в течение 10 лет. Если так будут грабить, то долго не награбят. Скоро им будет конец!». Соловей взят на оперативный учет» [54,с.228].

«Со стороны вражеского элемента отмечены следующие факты антисоветских проявлений. Так, например, житель деревни Гриневичи, Волковысского района, бывший сержант польской армии Антон Машевский среди крестьян говорил: «Пахать, сеять и сдавать государству ничего не надо, потому что Советы скоро прогоним, и опять будет Польша» [54,с.235].

Читателю, наверняка, будет интересно узнать, как среди простого народа могли появиться тайные осведомители НКВД. В те годы «стукачество» расцвело как никогда ранее. Не секрет то, что с приходом Советов хозяевами положения во многом стали лодыри и пьяницы, которые не хотели работать при любой власти. Они то и начали выколачивать налоги у своих работящих односельчан и заниматься доносительством. Доносительство также навязывалось органами НКВД силою. По этому поводу имеется характерное свидетельство Григория Семеновича Окуневского: «Осенью 1941 г. при немцах к нам на хутор пришел шить кожух портной Петр Асмолович. В те времена такие вещи обычно шились на дому у заказчика. Однажды вечером за разговором Асмолович признался отцу, как его вербовали сотрудники НКВД. Когда в 1939 г. пришли Советы, сотрудник НКВД потребовал от него доносить им, кто и что говорят по хуторам и в деревнях против советской власти. Портной отказался, мотивируя отказ тем, что доносительство несовместимо с верой, а он глубоко верующий человек. Видя его несговорчивость, двое энкэвэдистов имитировали расстрел. Приведя Асмоловича на кладбище, вслух, так чтобы слышал портной, начали советоваться между собой, в каком месте его лучше всего расстрелять. Увидев, что и после такой психологической пытки Асмолович не сдался, дали ему на раздумье какой-то срок,

после чего пригрозили арестовать. Начавшаяся война спасла верующего и совестливого человека от дальнейших провокаций со стороны сотрудников НКВД» [34].

Для того, чтобы сдать в качестве налога государству зерно, предстояло еще намучиться в огромных очередях к приемным пунктам заготзерна. Из выступления Дашука на собрании партийного актива от 22 августа 1940 г.: «Заготовительный аппарат работает исключительно плохо. Они даже сводки не в состоянии составить. Недостаточность пунктов и беспорядок, очереди на сто человек, и покуда сдатчик хлеба сдаст хлеб, пройдет много часов» [46].

Начальник городского отдела НКВД Виноградов по этой проблеме высказался еще жестче: «Заготзерно исключительно плохо работает. В очередях приходится очень много стоять, но когда достоится, к нему начинают предъявлять всякие придирки. Был такой факт на пункте проверки зараженности зерна. Проверяемый указывает, что наверняка есть клещ, а когда мы с товарищем Банцыревым попросили найти этого клеща, то с полчаса возились и никакого клеща не обнаружили.

Был такой случай в пункте заготовки скота. Пригнали коров за несколько километров. За дорогу у некоторых коров покалечились ноги, и они стали хромать. Этого оказалось достаточно товарищу Шолобасову, чтобы не принять скот. Они пригнали весь скот в НКВД и говорят, что назад скот не погонят» [46].

Вспоминает житель деревни Бердики Шиловичского сельсовета Бовжик Генрих Михайлович: «Мало того, что налоги были грабительскими, так еще народу предстояло намучиться в очередях, чтобы их сдать. Во время уборки днем хлеб молотили и чистили зерно, а ночью везли его на своем транспорте сдавать в Волковыск. Зерно принимали по теперешней улице Кооперативной, так до него по Брестской улице очередь почти на целый километр стояла. Целую ночь простоишь, пока сдашь. Платили по 8 рублей за центнер. Норму сдашь, а все равно начальство ходит по хатам и требуют сдать дополнительно (тогда килограмм хорошей колбасы стоил 12 рублей, а пол литра водки – 8 рублей. Пусть читатель прикинет, как советская власть платила крестьянину за его нелегкий труд. Это даже не грабеж крестьянина, а настоящий разбой. – Н.Б.)» [76].

О вопиющей бесхозяйственности советской власти вспоминает Александр Харкевич из деревни Лешуки: «В сороковом году началось раскулачивание тех, кто имел больше чем 10 гектаров земли. У меня было три коровы и бычок. Пришел ко мне председатель и заявил, что надо сдать моего бычка в Волковыск, в подарок товарищу Сталину. Назначили возчика с подводой и еще хлопчика, чтобы управлял. Вывели они того бычка за деревню, а он воз перевернул. Собрались люди и как-то тот воз наладили. Бычка сдали, но никаких денег за него я не получил.

Вскоре приказали мне сдать корову. Повел я ее теперь сам в Свислочь. В Свислочи очередь! Подошел ко мне человек, расспросил откуда я, и говорит:

– Иди за город и посмотри – там огорожа с коровами, никто их не кормит...

Заглянул я туда, а там уже 28 коров сдохло. И опять все коровы, что в тот день сдали мужики, загнали в ту огорожу» [66,с.59].

Такое ощущение, что сбор сельхозпоставок выполнялся ради галочки в отчетах, а после – хоть трава не расти.

Вспоминает бывший житель Изабелина, ныне живущий в Волковыске, Леонид Антонович Врублевский, 1920 года рождения: «В сентябре 1939 г. власть поменялась с польской на советскую. За эти неполные два года, что успели повластвовать Советы, переменилось много чего. Первым делом отобрали землю у тех, кто имел ее много, и поделили между безземельными или малоземельными. Одновременно ввели такие налоги, что больше чем десять гектаров земли, содержать сделалось невыгодно. Отец должен был сдать в качестве налога государству три тонны жита, четыре тонны картофеля, мясо, молоко да еще три тысячи рублей деньгами. Чтобы не резать свою корову на мясной налог, говядину сдавали следующим образом. В складчину покупали на пятерых человек корову и вели ее на скотобойню, где всем выдавали справки о сдаче мяса и, даже выплачивали деньги. Что это были за деньги,

Леонид Антонович Врублевский
Фото 2007 года

считайте сами – за один центнер жита платили 12 рублей (здесь расхождение в цене с предыдущим свидетелем Бовжиком. Возможно цены менялись в зависимости от качества зерна, времени сдачи или поставок сверх налога. - Н.Б.). Народ говорил, что мир не видел таких панов, как Советы. Настоящий пан накормит и заплатит, а Советы собственную шкуру снимут.

Те, кто и раньше не желал особенно работать, подались в милицию. Получив в руки винтовки и, повесив на рукава красные повязки, начали раскулачивать более зажиточных крестьян, не прекращая в свободное от работы время пить водку да гулять. Частные магазины через некоторое время закрылись сами, так как торговать стало невыгодно. Сразу пропали товары, и появился дефицит на многие вещи. Когда в государственные магазины привозили мануфактуру или обувь, с вечера выстраивалась очередь, ждавшая открытия магазина целую ночь напролет. Гайки зажимали все больше и больше. Неизвестно, чем бы все это кончилось, но началась война» [67].

В то же время на страницах районной газеты «Заря» крестьяне в восторге от советской власти. Житель деревни Войтковичи Константин Янович Тримайло в 1940 г. писал в ней: «Я бывший батрак. Долгое время мне приходилось работать у помещицы Мнихи. Горе и беду не раз мне приходилось терпеть. Только с приходом Красной Армии я зажил свободно. Советская власть наделила меня 5 гектарами бывшей помещичьей земли. Красная Армия дала мне коня. С большой радостью начал я весенний сев. Сеял быстро и качественно. У меня не хватало семян, но на помощь пришла Советская власть. Она мне дала в долг нужное количество семян. На своей земле я посеял пшеницу, овес, ячмень. Осталось посеять картофель, и ее успею посеять за день-два. Только наша дорогая Советская власть заботится о нас, крестьянах. Польские власти о нас никогда не думали. Они думали, как больше собрать налогов» [68].

Из вышеприведенных фактов читатель сам может судить о том, какую новую жизнь принесла в деревню Советская власть. Что касается подобных бедняков как Тримайло, так вскоре после войны эта же власть отберет наделенную им землю и силой загонит всех в колхозы.

Коллективизация

Разорение посредством непосильных налогов более или менее зажиточных хозяйств стало основным подготовительным этапом проведения коллективизации. Всего до начала войны на присоединенных территориях Западной Беларуси организовали 1115 колхозов, куда вошли только 7 % всех крестьянских хозяйств. Меньше всего колхозов успели создать в Белостокской области. Здесь загоняли в колхозы жителей деревень только с православным населением. Первым коллективным хозяйством в Волковысском районе стало конехозяйство «Россь», образованное из помещичьих земель местечка Россь, а также деревень

Ендриховцы и Скрибово. Директором хозяйства 11 марта 1940 г. назначили приехавшего с востока белоруса Михаила Филимоновича Позднякова, большевика с низшим образованием. На партконференции 15 апреля 1940 г. по поводу этого хозяйства отмечалось: «Совхоз имеет в своем пользовании 1463 га земли всех угодий. Совхоз обеспечен сельхозинвентарем, тягловой силой и всем необходимым для развертывания работы и успешного проведения сева. Последнее время совхозу передано крупное рыбное хозяйство, имеющее 126 га прудов. Это хозяйство не только для совхоза, но и в целом для района имеет огромное значение. Задача партийной организации – принять все меры к тому, чтобы это первое советское хозяйство в условиях нашего района осталось показательным во всех отношениях. Показать окружающему населению превосходство советской системы» [43,с.30].

Народ окрестил такие действия власти одним коротким, но емким словом: «показуха». Тем не менее партийная и советская власть хотя бы на первых порах так и не смогли сделать первые колхозы привлекательными для остальной части населения.

В этом же марте месяце 42 семьи бывших батраков объединились в колхоз деревни Матвеевцы. Хозяйство насчитывало 40 коней, 60 коров и 100 гектаров земли. Председателем избрали местного жителя Антона Михайловича Дудара. Всего до войны в районе организовали 14 колхозов, объединивших 615 крестьянских хозяйств [43,с.15].

Как же в них обстояли дела? Прежде всего, обращает на себя внимание следующий факт: к весне 1940 г. новая власть не организовала крестьян даже на обмолот собранного прошлогоднего урожая с помещичьих земель. Из выступления тов. Мазаника на общем партийном собрании Волковысского района 14 марта 1940 г.: «На сегодняшний день в помещичьих имениях мы имеем недостаток кормов для скота, а зерно еще не обмолочено. Ремонт сельхозинвентаря в имениях не проводится».

На этом же собрании выноситься постановление: «Поручить РК КП(б)Б принять необходимые меры к немедленной ликвидации отмеченных недостатков в деле подготовки к весеннему севу и наметить мероприятия, обеспечивающие подготовку крестьянских хозяйств и земельных органов района на успешное проведение посевной компании в районе» [43,с.15].

Отныне партийное начальство в районе будет указывать крестьянину, что и когда сеять, когда и как убирать урожай. В результате такого руководства в стране появиться дефицит продуктов питания и остальных товаров, а покупать зерно придется за границей.

11 апреля 1940 г. на заседании бюро Волковысского РК КП(б)Б отмечалось: «Вследствие крайне слабой работы по организационно-хозяйственному и политическому воспитанию колхозников имел место выход шести колхозников из колхозов имени Сталина, имени Ворошилова Верейковского и Девятковского сельских советов. В ряде колхозов: 1-го Мая, имени Ворошилова, имени Сталина Изабелинского сельского совета и других – крайне плохо организован труд, и особенно нетерпимо состояние колхозного учета, что может привести к подрыву организационной и хозяйственной деятельности колхозов в деле дальнейшего колхозного строительства в районе. Со стороны советских и партийных организаций и земельных органов района до последнего времени не принято достаточных мер к тому, чтобы немедленно прийти колхозам на помощь в правильной организации труда, надлежащей постановке колхозного учета и организации систематической работы с колхозниками по политическому их воспитанию и т. д.»[43,с.120].

Вот так. Плохо колхозники работают оттого, что политически не воспитаны. Как всегда причину плохой работы искали в саботаже: «В колхозе имени Ворошилова, Волковысского района, при пуске молотилки колхозники Владимир Савко, Александр Низко и Пленчук умышленно бросили в барабан одновременно шесть снопов ржи, в результате чего молотилка вышла из строя. Дано указание Волковысскому РО НКВД немедленно расследовать указанный факт и виновных привлечь к уголовной ответственности» [54,с.73].

Виновных в плохой работе колхозов усердно искали и находили. Из спецзаписки районного отдела НКВД в обком по состоянию на 4 сентября 1940 г.: «Группа кулаков –

Борисевич, Бруханский и Сцецевич деревни Студенец, Росского сельсовета, Волковысского района, проводят антисоветскую агитацию, направленную против выполнения хлебопоставок, а также на развал колхоза «Ударник». Указанная группа кулаков провела нелегальное сборище, где условились не выполнять государственные обязательства по хлебопоставкам. Кроме того, на одно из сборищ пригласили колхозника Наруту Николая Владимировича и агитировали его выйти из колхоза, обещая ему всякую помощь. В результате агитации Нарута из колхоза вышел. Кулаки Борисевич, Бруханский и Сцецевич арестованы» [54,с.126].

Отношение крестьянина к работе в колхозе характеризует и его действия во время уборки. Уборка урожая всегда считалась святым делом для сельского жителя. На поле не оставляли ни единого зернышка, ни одной картофелины. Оно и понятно – все заготовлялось для своих нужд, для себя. Даже когда работали на помещика, заранее знали, какая доля от собранного урожая достанется наемному рабочему. Сейчас надеяться на справедливость не приходилось. 24 июля 1940 г., после начала уборки, на бюро райкома отмечалось: «...Недопустимое отставание уборки по колхозам свидетельствует о недостаточной организации труда в колхозах, плохо организована звеньевая работа, имеют факты позднего выхода на работу. В отдельных колхозах соцсоревнование не развернуто. Имеют место в ряде колхозов факты пренебрежения работы вручную. Тенденция производить уборку только жнеярками, при явном недостаточном количестве последних. Качество уборки в ряде колхозов низкое. ...В колхозах им. Буденного и «17-го сентября» в результате несоблюдения нужных правил при скирдовании испорчено три скирды сена. По всем колхозам еще не приступали к обмолоту сжатого урожая. Инвентарь к обмолоту в достаточной степени не подготовлен.

…Бюро РК КП(б)Б отмечает совершенно низкое качество уборки на всех площадях сжатого урожая. Еще не произведено сгребание колосьев, а где производилось, то в недостаточной мере и небрежно. Сжатая рожь, несмотря на наличие полной возможности, не заскирдована, к обмолоту не приступили» [43,с.220].

Дошло до абсурда. Обмолот первого колхозного урожая райком партии обязал производить под присмотром прокуратуры. Из решения бюро Волковысского РК КП(б)Б от 2 октября 1940 г. «О ходе обмолота в колхозах»: «Постановили:

1. Признать ход обмолота по колхозам района неудовлетворительным. На 10 октября сего года по колхозам обмолочено всего лишь 34 % урожая.

2. Предложить заврайзо тов. Лапицкому, директору МТС тов. Селезневу и директору совхоза «Россь» тов. Позднякову использовать на молотьбе все имеющиеся у них молотилки и полностью закончить молотьбу в колхозах и совхозах до 5 ноября сего года, для чего организовать двухсменную работу на молотилках.

3. Обязать райпрокурора тов. Баркевича проследить за выполнением данного решения и лиц, сопротивляющихся организации двухсменной работы молотилок привлекать к ответственности как нарушителей закона, стремящихся в антигосударственных целях оттянуть молотьбу.

4. Поручить оргинструктору отдела райкома партии Мицкову подобрать из числа партийного актива группу товарищей и командировать их в колхозы и совхозы для организации быстрейшего окончания молотьбы к установленному сроку» [43,с.320].

В народе это называется работать из-под палки. Данный документ ярчайше свидетельствует о том, как колхозники относились к работе в колхозе, о безразличии их к результатам своего труда. Это как же надо было «достать» крестьянина, чтобы он стал выполнять свою работу под присмотром присланных из райкома дармоедов-партийцев.

На бесхозяйственность, царившую в колхозах, вынужден был обратить внимание даже секретарь первичной парторганизации городского отдела НКВД Дегтерев. На пленуме районного комитета КП(б)Б 10 ноября 1940 г. он выговорился: «Очень недостаточно за последнее время работаем в отношении организационно-хозяйственного управления

колхозов. В результате этого имеется большая бесхозяйственность. Солома в колхозе имени Ворошилова погнила. Крестьяне пальцами показывают на эту бесхозяйственность и смеются с нас. У нас 11 колхозов в районе, но мы не можем в них навести большевистский порядок» [47,с.32].

Зато тех, кто работал хорошо, но в единоличных хозяйствах, стали давить налогами еще сильнее. Результатом начала коллективизации и переписи животных в личных хозяйствах стал массовый убой скота. Рачительные хозяева раньше никогда не резали здоровый молодняк. Сейчас же, чтобы не досталось колхозам и государству, под нож пускали телят, свиней, овец. На базарах мясо появилось в таком огромном количестве, что упало в цене. Новая власть объясняла причину уменьшения поголовья скота происками врагов, а не своим головотяпством. На массовый убой скота повлиял еще один существенный фактор – высылка людей в Сибирь. Боясь новой волны репрессий, и чтобы домашняя живность не досталась сатанинской власти, хозяева начали резать скот.

Из докладной записки первому секретарю Белостокского обкома КП(б)Б С. С. Игаеву о ходе выполнения хозяйственно-политической кампании по Белостокской области по состоянию на 15 октября 1940 г.: «В связи с проводимой работой по мясопоставкам государству, госзакупок и проведению учета поголовья по районам области отмечены факты массового убоя скота. Так, в Волковысском районе, деревне Ошмянцы, Бискупицкого сельсовета, только за один день было убито 8 свиней. Среди крестьян этой деревни распространяются провокационные слухи о том, что всем учтенным по переписи свиньям будут прицеплены номера к ушам, и тогда эти свиньи будут уже не собственностью крестьян, а собственностью государства.

На вопрос нашего источника члену Бискупицкого сельсовета Левенцу, почему так много убивают свиней, последовал ответ: «Неизвестно, что будет завтра, а сегодня убили – будет твое». Крестьянин деревни Трунцы Харитоник Иван при встрече с нашим источником сказал: «У нас все поголовно, кто имеет откормленных свиней, убивают их, потому что советская власть будет брать наполовину. В Порозовском и Дружинском районах советская власть уже берет свиней».

На этой же почве провокационных слухов крестьянин деревни Войтковичи, Бискупицкого сельсовета, Баклаженец Иван убил двух свиней, а крестьяне этой деревни Курлович Викентий и Лукашевич Иосиф убили не откормленных свиней» [54,с.288].

Свидетель того времени житель Волковыска Вацлав Навроцкий вспоминает: «Мы покупали мясо у крестьян, которые привозили его в город и тайно от властей продавали на дому у знакомых. Те сообщали соседям и другим знакомым. Сахар вообще пропал в магазинах, а за хлебом выстаивали в очередях» [19].

Для помощи колхозам в районе была образована МТС – машинно-тракторная станция, обрабатывающая пахотную землю: «По решению ЦК КП(б)Б, правительства, в нашем районе организована МТС, которая уже укомплектована тракторами – прибыло 3 трактора ХТС и 2 трактора У-2. Основными руководящими кадрами МТС также укомплектована. В ближайшее время при помощи ЦК КП(б)Б будет укомплектована техническим составом» [43,с.30].

Так отмечалось 15 апреля 1940 г. на районной партконференции. Надо было показать местному населению, как в СССР обрабатывают землю тракторами, да и при помощи новой техники завлечь крестьян в колхозы. Однако становление МТС проходило с большими трудностями. Да и сами трактора из восточных районов сюда доставили по такому принципу: «На тебе, Боже, что мне не гоже!», т. е. подержанные и требующие ремонта. Понятно, что трактора часто простаивали. Плохая работа МТС отмечалась на многих партийных собраниях района. Из выступления директора МТС Селезнева: «Мы получили недавно новые трактора и тракторами обработали 580 га. Мы могли бы сделать значительно больше, но часть присланных нам тракторов из МТС восточных областей оказалась неисправной, требующей ремонта. Могли бы отремонтировать на месте, но для ремонта тракторов не хватает отдельных частей. Ездили в область, но приехали оттуда впустую,

ничего не достали, видимо, там совершенно не заботятся. Нам нужно использовать имеющуюся в Росси мастерскую для ремонта тракторов, но эта мастерская занята военной частью, но, сколько этот вопрос ни разбирался, сколько ни выносили решения, но до сих пор это помещение нам не передано» [46,с.21].

Осенью 1940 г. МТС практически развалилась. Трактора сломались окончательно. 15 октября на бюро выносится единственный вопрос: «О выполнении решения бюро РК КП(б)Б от 8.6.1940 г. о работе Росской МТС». Из постановления: «Несмотря на количественное выполнение плана по пахоте на 108 %, в работе МТС продолжает оставаться ряд серьезнейших недостатков. Транспортный парк, вследствие небрежного отношения к его сбережению, невыполнения технических правил ухода за тракторами и отсутствия должного руководства и контроля со стороны старшего механика МТС тов. Карпова, приведен в хаотическое состояние. Так, из наличия 8 тракторов по состоянию на 10 октября выведено из строя 5 тракторов. Работающие же трактора, вследствие отдельных неполадок, значительное время простаивали. Никаких мер к ремонту выведенных из строя тракторов не принимается. Испорченные трактора оставлены на полях без всякого надзора. В колхозе им. Ворошилова, 1-го Мая план поднятия зябей по состоянию на 10 октября выполнен на 33,3 %, при плане 390 га вспахано 130 га. Качество выполняемых работ, особенно на пахоте, низкое. Рядовой посев в колхозах сорван, причем в колхозе «Большевик» Росского сельсовета подготовленную к рядовому севу площадь пришлось перепахивать» [43,с.326].

Уму непостижимо. Как при выполнении плана по пахоте на 108 % вспахать всего лишь третью часть?! Но, видимо, у большевиков своя логика. Вот и за развал МТС директору Селезневу объявили только выговор. Даже не строгий. Просто пожурили. Он же ведь свой, не какой-нибудь там классово-чуждый элемент.

А вот перед вами свидетельство простой колхозницы о том, как жилось в этих самых колхозах. Подслушанный сексотом разговор был сообщен куда следует, а потому остался для истории. Красноречивей о рабской жизни в колхозе, даже если бы и хотелось выдумать, не скажешь. Из спецсообщения о недочетах в ходе подготовки к весенне-посевной кампании в Волковысском р-не на 12 февраля 1941 г.: «Политико-разъяснительная работа среди колхозников проводится недостаточно. В результате отмечены факты не только низкой трудовой дисциплины, но и отрицательных настроений. Так, например, колхозница колхоза им. Сталина, Верейковского сельсовета, Ковальчук Анна 30 января 1941 г. в группе колхозниц говорила:

«В колхозе мы умрем с голода. Нас большевики не освободили, а больший гнет сделали. При помещике мы больше зарабатывали, чем теперь. Раньше мой муж один обеспечивал всю семью, а теперь мы работаем всей семьей и не можем обеспечить себя. И вот если придут проводить собрание, то мы заявим: «Дайте нам жизнь или стреляйте нас, а то мы повесимся, ибо на нас пришла погибель».

Правление этого колхоза во главе с председателем Ковш Василием завели книгу, которую озаглавили «Книга записей преступлений колхозников». В эту книгу заносится малейшее высказывание колхозников, что вызывает с их стороны озлобление» [69,с.178].

Еще одно свидетельство о предвоенных колхозах в Свислочском районе оставил Станислав Бобиньский из деревни Ятвеск: «Каникулы проводил дома, где работал в колхозе. Территория единоличного хозяйства отца была насильно включена в колхоз, и чтобы не забрали еще и строения, он вынужден был вступить в колхоз. Работа в колхозе приносила мне даже удовольствие, так как контакт с белорусами убедил меня, что только небольшая часть из них осталась довольная советской властью. Большинство относилось к ней критически и даже смеялись с неумелого советского хозяйствования, когда она не могла обеспечить народ самыми необходимыми товарами и продуктами. При сельсоветах открылись магазины, годовая норма на одного человека составляла мизерную цифру: сахара в 1940 г. – 0,45 кг, в 1941 г. – 0,6 кг. Раз в год мужчинам продавали по 1 метру грубой льняной ткани, а женщинам – по 1 метру ситца. Но и эта норма не покрывала числа людей,

принадлежащих к кооперации, и потому распределение материала происходило по жеребьевке. Все чаще народ вспоминал богатые прилавки предвоенных магазинов» [28].

«Да! – согласятся приверженцы былых времен. – Бывали перегибы!». А то, что перегибы были сплошь и рядом, являясь не чем иным как государственной политикой, и начались снова после войны, им доказывать бесполезно.

Преобразования в промышленности

Различных забот у новой власти хватало. Но куда ни кинь – всюду клин. Так и с паспортизацией населения дело не шло как надо. 11 апреля 1940 г. на бюро райкома приходится подымать и этот вопрос: «О ходе паспортизации населения по городу Волковыску и цемзавода Россь». Для сельских жителей паспортизация в СССР не предусматривалась. Им и справка от сельсовета, если что, сгодится. Так поделили жителей на два сорта – с паспортом и без паспорта. А, действительно, зачем крепостным крестьянам паспорта?

«Бюро РК КП(б)Б отмечает, что, несмотря на то, что паспортизация в соответствии с указаниями ЦК КП(б)Б и обкома партии должна быть закончена к 1 мая, однако вследствие очень поздней присылки людей и материалов для этой работы со стороны УРК и исключительно плохой подготовки к проведению этой работы со стороны горотдела милиции, в установленные сроки работы сорваны. Работа по паспортизации недопустимо затянулась и проходит недостаточно организованно. В результате около 50 % населения города не получили паспортов и, вследствие недостаточно проведенной массово-разъяснительной работы о значениях и задачах паспортизации, имели место факты уклонения отдельных граждан от получения паспорта. Совершенно плохо организована работа ЗАГСА, который несвоевременной выдачей метрических документов тормозит и затягивает выдачу паспортов» [43,с.120].

Изменились экономические отношения и на предприятиях, куда вместо старых хозяев новая власть назначила своих руководителей, большей частью также присланных с востока. Промышленность национализировалась. Вклады населения в банках и сберегательных кассах пропали. Создавались ремесленные кооперативы, которые разрушали мелкое товарное производство. Вместо проверенных веками рыночных отношений в экономику внедрялись чисто пропагандистские, не имеющие материального стимула, методы труда – социалистическое соревнование и стахановское движение. Так, на крупнейшем предприятии Волковысского района – цементном заводе, как сообщила газета «Заря» за 11 августа 1940 г., в социалистическом соревновании участвуют все сто процентов работающих. И если раньше, при Польше, пропускная способность печи была 8-8,5 тысяч тонн цемента, то сейчас – 9,2 тысячи. Но газета не разъяснила, почему бывший хозяин завода не эксплуатировал печь также интенсивно. Наверняка при такой «стахановской» работе получался и цемент худшего качества, и сама печь быстрее изнашивалась. В газете этого номера также сообщается, как 65-летний токарь Иван Бух выполнил норму на 180 %, а бывший грузчик Пугач стал начальником транспортного цеха.

О работе на цементном заводе в качестве помощника слесаря того времени вспоминает житель Волковыска Леонид Михайлович Посох, 1922 года рождения. В послевоенное время он работал на разных номенклатурных должностях, в том числе председателем райисполкома и партийным функционером: «Через год работы на заводе (после прихода Красной Армии. – Н. Б.) удалось мне справить первый в своей жизни выходной костюм и ботинки на кожаной подошве. В таком наряде я уже смело мог подойти к любой девушке» [70].

Выходит, не так и хорошо оплачивался труд простых рабочих при новой власти, если для приобретения костюма и ботинок помощнику слесаря пришлось трудиться целый год.

Впрочем, есть еще одно воспоминание о работе на цемзаводе того времени – Марии Иосифовны Стельмашенок, 1918 года рождения, нынешней жительницы деревни Субочи Волковысского района: «Я и при поляках работала на этом заводе в меловом карьере. Тогда воздушная линия была с тележками. Эти тележки мужчины снимали на землю, а мы их отгоняли к месту добычи мела. Потом полные возвращали назад. Рабочая смена длилась восемь часов. Оплата сдельная. Получала не меньше 50 злотых (деньги, правда, небольшие, но простой костюм пошить на них можно было. Так это всего лишь за месяц работы! – Н. Б.).

При первых Советах меня сделали стахановкой, фотокарточку повесили в красном уголке. На премию давали калоши или еще что-нибудь такое. Когда проходили выборы в местные Советы, то меня на собрании выдвинули кандидатом в депутаты. Встает один хлопец, которого я до этого обидела тем, что сказала про него нехорошее своей подруге, с которой он встречался:

– Ее нельзя! Она наших людей предавала! – каких людей, я не поняла, и все не поняли. Ошарашенная клеветой, поднялась и смогла сказать в ответ только одно слово: «Спасибо!». И села.

За меня даже не стали голосовать, ведь сразу тень подозрения пала. А тогда одного слова достаточно было, чтобы человеку не поверили. Боялись, так как уже советская власть многих пересажала. Всю ночь после этого не могла уснуть. Сама написала объяснительную о том, что никого не предавала и отнесла на завод. Однако меня больше никто не вызывал. В депутаты выбрали другую дивчину – Веру, ту самую, с кем хлопец, оклеветавший меня, ходил. Но это, видно, судьба такая. Когда через год пришли немцы, эту Веру расстреляли как депутатку, а ее хлопец пропал без вести. Я же вот до сих пор живу» [71].

Стахановское движение внедрялось даже на железной дороге, где, как известно, превышение оптимальной скорости движения паровоза и превышение нормы загрузки состава могло привести к аварии. Из доклада первого секретаря Белостокского обкома партии С. С. Игаева под названием «Освобожденный труд»: «Инициаторами внедрения стахановского метода вождения тяжеловесных паровозов и использования топливных отходов явились на транспорте паровозники депо Волковыска. По инициативе начальника депо орденоносца тов. Лащук и политкомиссара тов. Карпенко впервые на Белостокской дороге 15 ноября был проведен тяжеловесный поезд весом 1512 тонн, вместо 700 тонн, с технической скоростью 36 км/час, при норме 30,5 км/час. Этот поезд вел машинист тов. Радюк, который отапливает паровоз углем с примесью 40 % шлакоотсева, и сэкономил за поездку 1700 килограмм угля. Его почин подхватили машинисты депо Белостока, Гродно и др.» [72,с.7].

Вдумчивый читатель не может не удивиться. Неужели при Польше такие дураки работали, что не могли додуматься до такой экономии? Чего на самом деле стоил стахановский метод труда, видно из воспоминаний жителя Волковыска Евгения Степановича Крука, знакомого с Радюком: «Машиниста паровоза Радюка, водившего товарные поезда, решили назначить стахановцем. Подцепив к составу пустые вагоны, его вызвали к начальству:

– Ну! Устин Юльянович! Повезешь тяжеловес – это почет для тебя! – рассказывал мне потом Радюк. – Завезешь на место – будешь стахановцем! Меня смех взял. Пустых коробок нацепляли, а пишут как груженые – полторы тысячи тонн! Привез я их без особых усилий, так и при Польше столько возил. Вызвали в партком, устроили почести. В печати объявили, что я стахановец, а на самом деле одно очковтирательство, обман» [36].

Быть может, орденоносцу начальнику депо Лащуку за такой обман на грудь повесили второй орден. А у простых рабочих такие шулерские приемы ничего кроме иронии и брезгливости к методам советской власти не вызывали. Зато начальнику политотдела железной дороги Детскому было о чем доложить делегатам партийной конференции: «Основным звеном своей работы парторганизация избрала внедрение стахановских

методов работы, и в результате этого мы уже имеем первые ростки этого замечательного движения. Транспорт, более чем другие участки, был засорен враждебными элементами. Наша задача состояла в том, чтобы очистить от этих элементов. Мы еще имеем нарушения правил технической эксплуатации и аварии. Спускаемые планы по загрузке занижены. Так, при норме по плану 49 мы грузим по 150 (Детский имел в виду, что при норме на вагон 49 тонн груза, они, по стахановски, загружали все 150 ! – Н. Б.) Значительных успехов мы добились в части вождения тяжеловесных поездов, а скорость движения поездов в значительной степени превысили нормы» [43,с.30].

В результате сверхинтенсивной эксплуатации транспорта начались аварии, но их, как правило, списывали на саботаж, увольняя, а то и арестовывая старые рабочие кадры. Вспоминает жительница Волковыска Янина Курбатова (Маковецкая): «Мой отец при Польше работал машинистом на паровозе. Мама не работала, но жили мы очень хорошо – на полу даже ковер лежал. Когда же пришли первые Советы, папа потерял работу, и мама была вынуждена выносить на базар вещи из дома. Покупали их, в основном, жены советских командиров» [13].

Так что про лучшую жизнь, начавшуюся для рабочих с приходом Советов, много придумано. Может, для некоторых она действительно стала веселее, но для большинства – нет.

В Волковыске с приходом Советов началась подготовка к переделке железнодорожной колеи под российский стандарт. Грузы шли сплошным потоком, и их приходилось перегружать на старой границе. Рассказывает житель Волковыска Ян Карлович Былинский: «В депо с востока прислали своих мастеров: польским специалистам доверия не было. Первым делом принялись за перестановку в паровозах колесных пар для более широкой колеи. Узкие колесные пары грузили на платформы и увозили на восток, а оттуда получали широкие. Однажды моему отцу вместе с работником депо Стахельчиком поручили осмотреть военную танкетку, из поддона которой вытекало масло. Отец лежал под днищем машины, а Стахельчик поинтересовался:

– Пан Былинский! Ну, як там? – стоявший рядом советский командир удивленно переспросил:

– Как вы сказали? Пан?

– А что такое?

– Вы что? – в руках командир держал польский журнал и показал на портрет какого-то артиста кино в модной шляпе. – Вот это паны! А вы рабочий класс!»

Приехавшие «освободители» даже не удосужились узнать, что слово «пан» подразумевает обращение ко всем мужчинам. Вернувшись домой, отец сказал:

– С сегодняшнего дня я уже не пан, а товарищ! – и добавил, – какой же я товарищ начальнику депо? На этот счет у русских есть хорошая пословица: «Гусь свинье не товарищ!» [5].

11 апреля 1940 г. на заседании бюро было зачитано постановление по подготовке перешива железнодорожного пути на широкую колею: «Предавая огромное хозяйственно-политическое и оборонное значение перешивке железнодорожного пути на широкую колею, на линии Барановичи-Волковыск-Белосток с целью успешного проведения этого мероприятия бюро РК КП(б)Б постановляет:

1. Организовать для проведения этой работы из города и прилегающих к железной дороге сельских советов не менее 600 человек рабочих, в том числе из Волковыска – 200 человек. Ответственным за организацию и приемку рабочих по городу утвердить тов. Акулича. Из Мстибовского сельского совета – 100 человек рабочих. Для организации рабочих сил по этому сельскому совету утвердить тов. Павловца. Из Янышовского сельского совета – 100 человек рабочих, ответственный тов. Дашук…

2. Принять к сведению сообщение начальника политотдела отделения железной дороги тов. Детского. К 13 мая мы должны полностью закончить все подготовительные

работы в части расстановки инженерно-технической и рабочей силы, обеспечить ее инструментом и необходимым материалом. В один день 13 мая мы должны полностью провести перешивку пути на широкую колею. Обязать торгующие организации горпищепромторга, райпотребсоюза и уполномоченного транспорта организовать на путях для обслуживания рабочих ларьки, обеспечив их хлебом, колбасой, папиросами, махоркой, спичками и другими товарами» [43,с.120].

Перешивка колеи прошла успешно. Немногим более чем через год немцы проделают эту работу с точностью наоборот – перешьют пути опять на узкую колею. Еще через три года, сразу после изгнания немцев, колею опять исправят на широкую.

Подведение итогов полугодового хозяйствования

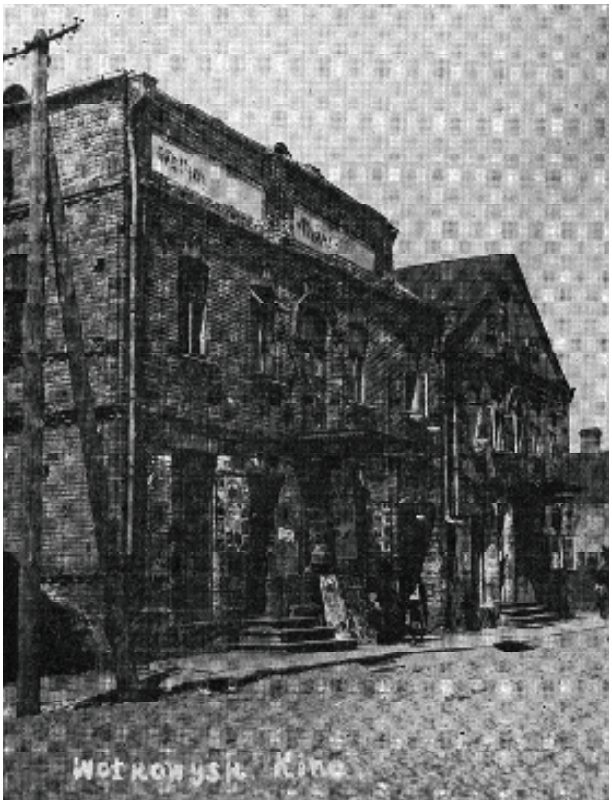
15 апреля 1940 г. в Волковыске прошла первая районная партийная конференция, на которой присутствовали 148 партийцев. Конференция открылась в шесть часов вечера в зале бывшего кинотеатра «Полония», которому дали новое название «Аврора» в честь известного крейсера, команда которого участвовала в 1917 г. в большевистском перевороте.Открыл конференцию первый секретарь Волковысского РК КП(б)Б тов. Игнатий Акимович Банцырев, 1903 г. рождения, приехавший в Волковыск в конце 1939 г. В президиум по сложившейся традиции советских и партийных собраний избрали «достойных товарищей»: секретарей райкома партии Смирнова и Павловца; председателя райисполкома Дашука; военных – командира 36-ой имени Сталина кавалерийской дивизии Зыбина, штаб которой находился в Волковыске, начальника политотдела этой же дивизии – Симоновского, командира кавалерийского полка Орловского, Героя СССР Родимцева, а также представителя рядового состава партии – красноармейца Степанова; приезжее начальство – представителя ЦК Кунина и представителя обкома Грибоедова; местное начальство – заведующего районным образованием Лапицкого, начальника политотдела железной дороги Детского, начальника городского отдела НКВДВиноградова, председателя горсовета Акулича, секретаря парторганизации железной дороги Карпаченко [43,с.30-32].

Кроме того, в президиум в обязательном порядке требовалось заочно включить высшее руководство страны и известных зарубежных коммунистов: «Под продолжительные аплодисменты и громкие крики «Ура!» выбран почетный президиум первой районной конференции в составе тов. Сталина, Калинина, Андреева, Микояна, Жданова, Хрущева, Берия, Шверника, Димитрова, Тельмана. ...Делегат районной партийной конференции Герой СССР тов. Родимцев предложил послать приветственную телеграмму вождю народов великому Сталину. Предложение тов. Родимцева участники конференции стоя приветствовали продолжительными аплодисментами и криками «Ура!».

Думаю, читателю интересно узнать, каким был партийный ритуал того времени. Пусть читатель до конца проникнется духом царившего тогда партийного угодничества и верноподданичества и прочитает часть текста телеграммы тов. Сталину: «Письмо тов. Сталину. Москва. Кремль. Тов. Сталину. Дорогой Иосиф Виссарионович! Мы, большевики Волковысского района, посланные для работы в западные области, собравшись на первую районную конференцию, шлем Вам, вождю, другу и учителю свой пламенный большевистский привет!

Большевики Волковысского района, вместе со своей КП(б)Б, вместе со всей партией и советским народом, демонстрируют свою горячую любовь и беспредельную преданность ленинско-сталинскому ЦК ВКП(б)Б и Вам, вдохновителю и организатору великих побед социализма.

Под Вашим руководством, дорогой Иосиф Виссарионович, осуществлена великая



Кинотеатр “Полония”.
Фото 1930-х годов.

мечта белорусского народа. Сейчас белорусский народ объединен в единой великой семье народов СССР.

Нам, большевикам выпала великая и почетная задача – работать в западных областях БССР. Мы горды доверием партии и это доверие оправдаем с честью...».

На важнейшем партийном собрании пришлые большевики-«освободители» собрались подвести итог своего семимесячного (не правда ли – примечательная ассоциация! – Н. Б.) правления в Волковысском районе. После окончания священного ритуала перед собравшимися в зале делегатами выступил с докладом Банцырев. Факты и цифры, изложенные в докладе, представляют несомненный интерес для истории Волковыска, приводятся наиболее примечательные выдержки из доклада: «Из присланных коммунистов в декабре 1939 г. и сложилась наша районная партийная организация. Наша партийная организация, к тому времени еще уездная, была оформлена в декабре 1939 г. Тогда было создано шесть первичных парторганизаций и одна кандидатская группа. В настоящее время организация насчитывает 20 первичных парторганизаций с количеством: членов ВКП(б) – 115 человек, кандидатов ВКП(б) – 57 человек, из них женщин членов партии – 5, кандидатов – 2 человека. А всего наша парторганизация насчитывает 172 человека. По национальному составу: русских – 55 человек членов партии и 33 кандидата в партию, белорусов – 44 и 12, украинцев – 4 и 5, евреев – 10 и 4, поляков – 1 член, чувашей – 1 и 1, мордвинов – 1 кандидат, осетин – 1 кандидат.

...Комсомольская районная организация состоит из 15 первичных организаций, насчитывающих в своих рядах 181 человек. С момента создания здесь комсомольских организаций принято в комсомол 38 человек местной молодежи, главным образом из числа рабочих и крестьянских бедняков. Организовано 7 пионерских отрядов, охватывающих 180 пионеров».

Не густо, однако. Это в пионеры можно было завлечь несмышленых ребятишек, а вот в комсомол по меркам района вступило совсем немного молодежи. Что касается приема в партию из местного населения, то в докладе об этом даже не упоминается. Таких не было вовсе, тем более переводить бывших коммунистов Западной Беларуси в члены КП(б)Б установки свыше не поступало. Рылом не вышли, а вернее, не было к ним доверия. Не советской закалки западные товарищи. Далее Банцырев продолжал: «В наследство от ясновельможных панов нам достались тысячи трудящихся, которые были лишены получать работу и в нечеловеческих условиях влачили жалкое существование. Перед нами встал вопрос об учете безработных и их трудоустройстве. За короткий отрезок времени через отдел труда получили работу по району 964 безработных, из них мужчин – 723 и женщин – 236 человек. Кроме того, по отделам труда приняты на работу в разные советские и хозяйственные учреждения и предприятия – 400 человек, а всего трудоустроено по району – 1364 безработных. При этом следует учесть, что большое количество безработных направлено в различные восточные области СССР».

Ликвидация безработицы – это главный аргумент в докладе Банцырева на партконференции. Давайте разберемся, все ли так хорошо обстояло, как голосисто «пел» главный большевик района. Самое первое, что бросается в глаза из этих цифр, – это огромное число управленцев разного уровня – 400 человек. Часть из них заменила прежних, но большая часть осела на новых должностях, придуманных для советской бюрократии, и без которых при Польше прекрасно обходились. Теперь же требовался повсеместный учет и контроль. Не забудем, что из бывшего Волковысского повета образовали четыре новых района, и на каждый из них потребовалась своя администрация, партийная и советская номенклатура.

С приходом Красной Армии началось усиленное строительство объектов оборонного значения – аэродромов, мостов, подъездных дорог. В качестве рабочей силы использовалось местное население. Аэродром возле Росси принялись строить сразу же в сентябре 1939 г. Вспоминает Вацлав Стах: «Через несколько дней после прихода Красной Армии на помещичьем, большом картофельном поле, за лесом, называемом жителями Гаем, приземлился огромный самолет-биплан. Оказалось, что летчики присмотрели это место под строительство аэродрома. Новая власть оповестила население в срочном порядке помочь выкопать картофель. За день работы платили до 100 кг картошки с этого же поля. За короткое время поле убрали. Через две недели на очищенное поле стали приземляться двухмоторные самолеты» [3].

Рассказывает непосредственный участник строительства аэродрома Евгений Степанович Крук: «Там были тысячи людей. Из-за нехватки местной рабочей силы сюда из исправительно-трудовых лагерей привезли заключенных. Охраняли их очень строго, и обращение с ними было жуткое. Но как ни старались изолировать заключенных от местных работников, рассказы невольников про «рай» в СССР, про принудительную коллективизацию, голод, репрессии – постепенно развенчивали миф о хорошей советской жизни, открывали суровую действительность большевистской власти, порядки, которые вскоре испытало на себе наше население» [36].

К тому же много рабочей силы было принудительно привлечено к лесозаготовкам и лесовывозке, о чем упоминалось выше. Все это вместе взятое и помогло трудоустроить местное население.

Правда, интенсивнее заработал цементный завод, но опять-таки на нужды армии. Из выступления Банцырева: «Самое большое предприятие в районе – цементный завод. При Польше работал только в сезон. С наступлением зимы производство закрывалось. С приходом Красной Армии и организации временного комитета завод начал работать. С начала зимы производство было приспособлено к работе в зимних условиях. Количество производственных рабочих к концу первого квартала составляет 471 человек, из них 65 – женщины. Большинство рабочих переведено на сдельную оплату труда. Лучшие работники выдвинуты на руководящую работу. Так, на 01.04. 1940 г. бывшие рабочие занимают должности: начальники цехов – 7, начальники смен – 8 » [43,с.34].

В наше время, чтобы занять такие должности, надо получить высшее образование. А тогда, видно, шибко грамотные рабочие были. Но даже на таком пролетарском заводе советская власть не могла нормально устроить быт рабочим. Директор завода Плавник упрекнул партийное руководство: «Работа кооперации по снабжению рабочих предметами первой необходимости и продуктами поставлена очень плохо. Несмотря на все мои попытки разрешить этот вопрос с райсоюзом, положительных результатов пока что нет. Работа райздравотдела и районо также оставляет желать лучшего».

Справка: Борис Григорьевич Плавник, 1900 года рождения, член ВКП(б)Б с 1923 г., образование незаконченное среднее.

Далее Банцырев продолжал: «…Одним из крупных предприятий нашего района является паровозное депо. На станции Волковыск Центральной работает 786 рабочих.

…Хлебокомбинат начал свою работу с 1.12.1939 г. и объединяет шесть бывших

кустарных хлебопекарен. Общая суточная мощность продукции составляет 18-19 тонн. Штат рабочих – 122 человека. ...Очень часты были случаи попадания в хлеб и муку посторонних предметов, например, гвоздей, проволоки, махорки, спички и тому подобного. Эти факты говорят об отсутствии бдительности и контроля на мельницах и хлебопекарнях».

27 мая 1940 г. работа хлебокомбината будет обсуждаться на бюро. Заслушав доклад директора Шевченко, постановили: «…Санитарное состояние пекарен совершенно недопустимо. Помещения пекарен содержатся в грязном состоянии, наличие в помещениях паутины и пыли. Формы, используемые для выпечки хлеба, не очищаются, отдельные из них покрыты ржавчиной. Мука просеивается недоброкачественно, а также имеются случаи, когда мука на пекарне совершенно не просеивается, в результате чего в выпекаемом хлебе попадаются посторонние предметы – гвозди, стекло и другое. Во время работы рабочие не пользуются выданной им спецодеждой. Готовая продукция хранится плохо – выпеченный хлеб складывается на полу в коридорах. Отпуск выпеченного хлеба производится в неприспособленной таре. Все это свидетельствует о том, что со стороны директора хлебозавода тов. Шевченко проявляется небольшевистское беззаботное отношение к организации работы пекарен, к устранению отмеченных ранее советов по очистке хлебокомбината от враждебных элементов» [43,с.35].

И здесь неумелая работа объясняется происками врагов, хотя здесь налицо неспособность руководства хлебокомбината наладить элементарную технологическую дисциплину.

На конференции Банцыревым отмечалась работа мясокомбината: «...В прошлом мясокомбинат не обеспечивался сырьем и поэтому в большинстве своем не работал. В настоящее время обеспечивается полностью. До национализации на нем работало 127 человек, в настоящее время работает 170 рабочих, и лучшие из них выдвинуты на руководящую работу».

Забегая вперед, надо сказать, что уже через восемь месяцев по итогам 1940 г. картина работы мясокомбината выглядит куда мрачнее: «Бюро райкома признает работу мясокомбината неудовлетворительной. Годовой план по мясу выполнен на 67,78 %, по колбасным изделиям – на 62,3 %, пирожкам – на 35,69 %, холодцу – на 36,5 %. Валовая продукция за год составляет 59,87 %. Мясокомбинат сырьем не обеспечен, в результате чего имеют место большие простои. В первом полугодии простои составляют 36,6 %, а с 1-го декабря 1940 г. мясокомбинат, по существу, не работает» [56].

Из доклада Банцырева на конференции: «Наличие производственных предприятий в районе: мельниц – 13, с общим количеством рабочих и служащих 89 человек; лесопильных заводов – 4 и 74 человека; кирпичных заводов – 4 и 81 человек; литейный завод – 1 и 39 человек; винокуренных заводов – 4 и 44 человека; маслобойный завод – 1 и 7 человек; меловые копи – 1 и 100 человек; механические мастерские – 1 и 10 человек.

Сеть медучреждений при Польше была развернута чрезвычайно слабо. Достаточно сказать, что на весь Волковысский уезд имелась только одна больница на 80 коек, а в волостных центрах и в деревнях больниц и акушерства не было и в помине (вранье! Смотрите главу «Охрана здоровья, опека и санитария» в цикле «Волковыск межвоенный» – Н. Б.). ...Несмотря на значительное расширение сети медучреждений и улучшение медобслуживания трудящихся, еще имеются факты невнимательного отношения со стороны медперсонала к пациентам, на что влияет засоренность медработников бывшими людьми (создается впечатление, что большевикам в их работе мешали все бывшие специалисты без исключения, включая и медиков. Это уже какая-то шизофрения государственного уровня! – Н. Б.).

...В промышленной кооперации созданы следующие артели:

Сапожная артель под названием «Вперед» объединяет 72 члена. В марте месяце выпустила 555 сапог и ботинок на сумму 44 тысячи рублей. По плану на 1940 г. артель должна дать 12 тысяч пар новой обуви на сумму 231 тысяча рублей.

Трикотажная артель «Красный луч» объединяет 20 членов. На 1940 г. предусматривает выпуск продукции на 252 тысячи рублей.

Артель войлочного производства производительной мощностью до 500 пар валенок в месяц. Производство артели носит сезонный характер.

Щеточная артель «Чистота» объединяет 16 членов. Производственная мощность в год составляет 75 тысяч сапожных щеток в год, одежных – 40 тысяч, щеток домашнего обихода – 30 тысяч, кистей малярных – 40 тысяч.

Столярная артель «Прогресс» объединяет 66 членов. Производственная программа артели предусматривает выпуск на 1940 г.: канцелярских столов – 500 штук, письменных столов – 300 штук, обыкновенных столов – 1000 штук, шкафов – 500 штук, стульев – 2000 штук, табуреток – 3000 штук. Всего – на сумму 500 тысяч рублей» [43,с.37].

Чего стоила продукция артели «Прогресс», рассказал 23 марта 1941 г. на пленуме райкома новый директор горпищепромторга Асанов: «Качество выпускаемой продукции на предприятиях нашего района исключительно плохое. Я купил несколько шкафов, столов, стульев и других изделий, и они у меня стоят в магазинах. Население из-за плохого качества ничего покупать не хочет» [73].

Из доклада Банцырева: «Артель «Лесохим» объединяет четыре смолокуренных завода. Членов артели 25 человек и 100 рабочих. Предусматривает выработку скипидара разного – 500 тонн, смолы – 50 тонн, древесного угля – 150 тонн.

Ряд артелей находится в стадии организации» [43,с.37].

О работе советских артелей рассказал выступивший на этой же конференции Пожевалко, директор чугунолитейного завода: «Торговля в городе организована плохо. Рабочие, как правило, всегда должны стоять в очередях, чтобы получить какой-либо товар первой необходимости. Имеющаяся в городе сапожная артель работает плохо и не может своевременно обеспечить рабочему ремонт сапог. Что касается столярной артели, то она свою продукцию выпускает по спекулятивным ценам, не говоря уже о том, что качество ее слишком сомнительно. Никакого контроля за артелями нет. Чугунолитейный завод в настоящее время оказался перед фактом остановки своей работы, потому что не имеет ни угля, ни железа, и помощи в этой части со стороны райкома КП(б)Б я не имею. А ведь о развитии местной промышленности говорилось не один раз, и принимались неплохие решения» [43,с.38].

Действительно, принимаемые решения, в большинстве случаев, так и оставались на бумаге. Вплоть до самой войны нормальную жизнь в городе наладить Советам так и не удалось. Одно из немногих решений, которое воплотили в жизнь, было очистка аппарата от «классово-чуждых элементов». Но торговле это не помогло. От того, что из управления торговли выгнали лучших специалистов, товар в магазинах не появился. О чем можно говорить, если в магазинах для военных и то не было чего купить. По этому поводу 2 октября 1940 г. на бюро специально разбирался вопрос «О работе Волковысского филиала Слонимского отделения военторга». Из постановления: «Контингент обслуживаемого филиала не обеспечивается такими предметами, как папиросами, махоркой, курительной бумагой, туалетными предметами и т. д. Имеют место случаи, когда командиры, начальник политчасти состава и их семьи не обеспечиваются хлебом и сахаром. Особенно неудовлетворительно поставлено снабжение на периферии. Имеющиеся починочные материалы и мастерские не обеспечивают нужд начкомсостава и их семей.

Магазины филиала по своему внешнему и внутреннему оборудованию имеют некультурный и неприглядный вид. Руководство филиалов не добилось от вышестоящих филиалов в достаточном количестве завоза необходимых товаров в связи с прибытием новых воинских подразделений и соединений, для того чтобы организовать бесперебойное обслуживание контингента.

Аппарат филиала военторга засорен классово-чуждым элементом. Все эти недостатки вызывают законное недовольство отдельных командиров и красноармейцев

неудовлетворительным обслуживанием их со стороны филиалов военторга» [43,с.320].

Дальнейшее правление

Необходимый порядок отсутствовал не только в работе различных промышленных и хозяйственных организаций, но и в самой милиции, где, казалось бы, порядок должен быть образцовым. 16 августа 1940 г. на заседании бюро РК КП(б)Б заслушивается вопрос «О политико-моральном состоянии горотдела рабоче-крестьянской милиции». Докладывал начальник городского отделения НКВД Виноградов. Доклад в архивном деле отсутствует.

Из постановления: «Бюро РК КП(б)Б считает установленным случаи драки с применением оружия между работниками милиции Поповым, Сизовым и Шушкевичем. В результате чего оказались ранеными Попов и Сизов. Произошло это вследствие того, что руководство горотдела милиции серьезно не занималось проверкой и изучением личного состава милиции, допустив проникновение в милицию недостойных людей. Неудовлетворительно поставлена политико-воспитательная работа среди работников милиции. Не пресекались моменты пьянства и бытового разложения среди отдельных работников милиции.

Начальник горотдела милиции тов. Чегодаев не выполнял прямых своих обязанностей, а занимался пьянством, имел связи с классово-чуждым элементом, как с Шеборовской, так и с Госевской. В результате плохой постановки работы милиции ни один случай ограбления и воровства не был раскрыт. В милиции не велась борьба с нарушителями революционной законности. Начальник милиции тов. Чегодаев сам нарушал революционную законность – вместо действительной борьбы с кадушничеством тов. Чегодаев допустил изъятие крестьянских овчин, вызывая этим самым у крестьян недовольство, а кулак-кадушечник остается безнаказанным» [43,с.276].

(Надо понимать, что кадушечник – это тот, кто занимается промыслом кадушек, небольшой кадки для воды и засолки продуктов. – Н. Б.)

На заседании бюро было предложено просить областное управление милиции избавить Волковыск от такого начальника. Но, видимо, там просьбу не удовлетворили, так как в книге «Милиция Гродненщины», изданной в 2002 г., читаем: «Младший лейтенант милиции Павел Андреевич Чегодаев, 1901 года рождения, возглавлял отдел до начала Великой Отечественной войны» [74].

Впрочем, в те времена пьянство, связи с женщинами и нарушение законности было не таким уж большим преступлением. Главное не терять классовой бдительности, быть беспощадным к врагам народа и классово-чуждым элементам. К тому же совсем недавно за плохую работу был снят предшественник Чегодаева, первый начальник волковысской милиции лейтенант Бабкин.

А кто же был сам начальник Волковысского горотдела НКВД Виноградов? Из протокола бюро, на котором решали кадровые вопросы, узнаем: «Иван Андреевич Виноградов, 1905 г. рождения, русский, из рабочих, образование незаконченное среднее. В 1929 г. имел за пьянку партвзыскание – выговор, снятый в 1931 г. До этого работал начальником отдела НКВД Ивановской области» [43,с.215].

Видно, начальник НКВД продолжал пить горькую и после взыскания, раз его понизили в должности – с начальника области перевели начальником в районный город.

Между тем для самих рабочих гайки закручивались до упора. 26 июня 1940 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на 8-мичасовой рабочий день и 7-мидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода с предприятий и учреждений». Это означало работать без выходных дней. Такое не придумали даже в царские времена при крепостном праве. Согласно указу, никто не имел права отказываться от

сверхурочной работы. Никто не имел права переходить с одного места работы на другое без официального разрешения дирекции предприятия. За нарушение этого указа виновник привлекался к судебной ответственности, вплоть до лишения свободы. Судам предписывалось рассматривать такие дела в пятидневный срок и приговоры приводить в исполнение немедленно. Если директор не отдавал прогульщика под суд, он сам подлежал уголовной ответственности. Если он принимал самовольно ушедшего рабочего с другой работы, директор тоже подвергался судебной ответственности. По существу, рабочие превратились в бесправных рабов, не имевших права по своей воле распорядиться своей же рабочей силой. Ровно через два месяца на пленуме Волковысского РК КП(б)Б рассматривали, как исполняется данный указ на подчиненной партии территории.

Из тупления директора цемзавода Плавника: «Партия и правительство дало нам в руки острейшее оружие для наведения большевистского порядка на наших предприятиях. ...Сейчас у нас все рабочие имеют жетоны. Кроме того, мы проверяем, как рабочие работают непосредственно около своего станка. Благодаря этому мы обнаружили, что комсомолка Кричко вовремя пришла на работу, а на работе она прогуляла 45 минут. Ее предали суду» [47].

Из выступления начальника политотдела железной дороги Детского: «Мы имеем за время с 26 июня по сегодняшний день 33 прогула и 10 опозданий. ...Большое количество прогульщиков среди грузчиков – 17 случаев, депо – 2, служба движения – 9 и т.д. Особенно непростительно нам, что среди прогульщиков фигурируют коммунисты. Коммунист-прогульщик Дряхло осужден на один год принудительных работ».

Из выступления директора мясокомбината Хайденко: «На мясокомбинате мы имеем опозданий и прогулов 6 случаев, из-за которых четверо человек осуждены, один оправдан. Один опоздал на 20 минут и понес наказание в административном порядке».

Прокурор Жаркевич дал справку, сколько всего человек подверглось наказанию за нарушения указа: «В прокуратуре было 96 дел на прогульщиков, шесть из которых оправданы. Остальные осуждены на разные сроки, а пять из них приговорены к тюремному заключению. ...Мы имеем указания, что, если лицо совершило повторное опоздание до 20 минут, его нужно привлекать к судебной ответственности» [47].

Выполнение указа ставило рабочего в крепостную зависимость от руководства предприятия. Из докладной записки областного прокурора секретарю Белостокского обкома: «Всплыли такие факты, когда прогульщика принимали в другое учреждение, а суд не реагировал. Например, при рассмотрении дела гражданина Медведского из Волковыска сделавшего умышленный прогул с целью перейти с кирпичного завода в леспромхоз на более высокую оплату. Несмотря на то, что суд все это установил, руководители леспромхоза, принявшие прогульщика, к ответственности не привлечены, прогульщик не осужден» [54,с.129].

Из данного факта следует, что рабочий самовольно ушел с кирпичного завода и перешел на более оплачиваемую работу. Это, согласно указу, считалось преступлением.

Видимо число отдаваемых под суд за нарушение указа достигло огромного размера, так как через три месяца районный прокурор Жаркевич 16 ноября 1940 г. на собрании районного партийного актива отметил: «Еще очень много случаев отдачи под суд за нарушение указа... Некоторые товарищи просто страхуются, кабы чего не вышло. По поводу и без всякого повода передают суду, и суд вынужден много оправдывать людей в нашем районе» [46,с.23].

Можно не сомневаться, что до начала войны число осужденных намного увеличилось. Эти драконовские меры по отношению к работающим были приняты в стране, где «так вольно дышит человек», где советская пропаганда лицемерно трубила о диктатуре пролетариата.

Прошло больше года, как в Волковыске установилась Советская власть. Для подведения итогов работы 10 ноября 1940 г. собирается пленум РК КП(б)Б с повесткой дня

«Отчет о работе РК КП(б)Б». Как всегда остро критиковал работу торговли председатель райисполкома Дашук: «Плохо у нас работают торгующие организации горпищепромторга и райсоюз. Наши товарищи, работающие в горпищепромторге и райсоюзе тов. Альперович и Мисюля, не научились еще торговать, искусственно создают очереди, ездят с одним ящиком чулок от магазина к магазину, и за машиной бегает вся очередь. Альперович и Шевченко, несмотря на ряд указаний со стороны райкома и со стороны райисполкома о том, чтобы они приняли все меры, и в дни праздников никаких очередей не было. Они эти указания игнорировали и в дни праздников (имеется в виду день октябрьской революции) создали очереди за хлебом. Человек до ста доходила очередь.

...Наши торгующие организации ожидают, когда нам пришлют товар из других областей, а подумать, чтобы на месте изготовлять товары ширпотреба, онине думают. Было распоряжение райисполкома швейной фабрике о том, чтобы с началом учебного года начали изготавливать детский ассортимент одежды. Директор фабрики тов. Меркин посчитал это для себя невыгодным, и детский ассортимент не изготовляли, а понашивали мужских брюк без поясов. Они лежат в лавках, и никто их не берет, а дети школьного возраста не имеют в чем ходить в школу.

...Недостаток в работе районного комитета и тот, что нет плановой и равномерной продуманной работы. Вот мы слушали на пленуме райкома вопрос о подготовке к уборочной кампании и слушали этот вопрос, когда уже эта уборка была в самом разгаре. Вот и сейчас случай непродуманной работы. Часто нас вызывают в райком в 12 часов или два часа ночи, наспех инструктируют, часто дают неправильные установки, приказы, и заставляют сейчас же выезжать на район проводить эту работу, не заботясь о средствах передвижения. Приходилось одну и ту же работу переделывать по два-три раза» [47].

Можно подумать, что районное партийное руководство без устали работало днями и ночами. На самом деле они подстраивались под сталинский режим. У диктатора в Кремле ночь и день давно поменялись местами, и все высшее чиновничество подстраивалось под его распорядок. Не дай Бог позвонят ночью по какому там вопросу, а ты как нормальный человек в это время спишь дома. Приходилось быть на посту до трех часов ночи, когда Сталин, наконец, отправлялся на отдых. Только по этому примеру видно, какая ничтожная, неуважительная к человеку система власти была построена в СССР при диктаторе.

Из выступления на пленуме помощника секретаря РК КП(б)Б Андросова: «Бюро РК КП(б)Б за этот период заседало 43 раза и разрешило 337 вопросов. Из этого количества вопросов 71 решение требовало систематической проверки исполнения.

Но проверка исполнения собственных решений у нас поставлена очень плохо. В результате отсутствия проверки исполнения отдельные вопросы обсуждались на бюро по четыре-пять раз. Так, например, строительство скоростной дороги Волковыск-Россь обсуждалось пять раз, о заготовках - четыре раза и один раз на пленуме.

...Часто решения бюро не достигает своей цели, так как вопросы на бюро готовятся поверхностно, необдуманно, без достаточного анализа проверяемого вопроса. Например, тов. Табаков готовил вопрос о работе Росской МТС без проверки, не побеседовал с людьми, с работниками МТС, а вызвал к себе в кабинет директора МТС и секретаря первичной организации и состряпал проект постановления, который бюро РК КП(б)Б не приняло» [47].

На этом пленуме был освобожден от должности первого секретаря Волковысского РК КП(б)Б Игнат Акимович Банцырев. Несмотря на отсутствие явных достижений в хозяйственной деятельности подчиненного ему района, Банцырев уходит с повышением на работу в управление Совета Народных Комиссаров Белорусской ССР. Тогда, в первую очередь, в руководителях ценились преданность партии и беспощадность к врагам, в чем Банцырев преуспел.

Исполняющим обязанности первого секретаря райкома партии на пленуме избирается Василий Ефимович Тузов, 1905 года рождения, из крестьян, со средним образованием, член ВКП(б) с 1929 г. До этого работал заместителем начальника оргинструкторского отдела

Витебского обкома партии.

Как видим, самокритики среди коммунистов было достаточно. Только мало что от этого менялось. Это хорошо видно из доклада на районном партсобрании 6 января 1941 г. Председатель райисполкома Дашук и на этот раз бьет критикой не в бровь, а в глаз: «В районе у нас имеются большие залежи извести. Никто их не разрабатывает и не намечает разработку, а у нас известь – ценный материал. Отдельные хозяйственники получили по 5-6 рублей за килограмм извести.

Пару дней тому назад я попросил директора райпромкомбината, чтобы он дал мне наметку, что даст местная промышленность в 1941 г. Он представил мне план производства фоторамок, игрушек, вешалок и т.д. Разве это нам нужно? Нам нужны сани, телеги, колеса и другие необходимые предметы для населения» [75,с.42].

Партийное руководство все время расписывалось в своем собственном бессилии. Казалось бы, в первую очередь должны были создать условия для детей дошкольного возраста, но и в этом вопросе сплошной бардак. Из постановления «О состоянии работы детсадов», рассмотренном на заседании бюро 8 февраля 1941 г.: «Заврайоно тов. Куропатенко не интересуется работой детсадов, не проверяет правильность расходования средств. В результате чего за 1940 г. было списано не расходованных средств по трем детским садам на сумму 90 тысяч рублей. Детсады не оборудованы мебелью, нет коек, постельного белья, и дети девять часов находятся в детском саду без отдыха. Детсады № 3 и № 4 помещаются в тесных домах, помещения темные, тесные и не соответствуют требованиям детских учреждений. Детсады № 1 и № 3 переполнены. По плану детей должно быть 60-70, а фактически имеется по 85 человек. ...В детсад дети принимаются без медосмотра, врач в детсадах бывает очень редко, топливом детсады на зимний период не обеспечены. Из-за недостатка дров в детсадах № 1 и № 3 очень низкая температура» [56].

Все это время районные власти не могли обеспечить население хлебом. И лишь 5 марта 1941 г. на заседании бюро было, наконец, отмечено: «В результате проведенных в 1940 г. ряда мероприятий по восстановлению оборудования и реконструкций существующих пекарен и отдельных цехов хлебокомбината, пропускная способность последнего увеличилась с 14 до 20 тонн в сутки, что дало возможность полностью удовлетворить потребность населения в хлебе и, тем самым, ликвидировать очереди и перебои в хлебных магазинах» [56,с.45].

Только через полтора года своего хозяйствования советская власть смогла обеспечить население хлебом. А ведь до ее прихода перебоев с хлебом не было. Заметим, что при немецкой оккупации местное население проблем с хлебом испытывать так же не будет. Правда, в городе хлеб станут выдавать по карточкам, а на селе его вновь станут выпекать в домашних условиях. Проблемы с хлебом появятся снова после возвращения советской власти. На этот раз на более долгий срок.

Даже в 1960 г. автору данной статьи, тогда еще шестилетнему ребенку, вместе с матерью долгими часами приходилось выстаивать в магазинных очередях за хлебом. Конечно, мать стояла в очереди сама, а нас, гуляющих возле магазина детей, матери подзывали к прилавку, когда подходила их очередь. В руки давали по одной буханке хлеба на человека. А ведь после войны прошло уже 15 лет! Так что на войну дефицит хлеба в стране не спишешь. Виновата в этом только советская система с ее колхозами и рабами-колхозниками.

Никогда не забуду, как в 1962 г. тогдашний руководитель страны Никита Хрущев, сделал широкий жест: велел в рабочих столовых «бесплатно» ставить на столы нарезанный черный хлеб. Вот, мол, какая у нас богатая страна, что может позволить себе кормить хлебом бесплатно! Возле нашей школы № 4 по улице Аллейной как раз находилась столовая для железнодорожных рабочих. На перемене голодные дети бегали в эту столовую, хватали «бесплатный» хлеб и ели его. Для вкуса некоторые намазывали его горчицей, стоявшей тут же на столе. Впрочем, скоро эту показуху в виде «бесплатного» хлеба отменили.

А вот с остальными товарами дело не наладили вплоть до самой войны. Из постановления пленума Волковысского райкома партии от 23 марта 1941 г.: «В районе совершенно слабо организовано производство кирпича, черепицы, до сих пор не освоена выработка колес, телег, саней, школьных принадлежностей из дерева, гончарных изделий. Слабо развивается местная пищевая промышленность, несмотря на то, что в районе для этого имеются все условия. Отходы спиртных заводов, мельниц, столовых, маслозаводов и других предприятий для откормки скота используются крайне недостаточно. В предприятиях царит грязь. Рабочее место и сырье содержится неряшливо. Бескультурье и захламленность на этих предприятиях не дают возможности поднять производительность труда и улучшить качество продукции» [73].

А то, что и смогли наладить, было с плохим качеством. Взять производство того же кирпича, который в Волковыске при Польше производили отличного качества. Упавший на бетонный пол кирпич звенел, но не бился, а все потому, что соблюдалась нужная технология. Да и конкуренция среди производителей кирпича заставляла держать высшую марку. Сейчас все изменилось. Из выступления директора кирпичного завода № 5 Добряко на общем районном партсобрании от 6 января 1941 г.: «Кирпичный завод № 5 годовую программу выполнил полностью. По качеству выпускаемой продукции мы крепко отстаем. Проверить качество кирпича мы не могли, потому что на заводе нет лаборатории. Когда мы отправили свою продукцию в лабораторию в Минск, то качество выпускаемой продукции оказалось низкое. На заводе у нас работают обычным способом, и часто бывает, что люди калечат себе руки, особенно в зимних условиях. Два месяца я добиваюсь у райздравотдела организации на заводе медпункта и все безрезультатно» [75,с.34].

Примеров бесхозяйственности можно приводить достаточно много, о чем сохранились сведения в архиве. К тому же такое происходило не в одном районе, а на всех «освобожденных» землях Западной Беларуси и Западной Украины. Но зададимся вопросом: если бы не помешала грянувшая война с Германией, наладилось бы все или нет? Послевоенные события показали, что народ при Советах так и не зажил в таком же достатке как на Западе. Вплоть до развала СССР качественные товары народного потребления были в дефиците и народ всегда стоял в очередях, будь то за колбасой или туалетной бумагой. И дело здесь вовсе не в войне и ее последствиях. Дело в советской системе, в которой человек, прежде всего, был лишен права на частную собственность, а значит и на инициативу. Не смотря на то, что идеологические нахлебники не переставали трубить о народовластии, на самом деле власть так и не перешла к народу, а была сосредоточена в руках партийной бюрократии.

Да и никакого «воссоединения» белорусов при первых Советах не произошло. Западная Беларусь вплоть до начала войны в июне 1941 г. оставалась на особом режиме руководства. Сохранилась в целости даже старая польско-советская граница с пограничными заставами. Переходить эту границу гражданскому населению без соответствующего разрешения воспрещалось. И это советская пропаганда называла воссоединением! К сожалению, белорусы не получили независимости о которой мечтали, и не стали на своей земле хозяевами. Они очутились под гораздо более жестким и жестоким режимом, чем были до этого при Польше.

Так, что же принесли с собой в 1939 г. первые Советы? Освобождение? Такое «освобождение» здесь устроило немногих. Как говорили современники тех событий, «Советы освободили нас от всего», имея в виду товары в магазинах, свободу выбора и т. д. Но самое главное – большевики лишили народ веры: веры в богатство и процвитание, веры в построение справедливого общества, веры в создание независимого белорусского государства, где хозяином будет местный народ, и, наконец, веры в Бога. Такая беспросветность в жизни привела к процветанию в деревне самогоноварения и пьянства, чего при Польше никогда не было. Толчком к этому послужила ожидаемая коллективизация и огромные налоги, наложенные советской властью на частное хозяйство. “Освободители “

говорили западным белорусам: “Мы вас освободили от польского ига!” Народ же на это говорил между собой: “Из польского ига мы попали в советское ярмо, которое нас окончательно задушит”.

По мнению известного экономиста Николая Шемелёва в Советском Союзе массовыми стали апатия, безразличие, воровство, неуважение к честному труду и одновременно агрессивная зависть к тем, кто много зарабатывает, даже если честным трудом. Появились признаки почти физической деградации значительной части народа на почве пьянства и безделья. И, наконец, неверие в провозглашаемые цели и намерения, в то, что можно более разумно организовать экономическую и социальную жизнь. Воровство на производстве и в колхозах приняло угрожающие размеры [78,с.334].

Результаты большевистского правления нам хорошо известны – это уничтожение справного и предприимчивого хозяина, самостоятельно и независимо мыслящей интеллигенции, так называемый генофонд нации. И как следствие – обнищание народа и упадок его культуры. От методов обанкротившейся советской системы мы не избавились и поныне, а последствия и рецидивы советско- большевистского правления народ расхлебывает до сих пор. А в городах на центральных площадях по прежнему стоят памятники человеконенавистнику и душителю свобод – Ленину, создателю той модели государственного устройства, которая работала не ради благополучия своего народа, а ради власть предержащих, ради мифических целей, которые так и не были достигнуты. Зато были положены на жертвенный алтарь коммунизма и мировой революции многие десятки миллионов человеческих жизней и ещё больше поломанных и искалеченных человеческих судеб.

KAMUNIKA.TOP

Источники и литература:

1. Млечин Л. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М. 2004.
2. История Второй мировой войны 1939-1945. Т.3. Военное издательство. М.1974.
3. Stach Waclaw. Lata wojny i okupacji (1939-1944). Рукопись. Архив В. Карпызы.
4. Дневник Вероники Тресенберг. 1939-1942 г.г. Копия в архиве автора.
5. Былинский Ян Карлович. Воспоминания, записанные автором. 2002. Архив автора.
6. Cygan W. Kresy w ogniu. Wojna polsko-sowiecka 1939. Warszawa. 1990.
7. Antypolska dywersja 17 wrzesnia 1939. Relacja B. Hardeja. Warszawa.
8. Чарныш А. Вызваленне. Архив Военно-исторического музея. Волковыск.
9. Табаков Николай Васильевич. О людях и о себе. Воспоминания. 1987. Машинопись. Архив автора.
10. Dziennik dzialań bojowych frontu Białoruskiego we wrzesniu 1939 roku. Warschau. GRYF. 1998.
11. Grzelak Czeslaw. Wrzesień 1939 na Kresach. Warszawa. Neriton. 1999.
12. Ружанский Чеслав Петрович. Воспоминания, записанные автором. 2006. Архив автора.
13. Курбатова Янина Антоновна. Воспоминания, записанные автором. 2004. Архив автора.
14. Военно-исторический интернет-сайт www.militera.lib.ru.
15. Жабицкая Анна Ивановна. Воспоминания, записанные автором. 2004. Архив автора.
16. Олешкевич Эдуард Викторович. Воспоминания, записан. автором. 2003. Архив автора.
17. Иоффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. Минск. 1996.
18. Калиновская Тамара Антоновна. Воспоминания, записан. автором. 2003. Архив автора.
19. Навроцкий Вацлав. Воспоминания, записанные автором. 2004. Архив автора.
20. Шатиловская Регина Николаевна. Воспоминания, запис. автором. 2003. Архив автора.
21. Мельтюхов Михаил. Советско-польские войны. М. ЭКСМО. 2004.
22. Урбанович Адольф Болеславович. Воспоминания, запис. автором. 2003. Архив автора.
23. Вишневецкий Иван Александрович. Воспоминан., запис. автором. 2006. Архив автора.
24. Военно-исторический интернет-сайт www. hrono. ru.
25. Zachodnia Białoruś 17.9.1939.-22.6.1944. Wydarzenia i losy ludzkie. Rok 1939. Warszawa.1998.
26. Пивоварчик Виктор Юрьевич. Воспоминания, записан. автором. 2005. Архив автора.
27. Зайко Иосиф Павлович. Воспоминания, записанные автором. 2005. Архив автора.
28. Babiński Stanislaw. Wspomnienia z gimnazium im. Romualda Traugutta w Swisłoczy. Warszawa. 1991. Рукопись. Архив В. Карпызы.
29. «Памяць». Зэльвенскі раён. Мінск. 2003.
30. Бердик (Рутковская) Софья Ивановна. Воспоминания, записанные автором. 2003. Архив автора.
31. Дуда Казимир Степанович. Воспоминания, записанные автором. 2003. Архив автора.
32. Stanislaw Silwanowicz. Polski ruch oporu w Wołkowysku i okolicach w latach 1939-1941 // Kresowe stanice. 2001. № 3.
33. Гродненский архив общественных организаций Гродненской области (ГАООГО). Ф.6195. О.1. Д.12.
34. Окуневский Григорий Семенович. Воспоминания, запис. автором. 2002. Архив автора.
35. Сандалов Леонид Михайлович. Пережитое. Москва. 1966.
36. Крук Евгений Степанович. Воспоминания, записанные автором. 2002. Архив автора.
37. Шайдицкий. На службе Отечества. Санъ Франциско. 1963.
38. ГАООГО. Ф.6195. О.1. Д.92.
39. Задаля Валерый. Ваукавыскі варыянт. Гродна. 2001.
40. A. Poczobut. A donosiciel prosił o wybaczenie // Magazyn Polski. 2006. № 6.

41. Козлова Ольга Петровна. Воспоминания, записанные автором. 2002. Архив автора.
42. ГАООГО. Ф.6195. О.1. Д.11.
43. ГАООГО. Ф.15. О.50. Д.3.
44. Bober Jan. Wspomnienia. Рукопись. Архив Витольда Карпызы.
45. Балейко Георгий Владимирович. Воспоминания, записан. автором. 2002. Архив автора.
46. ГАООГО. Ф.15. О. 50. Д. 6.
47. ГАООГО. Ф.15. О. 50. Д. 4.
48. Sleszyński Wojciech. Wiadze szkolne i kadra pedagogiczna w sowieckim modelu oświaty...// Białoróskie Zeszyty Historyczne. №16. Białystok. 2001.
49. С. Свиридович. Время далекое, время близкое. Газета «Знамя Октября». 29 июня 1985.
50. Кніга «Памяць». Ваўкавыскі раен. Мінск. 2004.
51. ГАООГО. Ф.6195. О.1. Д.132.
52. Gnatowski Michal. Sowietyzacja i rusyfikacja pólnocno-wschodnich ziem 2-j Rzeczypospolitej (1939-1941). Białystok. Wydaw. Uniwersytetu. 2003.
53. Гісторыя Беларусі. Т.5. Мінск. 2006.
54. ГАООГО. Ф.6195. О.1. Д.8.
55. Из письма Павла Сезеневского. Архив Витольда Карпызы.
56. ГАООГО. Ф.15. О.50. Д.10.
57. Пивоварчик Иосиф Петрович. Воспоминания, записан. автором. 2003. Архив автора.
58. Подгурский Чеслав. Воспоминания, записанные автором. 2003. Архив автора
59. Газета «Заря». 1940. № 1.
60. ГАООГО. Ф. 6195. О.1. Д.13.
61. Витольд Карпыза. Воспоминания. Архив Витольда Карпызы.
62. Степеко Казимир. Воспоминания, записанные автором. 2001. Архив автора.
63. Кулик Степан Болеславович. Воспоминания, записанные автором. 2003. Архив автора.
64. Грибачевский Иван Васильевич. Воспоминания, записан. автором. 2002. Архив автора.
65. Леонард Евгения Владиславовна. Воспоминан., записан. автором. 2002. Архив автора.
66. Пакаленне вайны. Беласток. 2003.
67. Врублевский Леонид Антонович. Воспоминан., записан. автором. 2001. Архив автора.
68. Газета «Заря». 1940. № 43.
69. ГАООГО. Ф. 6195. О.1. Д.88.
70. Леонид Посох. Наш исторический выбор / «Знамя Октября». 16 сентября 1989.
71. Стельмашенок Мария Иосифовна. Воспоминания, запис. автором. 2003. Архив автора.
72. ГАООГО. Ф.6195. О.1. Д.6.
73. ГАООГО. Ф.15. О.50. Д. 9.
74. Милиция Гродненщины. Страницы истории. Гродно. 2002.
75. ГАООГО. Ф.15. О.50. Д.8.
76. Бовжик Генрих Михайлович. Воспоминания, записанные автором. 2007. Архив автора.
77. Личный архив жителя Волковыска Вячеслава Качука.
78. Иван Данилов. Записки западного белоруса. Минск. Издательство В. Хурсик. 2007.
79.www.shtetinks.jewishgen.org/svisloch/index.htm. Emanuel Goldberg. SVISLOCH UNDER SOVIET RULE, 1939-1941. Toronto, 1983